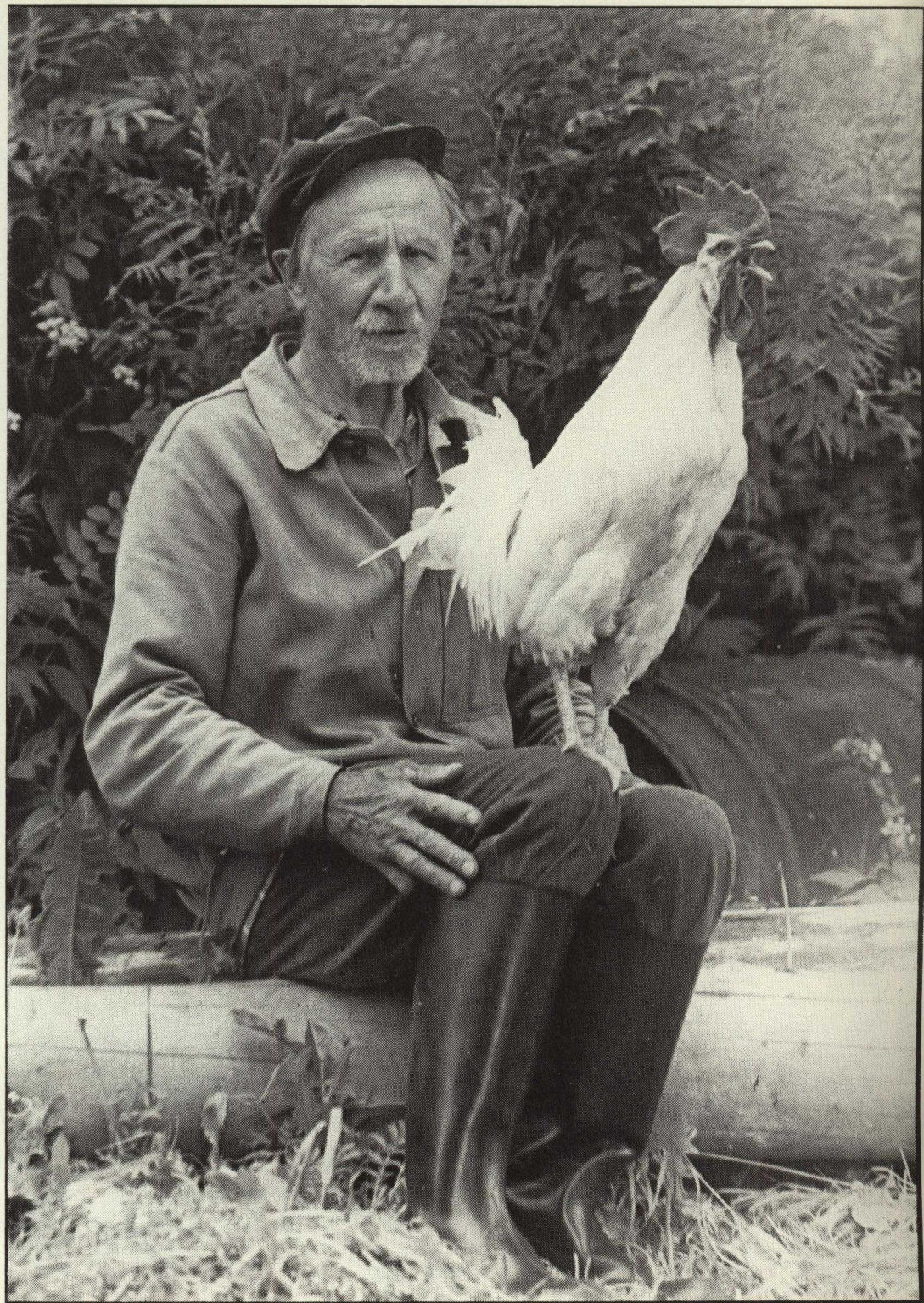

Парус 8/1988

МНОГО ЛИ УХОДИТ В БОТВУ!

Разговор о проблемах сельского хозяйства — на странице 2

Мы с хозяином вдвоем
нашу песенку поем

Фото
Светланы БОЛЬШАКОВОЙ,
17 лет,
г. Ярославль

ФОТОКОНКУРС
«Субъектив»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Парус

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный иллюстрированный
журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

Минск, «Полымя»

Издается с июля 1972 г.

В номере

Час приема по острым вопросам

Геннадий ЛИСИЧКИН. Нам наскучили нивы бесплодные	2
<i>По сути дела</i>	5, 18, 62
<i>Абзац</i>	6, 24
<i>Повод для знакомства</i>	
Светлана ШИДЛОВСКАЯ. Интервью вместо предисловия	8
Адам ГЛОБУС. Шляпа пожарного цвета. Рассказ	11
<i>Закулисная жизнь</i>	
Феликс АКСЕНЦЕВ. Привет!	14
<i>Рост</i>	
Андрей СКУРАТОВИЧ. Мелодия рассвета	19
<i>Работа над ошибками</i>	
Александр КЛАСКОВСКИЙ. Задача «на деление»	26
Юрий КОРОТКОВ. Авария. Киноповесть	34
<i>По сути дела</i>	
Александр ТЮЛЕНЕВ. Вахта на Ала-Беле	48
<i>Камертон</i>	
Александр ПОЛЯКОВ. Веретенце кружится, поет...	50
<i>С мира по нотке</i>	53
<i>Стихотворная тропа</i>	
Константин КРАВЦОВ.	54
<i>Свой человек в Мировом океане</i>	
Игорь МУФЕЛЬ. Швартовка в Матади	56
<i>Трубка мира</i>	
Андрей МАКСИМОВ. Развод перед свадьбой?	58
<i>Команда Оли Будиловой</i>	
Ольга БУДИЛОВА. Великие странники	60
<i>Ищу друга</i>	63

Макет номера подготовили Валерий Рувьков и Валентина Жгунцова.
На первой странице обложки плакат Елены Адамчик.

8 / 1988

Здесь, на поле, напротив ответствующих материалов номера, по десятибалльной шкале проставьте свои оценки, отрежьте анкету и вышлите в редакцию.

Сельский труд требует индустриальных знаний, так же как и индустрия нуждается в сельском труде. Не случайно в последние годы так широко распространены специальные библиотеки у колхозников, фермеров — тем самым книги по агрономии, животноводству, сельхозтехнике, почвоведению, пчеловодству и другим отраслям сельского хозяйства достигают знакомых сельских читателей. Но, к сожалению, мы часто забываем о том, что сельский труд требует и знаний в области культуры, истории, географии, математики, физики, химии, биологии. Не добавляйте, что в развитых странах на 1,5—3 процента фермеров приходится 25—30 процентов продукции сельского хозяйства. Это значит, что сельский труд требует и знаний в области культуры, истории, географии, математики, физики, химии, биологии. Не добавляйте, что в развитых странах на 1,5—3 процента фермеров приходится 25—30 процентов продукции сельского хозяйства. Это значит, что сельский труд требует и знаний в области культуры, истории, географии, математики, физики, химии, биологии.

На вопросы Малой редколлегии отвечает заведующий сектором Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, писатель Геннадий Степанович ЛИСИЧКИН

— Геннадий Степанович, нашу прошлую беседу¹ мы закончили обещанием ее продолжить.

— Ну что ж, будем выполнять обещания.

— Вы знаете, я перечитал сейчас вопросы малых редколлег и удивился: все редколлегии — горожане, а проблемы их волнуют в основном «деревенские».

— Например?

— Например, почему у нас не хватает мяса! Почему царская Россия продавала зерно, а Советский Союз покупает! Сколько еще нужно будет ездить «на картошку»? Почему наши коровы «работают» на уровне козы! Почему...

— Ясно. Ну, не такие уж они «деревенские» — эти проблемы. Прилавки-то пустуют и в городе. Что ж, давайте попробуем отвечать.

— Тогда начнем с поездок «на картошку».

— То есть почему сельским жителям нужна помощь горожан? Потому что они сами не справляются.

— А что, в деревне не хватает народу!

— У нас в колхозах, совхозах и производственных организациях на селе работает примерно 25,7 миллиона человек. В развитых странах эта цифра вдвое меньше, а в США, Англии не превышает 1,5—3 процентов. И никто не считает, что этого недостаточно.

¹ См. «Парус» № 5, 1988 г.

А здесь, с этой стороны нашей анкеты, пожалуйста, основные данные о себе:

имя и фамилия [это — если считаете нужным];

возраст;

где учитесь или работаете;

давно ли читаете наш журнал.

[Кстати, если этот номер попал к вам случайно, сообщаем: подписка на «Парус» принимается без ограничений круглый год. Надеемся на киоски не советуем: в розницу продается лишь малая часть тиража. Оформив же квитанцию в отделении связи или «Союзпечати», у общественного распространителя или почтальона (в сельской местности), вы вскоре начнете получать журнал регулярно и без лишнего хлопота).

И последнее: если оценка публикаций в баллах кажется вам недостаточно красноречивой, можете приложить к анкете письмо со своими комментариями. Такое развернутое мнение о номере будет для редакции особенно интересным.

— Что же, наши крестьяне просто не умеют работать! Или не хотят!

— Весьма распространенная точка зрения. Дескать, в деревне сейчас остались, не считая стариков и старух, только лодыри и пьяницы. Есть лодыри, есть пьяницы, есть люди трудолюбивые, старательные, есть великолепные хозяева. Как всюду. Хотя, конечно, не рискнул бы утверждать, что трудолюбивых и старательных большинство — об этом мы еще поговорим.

Но, как известно, один экскаватор заменят 10 тысяч самых старательных землекопов. В сельском хозяйстве роль «экскаватора» играет наука — хорошо налаженная селекционная и племенная работа, передовая технология...

Вы говорите: коровы дают молока почти как козы. Удивительно, что они при своем полугодовом существовании вообще что-то дают. Но даже если бы кормов хватало (а их катастро-

фически не хватает), вряд ли наша безотказная буренка смогла бы конкурировать с капиталистической родственницей — та втрое продуктивнее.

Нетрудно посчитать, сколько мы теряем только из-за низкой продуктивности скота. И если вместо одной фермы нужно построить три, если вместо одной коровы мы должны прокормить трех, если вместо одной доярки нужны три (а положение в животноводстве ничуть не хуже, чем в других отраслях сельского хозяйства), то что удивительного в том, что горожанам приходится ездить в село работать?

— Значит, все дело в науке! Будь она «порасторопнее», число сельскохозяйственных работников можно было бы запросто уменьшить раз в семь!

— В общем-то, да. При условии, что это будут работники по-настоящему подготовленные, образованные.

— Образованные! Но, помому, русские крестьяне лет сто назад хозяйствовало неплохо, а академий, как известно, не кончали.

— Вы, наверное, имеете в виду тех, что работали под руководством, скажем, Энгельгардта,¹ а не основную массу крестьян, собиравших по 6—7 центнеров зерна с гектара. Но настоящие хозяева как раз были не просто образованны, а высокообразованны.

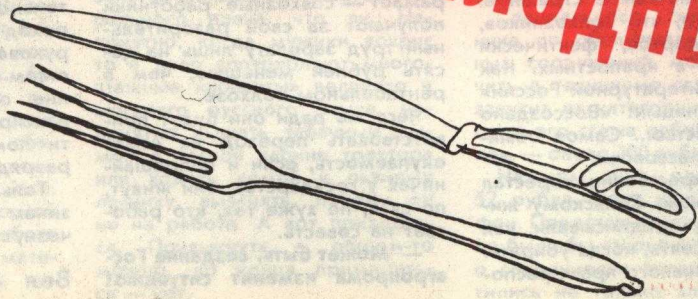
Сельский труд требует энциклопедических знаний. Мы к этому не привыкли. Не случайно советских туристов так поражают специальные библиотеки у американских фермеров — там собраны книги по агрономии, животноводству, сельхозтехнике, почвоведению, пчеловодству...

Но, повторяю, искать причину отставания нашего сельского хозяйства только в низкой квалификации крестьян было бы неправильно. Не забывайте, что в развитых странах на 1,5—3 процента фермеров «вкалывает» огромное количество людей в промышленности и сервисе. Даже сотрудники министерства сельского хозяйства США не руководят теми, кто растит хлеб и доит коров, а обеспечивают фермеров научными разработками, ведут селекционную работу.

Вопрос, я думаю, не в том, чтобы выкачать из села еще 15 процентов населения, а в том, чтобы повысить научное обеспечение села, дать крестьянам не-

¹ Энгельгардт А. Н. (1832—1893) — русский агроном, публицист

час приема по острым вопросам
**НАМ НАСКУЧИЛИ
НИВЫ БЕСПЛОДНЫЕ**

обходимую технику, навести порядок в социальной сфере...

— Но разве у нас не хватает техники? Отто Лацис писал недавно в «Известиях», что мы производим в 6,5 раза больше тракторов, чем США. И в 16 раз больше зерноуборочных комбайнов. А вот зерна собираем несравнимо меньше.

— Зато значительно опережаем Штаты по сбору металлолома — большинство наших сельхозмашин может прямо из заводских ворот отправляться в утиль. Если, конечно, они доберутся туда самостоятельно. Нужна другая техника — высококачественная, специализированная. Ведь даже если колхоз вырастит прекрасный урожай — 80—100 центнеров на гектаре, то только из-за неспособности наших комбайнов убрать такую массу продукции половина этих центнеров пропадет.

— Геннадий Степанович, как же получилось, что мы так отстали от мирового уровня, ведь царская Россия действительно экспортировала сельхозпродукты!

— Я думаю, тут не надо бросаться в крайности. Как бы там ни было, а едим мы все же лучше, чем в 1913 году. Причем в 2,5 раза. А конкретно: мяса на душу населения перед революцией производилось 29 килограммов, а сегодня все же 64. Это, конечно, ниже рекомендуемого наукой уровня — 78 килограммов, ниже того, что получают в США — 116 килограммов, но все равно нужно говорить о росте, а не об упадке.

А вот почему мы отстали от развитых стран — такой вопрос правомерен. Думаю, не лишним будет заглянуть в историю. То, что потом отблекаемо назвали «перегибами в коллективизации», привело не только к уничтожению наиболее крепких хозяйств, но и вообще к катастрофическому удару по сельскому хозяйству. Были уничтожены десятки миллионов голов скота. Только коров пало 10 миллионов (это почти все поголовье молочных коров США).

Но и это не самое страшное. Страшнее то, что колхозников, лишив паспортов, фактически превратили в крепостных. Как пишет в «Литературной России» Георгий Куницян: «Воссоздано было холопство... Самое обыкновенное. Массовое».

То есть крестьянин перестал быть хозяином. Сельскому жителю сверху предписывали, как пахать, что сеять, когда убирать. При этом никакого права распо-

ряться урожаем у него не было. Отбиралось все, и не за деньги, а просто так. «В закрома Родины».

— Но город-то кормить нужно.

— Конечно, но не за счет интересов крестьянина. Смотрите, за четыре года нэпа национальный доход, упавший почти втрое за годы гражданской войны, достиг довоенного показателя, а в сельском хозяйстве превзошел. После голода страна начала жить так, как нельзя было представить годом-двумя ранее. То есть правильная экономическая и социальная политика динула резко вперед и производство, и благосостояние народа. Город был сыт, и крестьянин не страдал.

Но все это было уничтожено, извращено в начале 30-х.

— Что ж, будем все беды нашего сельского хозяйства списывать на «наследие прошлого»!

— Административная система еще долго будет давать о себе знать. Нелегко внедрять экономические методы хозяйствования, но гораздо труднее переделывать психологию, сложившуюся в результате отлучения крестьянина от того, что он производит. Вот простой пример. Я как-то писал о двух хозяйствах — колхозе имени XXII съезда КПСС и совхозе «Ильинское». Оба во Владимирской области, расположены почти рядом.

Колхоз имеет миллионные доходы, совхоз — миллионные долги. Урожай в совхозе собирают в 3—5 раз ниже, чем у соседей. Надои молока действительно позволяют говорить о стирании грани между козой и коровой.

Казалось бы, жить в тяжело больном совхозе должны гораздо хуже, чем в колхозе-миллионере, но внешне и тут, и там все примерно одинаково. Дома у рабочих совхоза добротные — не покосившиеся избы, директор разъезжает на новенькой «Ниве», а не на замороженной кобыле, контора — в двухэтажном особняке. Но что особенно поражает — совхозные работники получают за свой разорительный труд зарплату лишь на десять рублей меньше, чем в рентабельном колхозе.

Чего же ради они будут приветствовать переход на самокупаемость, если и попрошайничая у государства, они живут, по сути, не хуже тех, кто работает на совесть.

— Может быть, создание Госагропрома изменит ситуацию!

— Вряд ли. Это трудноуправляемая бюрократическая организация. Никаких качественных отличий от бывших министерств в ней нет. Тот же командный стиль руководства — сверху вниз.

Советы колхозов — вот какое объединение нужно. И, кстати, опыт создания таких советов у нас есть. Нужна система сбыта продукции — через комиссионные магазины. Нужно реальное самоуправление на всех уровнях, а не фикция.

А главное, необходимо понять: рост эффективности нам может дать только множественность форм хозяйствования. Колхозы — при возрождении принципов, на которых они были задуманы, — основная форма. Совхозы — организации менее коммерческие, чем колхозы. Они могли бы смелее экспериментировать, выполнять поисковые работы, скажем, выращивать новые породы скота, выводить новые сорта растений.

И такая форма, как семейный подряд, имеет право на существование. И о личных хозяйствах не следует забывать. В Венгрии, ГДР до 30 процентов товарной продукции дают личные подсобные хозяйства. А малиной, клубникой они обеспечивают рынок полностью.

А КИТЫ — коллективы интенсивного труда? Это же качество новая технология производства, отработанная наукой и проверенная на практике. Конечно, пока далеко не каждый может попасть в такой коллектив — лодыря и малоквалифицированного крестьянина туда не возьмут, но тем не менее количество КИТов растет, а результаты они добиваются превосходных. Новосибирские, например, коллективы интенсивного труда уже сейчас опережают по производительности американских фермеров.

Повторю: если мы хотим найти выход из крайне трудной ситуации, сложившейся в сельском хозяйстве, нужно всемерно — и об этом много говорилось на последнем съезде колхозников — развивать самостоятельность крестьян. Только переход от командной системы руководства сельским хозяйством к экономической, внедрение самоуправления, самофинансирования и самокупаемости поможет вывести страну в разряд развитых государств.

Только тогда в наших магазинах появятся продукты и исчезнут очереди.

Вел беседу Ефим ШУР

Хотела бы, чтоб будущая работа была связана с лесом. Но, видимо, лесничий — профессия чисто мужская!

Светлана Каякина,
Волгоградская область

Мы попросили ответить на это письмо помощника лесничего Ларису ДУДИНУ. Ей 23 года. Выпускница Воронежского лесотехнического института. По распределению попала в Вагайское лесничество Тюменской области, там и работает уже около двух лет.

— Почему я выбрала «лесную» профессию? Все просто — надоел город. Никакого представления о будущей работе у меня не было, приехала в Воронеж из степного Павлодара — сосну от ели не могла отличить.

Мне кажется, я не прогадала, поступив в лесотехнический. Теперь ежедневно «пользуюсь» тем, чем многие — только в выходные и во время отпуска: лесом.

Кстати, лесничий — это не профессия. Это — должность. Должность администратора, который руководит своим помощником, техниками (теперь их называют мастерами леса), лесниками, рабочими.

А в общем, у всех людей, занимающихся лесным хозяйством, одна профессия: лесовод — человек, призванный радеть о сохранении и бережном использовании вверенного ему богатства — леса. Не зря же мы все входим в государственную лесную охрану. Охрана — от пожара, от незаконных порубок, от вредителей, от браконьеров.

На практике, увы, дело обстоит далеко не идеально. Но это большая отдельная тема.

Итак, лесничий в основном занят тем, что обеспечивает выполнение плана. Помощник лесничего — тоже должность. Но уже ближе к лесу, что ли. Постоянный учет лесного фонда — вот моя конкретная обязанность. А если шире — помощник лесничего должен уметь все. Расскажу для примера о самой большой по объему работе лесничества — отводе и материально-денежной оценке лесосек.

Собственно, это работа про-

давца в магазине: взвесить товар, упаковать, назвать цену. Только вместо прилавка — лес. Товар — деревья, вернее, уже не деревья, а кубометры. В том и беда лесного хозяйства, что оно за кубометрами не видит леса. Но я снова отвлекаюсь.

Итак: зима, болота замерзли, лес стал доступен для техники, можно его заготавливать и вывозить. Наступила пора отводов. Входит в контору заготовитель, протягивает клочок бумаги с резолюцией: такой-то организации выделить столько-то кубометров.

И вот я с заготовителем еду в лес, да не в любой лес, а желательно — в спелый, тот, что подлежит рубке. Только вот спелых лесов у нас мало, днем с огнем искать надо. Отмеряю мерной лентой такое количество гектаров, на котором, по моим расчетам, растет нужное количество кубометров, мерной вилкой замеряю диаметры деревьев. На лыжах или без, в мороз или в теплую погоду — это все детали. Рубятся и надписываются деляночные столбы, прорубаются визирки. Все — товар упакован. Потом, в конторе, рисую абрис — точное местонахождение отведенной лесосеки (квартал, выдел), подсчитываю стоимость этих кубометров, выписываю счет. Все.

Мне нравится и в лесу, и в конторе. Физических трудностей не испытываю. Хоть и не спортсменка, но на здоровье и выносливость не жалуюсь. Теперь насчет того, что работа лесничего — чисто мужская. И да, и нет.

Комары, оводье летом, снег, мороз зимой — это все чепуха. Городничий правильно поет: «Я утверждаю берусь, живущий трудно, что мир устроен празднично и мудро...»

Для женщин в лесном хозяйстве больше трудностей морального плана, что ли. Неприятно, когда мужики вокруг то и дело употребляют многоэтажные «красоты» великого и могучего русского языка, неприятно дышать табачным дымом в тесной кабине трактора или ходить домой к пьяному леснику, выяснять, почему он не на работе. А вот приходится. Привыкнуть в общем-то можно, до конца примириться — нет.

Между прочим, в лесничест-

ве, которое у нас лучшее, — лесничий как раз женщина. В хозяйстве ее — идеальный порядок, лесники всем обеспечены — при лыжах, при обмундировании. В делах лесничий-женщина более расчетлива, инициативна, добросовестна, заботлива...

В общем, для лесного хозяйства женщина — это очень хорошо. А вот лесное хозяйство для женщины — не всегда. Так я думаю.

В нашем городе многие телефоны-автоматы не работают, разбиты стекла в будках, нет освещения. Наверное, кто-то за всем этим должен следить и отвечать за исправность! Расскажите, пожалуйста, о специалистах, которые ремонтируют телефоны-автоматы.

В. Кравцов,
г. Могилев

ЩА ВЫ У МЕНЯ ЗАРАБОТАЕТЕ

Обслуживают и ремонтируют телефоны-автоматы, или таксофоны, электромонтеры. А контролируют их работу электромеханики линейных сооружений (так официально называется эта специальность). Они же должны своевременно выдавать наряды на ремонт и освещение кабин, связываться с инкассаторами, электромонтерами АТС, если необходимо — с работниками милиции. И, конечно, электромеханик обязан, когда нужно, и сам исправить повреждение или заменить сломанный аппарат.

Специальность электромеханика по обслуживанию линейных сооружений можно получить в техникуме связи. Оклад зависит от категории специалиста и его стажа работы, в среднем — около 200 рублей.

Назовем еще одну цифру. 52 рубля стоит каждый таксофон. Представьте, сколько можно было бы сэкономить, если бы о сохранности аппаратов заботились не только электромеханики, но и все мы.

«АБЗАЦ»

стенная газета
Малой
редколлегии

Выход один: такую школу сделать другой. Пока твой ребенок пойдет в первый класс, у тебя есть в запасе наверняка лет 10—12. Подключайся!

СЛЕЗЫ НА ВЫРОСТ?

О себе: мне 14 лет, заканчиваю восьмой класс. Ударница. Уже поняла, что все книжно-учебные байки — ложь. Я ненавижу школу! Я поняла, что ко всему, чего трюлько школа может коснуться, она прививает отвращение. К учебе, к комсомолу, к субботникам, к труду. И я, наверное, никогда не смогу со счастливыми слезами матери отправить в школу своего ребенка. Не смогу! По крайней мере, в такую школу, где теоремы и аксиомы, Пушкин и Ленин уныло и методично вбиваются в «эти бараньи головы» «этих тупых и непослушных подростков».

Инга,
г. Ангарск,
Иркутская область

ПОВОРОМ И ВСЕРЬЕЗ

...Самое плохое, по-моему, это равнодушие. Представьте себе, радуюсь, когда человек кричит от боли или обиды за родное ему дело, за человечество. Этот человек жив, пусть ему даже плохо, пусть одиноко, пусть его не понимают.

Больно видеть, как немые наши люди. Мы самая читающая, но... не говорящая молодежь. Мы скованны, мы не умеем честно и открыто вести разговор, а если и пытаемся, то как-то неуклюже это делаем.

А серьезные разговоры вести нужно. Когда я вижу, например, в документальном фильме, как американская семья поднимает утром флаг своей страны, поет национальный гимн, я верю, что это патриоты.

А у нас начали значки с Лениным, с серпом и молотом, со звездой носить на фуражках и куртках потому, что это стало модно! Так и цепляют в один ряд с Чебурашками, с побрякушками...

Только не нужно в ответ мне ссылаться на то, что в других

странах бывает еще хуже. Мне важно, чтобы у нас было хорошо.

Александр ВОРОБЬЕВ,
г. Семенов,
Горьковская область

Предлагаю короткое интервью для стенной газеты «Абзац». Интервью искреннее.

РАЗГОВОР С НЕФОРМАЛОМ

- Ты причисляешь себя к неформалам?
- Да, конечно.
- Ты хиппи?
- Нет.
- «Металлист»?
- Нет.
- Рокер?
- Нет...
- Тогда кто?
- Я хулиган!

Вы, наверное, решили, что это шутка. Но я лично провел такой разговор со своим приятелем, и все было почти так, как я написал.

Роман КУТОВОЙ,
18 лет,
г. Азов,
Ростовская область

В МИКРОСКОП НИЧЕГО НЕ УВИДИШЬ

Здравствуйте, дорогие малые редколлеги!

Пишет вам 16-летняя девочка с самого края земли — с Сахалина. Если бы вы знали, с каким трудом, нередко через десятые руки, удастся заполучить ваш журнал! Я учусь в 10-м классе, обычная ваша читательница. Но хотя в общесоюзном масштабе я — средне-статистическая единица, в жизни страны я не хочу быть таковой. Так что выскажусь открыто. Да, я слушаю «металл», по ночам гоняю с парнями на «Хондах». Я люблю красивые вещи, зажигательную музыку, веселые компании. Никто из взрослых умных людей, разглядывающих молодежь под микроскопом и делающих на ней свою карьеру, не заглянул

в мою душу. Так какое же они право имеют утверждать, что такие, как я,— без... без... не... и проч.!? Они не знают, что у меня есть парень, с которым я готова пройти огонь и воду, что у меня хорошие родители, что мои друзья сплошь комсомольские активисты, что... А, впрочем, им — этим дядям и тетям — ничего не надо знать про это, так как все это разрушает четко выстроенную позицию: «Молодежь плохая. Вот мы в их возрасте...»

Родители купили мне весной японский костюм за 180 рублей (за импортом у нас не гонятся — Япония рядом, выручает). Я приехала летом в Пермь, иду по улице, а меня останавливают два очень милых человека лет так за 30, спрашивают, могу ли я продать этот костюм. А ведь возраст у этих мужчин уже не наш, не молодежный...

На уроке истории учитель обвинил в нашем лице все молодое поколение в бездуховности, отсутствии цели. Да, я не строю воздушных замков, которые рассыпаются при первом же прикосновении, как это было у молодых 50—60-х годов. Зато я знаю, что смогу дать обществу, а чего не смогу: выше моих сил.

Наркомания, алкоголь, курение, венерические заболевания — все это мы придумали, да?

Компания сидит и слушает маг под звездами. Дома этих ребят ждут нотации, скандалы, ругань. Зачем они пойдут в теплые, но негостеприимные квартиры? Им хорошо вместе.

Парень поцеловал девушку на виду у всей улицы. Кто-то остановился: «Ну и молодежь пошла!». Ах, в нашем возрасте эти дяди и тети такого не допускали? Так, наверное, у них память отшибло.

По телевизору показывают диспут: «Молодежь пошла плохая, занята только собой, ничего не умеет и...»

Да, у нас нет проблем с едой, вещами и т. д. Нас обеспечили материально. Громадное спасибо за это народу. Но никто не освободил молодежь от проблем духовных. Если парень старается не показывать свою душевную неустроенность, значит, он «бездуховный». Если девчонка покрасилась, красиво оделась, никто не замечает, что она не освободилась от тех проблем, которые заполняют ее сердце. Ей вслед летят язвительные замечания. Родители

гордо и гневно говорят: «В вашем возрасте мы и не думали о таких вещах, которые есть у вас. Мы обеспечили своих детей. Чего еще надо?»

Чего надо?! Надо, чтобы не лезли в душу, чтобы не рассматривали нас в микроскоп. Я не хочу быть диковинкой в зверинце, чтобы на меня все показывали пальцами. Никто не сможет решить за меня те вопросы, которые волнуют душу. Никто не сделает за меня то, что мне предстоит. Не надо писать о нас диссертации. Лучше давайте вместе подумаем, как избавиться от тех напастей, которые губят людей. Вместе, понимая, что «нас» и «них». Ведь это так просто! Нужно лишь, чтобы взрослые поняли нас. Чтобы исчез консерватизм старших и цинизм (не отрицаю, его более чем достаточно) молодых. Ведь это же так легко — протянуть друг другу руки!

Ну, вот, в общем, и все, что я хотела написать. Это отзыв на то, что всколыхнула в сердце одна ваша удачная публикация. До встречи, малыше редколлеги... Думаю, мы останемся друзьями.

Аня,
г. Южно-Сахалинск

ЗАТО ЧИСТО!

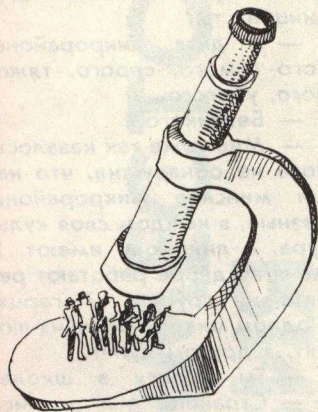
Читаешь письма ребят в «Абзаце» и завидуешь: одни работают на заводе, другие сами торгуют, третьи шьют... Вот честно говорю: я им завидую. Ну, а мы совершенно на предприятиях не бываем, для нас ОПТ (общественно полезный труд) — это мыть пол на третьем этаже нашей школы. Эту профессию мы освоили уже хорошо.

Вот мы шесть дней в неделю учимся, из них три дня моем полы. Например, в среду после шестого урока я мою этаж. Каждый четверг («чистый четверг») у нас в школе генеральная уборка. Мы моем свой класс и участок на этаже. В пятницу я дежурная, значит, опять мою пол в классе — ведь каждый дежурит раз в неделю.

Вот и весь ОПТ!

Если будете письмо печатать (что, конечно, маловероятно, но все же), не называйте мою фамилию. Только можете указать:

Казахская ССР, Кустанайская область, п. Карасу, Карасуская средняя школа

Само по себе мытье полов — дело неплохое. Жаль, конечно, если вы моете полы не для себя, а «для них». И еще жаль, что на этом и кончается «весь ОПТ». Попробуйте подыскать еще что-нибудь, более интересное. Если взрослые не предлагают, берите инициативу на себя.

(Окончание на стр. 24)

— **В**олодя, у каждого поэта есть своя «провинция». Из какой «провинции» ты?

— Я дитя микрорайона. Того самого, серого, тяжелого, убогого...

— Безликого...

— Мне тоже так казалось, пока не обнаружил, что наши минские микрорайоны разные, в каждом своя культура, и лицо они имеют. У меня во дворе работают ребята из группы «7 герц». В одном микрорайоне их любят, в другом лупят.

— Ты дрался в школе?

— Страшно. Мы дрались один на один, трое против класса, один против класса, все переменки — сплошные драки. Шесть человек моих одноклассников село... Но когда я попал в среду художников, сначала это была изостудия Дворца пионеров, потом художественное училище, я понял, что есть другая жизнь.

— Ты начал как художник.

А переход к литературе...

— Он произошел абсолютно незаметно. Вначале на моих рисунках стали появляться даты, это я приучал себя к дисциплине. Потом стал записывать впечатления. На полях этюдов: «был сильный ветер» или «поверхность стены теплая». Студентом театрально-художественного института считал, что могу нарисовать все. Но это не так: мир звуков и мир запахов остаются за пределами возможностей живописи.

— Как появились стихи?

— Рассматривая японские гравюры, я увидел, что в них живет поэзия как суть картины. И мне захотелось сделать так же. Наступил день, когда я выписал из своих рисунков свои стихи и подумал: вот их сто, если одно кому-то понравится и его напечатают, значит, я буду писать дальше. Из ста напечатали девятнадцать. Это вызвало некоторое недоуме-

ние в литературных кругах, но потом все сказали: а, он художник, вольный стрелок, пусть забавляется. Так меня «пустили в литературу».

— А какова была реакция живописцев?

— Тогда, лет пять назад, они восприняли это как предательство.

— ?

— Каждый художник, уж поверь, лелеет в душе надежду, что его профессия является главной в мире. Даже если он не выставляется, сидит в своем подвале и рисует, ему никто и ничто не мешает, а на перст указующий он плевал. Художники верят в идею бесконечного творческого улучшения, поступательного движения к совершенству. Я не сторонник этой теории. Первый рисунок Ван-Гога, может быть, хуже последнего, но и первый сделал Ван-Гог. В литературе распространено: «Н. Н. растет от книжки к книжке», хотя на самом деле это далеко не так. Лучшие книжки у Янки Купалы, Якуба Коласа как раз первые. А первая и единственная книга Максима Богдановича — шедевр.

— Максим Богданович пытался вырастить на древе белорусской литературы иноземные «плоды»: рондо, сонет, триолет, терцины, пентаметры. Но они так и не привились. И вот я читаю у тебя хокку, танка¹, и сразу хочется спросить: почему, зачем?

— Богданович великолепно доказал, что многие из плотных поэтических форм могут существовать в нашей литературе. А мои хокку — только попытки продолжить начатое дело.

— Твой отец, писатель Вячеслав Адамчик, пишет добротную деревенскую прозу. А у тебя — «интеллек-

¹ ХОККУ [хайку] и ТАНКА — жанры японской поэзии; это нерифмованные трехстишия и пятистишия, отличающиеся изяществом и лаконичностью.

туальный изыск». Как два типа литератора уживаются в одной семье?

— Во-первых, не два, а три: младший брат тоже пишет — ритмическую прозу, хокку. Принес в издательство, ему сказали, что это вне традиций, и отправили во-свосяи.

Отец... Сначала он был против, потом смотрел на нас весьма скептически. Бывали стычки, отцу не нравились стиль или, например, отсутствие внешнего драматизма. И дело не в том, что я пишу урбанистические новеллы. Я писал и о деревне. А он писал о городе. Тут, скорее всего, дело в форме. Для отца рассказ состоялся, если в нем есть драма и она внешне хорошо прорисована. А для меня в общем-то неважно, какое событие происходит в рассказе. Главное — чтобы из происходящего факта получилось **сбытие**. Пускай пуговица упала на асфальт, но у моих героев эта пуговица может перевернуть всю жизнь...

Сейчас в семье отношения нормальные. Я учусь у отца. Его поколение — Короткевич, Стрельцов (покойные), Вертинский, Бородулин и другие «шестидесятники» — ближе, чем более близкие по возрасту сорокалетние литераторы. Тогда, в 60-х, политические условия в стране дали им возможность раскрыться. «Шестидесятники» вдохнули свежего воздуха, и этого вдоха им хватило надолго. В нашей молодой прозе они увидели продолжение себя и теперь активно поддерживают нас — как в Москве Вознесенский поддерживает молодого Парщикова и не только его.

— Нет конфликта отцов и детей, есть конфликт старших и младших братьев, сорокалетних с тридцатилетними?

— Выходит, так. «Старшим братьям» кажется, что мы занимаемся ерундой.

— А на самом деле?..

— В молодой белорусской прозе существуют две тенденции: историзм, легенды, мифы, мистификации, фольклорные мотивы — и так называемая городская новелла, которой занимаюсь и я. Пейзаж, элегия, осмысление бренности бытия, темы неяркие, грустные, неромантические — какие есть. Удивительно, но наше поколение — спокойное. Без лжепарадности и «глобализма».

Лично у меня есть желание написать фантастику. Или детектив. Пытался, но пока не получается. Дело все в том, что рассказ как таковой я **чувствую**. «Стихи не пишутся — случаются», — сказал Вознесенский. У меня случаются рассказы. «Шляпа пожарного цвета» вышла из моего ощущения цвета. Я был уверен: этот цвет открылся мне одному по счастливой случайности.

— Рассказ автобиографичен?

— Да.

— На какого читателя ты рассчитываешь?

— Я хотел бы, чтобы меня поняли многие.

— Часто пишут сложно, чтобы скрыть недостаток опыта, таланта. Известно: белый цвет включает весь спектр, а у нас иллюзия, что он прост, примитивен.

Хотелось бы услышать твое мнение.

— Мне кажется, что я очень просто пишу.

У нас, европейцев, художественное мышление построено таким образом: есть теза (светлые силы), есть антитеза (темные силы) и противоборство между ними, то есть синтез. Иначе говоря, мораль. Как в басне. Литератор подводит черту: нужно стать сюда, а туда не становится, заниматься этим, но не заниматься тем. Такое морализаторство я считаю слабостью литературы. И у меня в рассказах мораль как бы опущена (это не значит, что рассказы аморальны).

В восточной литературе по-другому. Там достаточно описать какой-то факт, и из этого описания у читателя вырастает чувство (радость, грусть, гнев, страх...). Вот в этом я вижу обновление нашей новеллистики.

— И усложнение ее. Скажу откровенно, беседовать с тобой мне пока интереснее, чем читать рассказы. Как ты относишься к критике?

— Иронически. Помню совет Пастернака: не надо трястись над рукописями.

Но ты, наверное, не знаешь, что я могу работать на уровне «всемирного шлягера». С композитором Эльпером мы написали несколько песен и среди них — «Пропади она пропадом, такая любовь» («Гары яно гарам, такое каханне»). Ансамбль «Сябры» поет на «бис» уже более года, на радио идут бесконечные заявки. У каждого произведения свои задачи.

— «Шляпа пожарного цвета» заканчивается «смертью» художника. Володя, художник действительно «умер»?

— Да. Я рисую и как профессионал сохранился, но тот художник все-таки превратился в литератора.

— И останется им?

— Не знаю. По моему глубокому убеждению, вершина человеческого существования — учитель. Вначале он накапливает в себе разумное, доброе, вечное, потом отдает. Я хотел бы стать учителем.

— Вопрос последний: тайна псевдонима.

— Адам — от отца, Вячеслава Адамчика. Глобус — от матери, это ее фамилия.

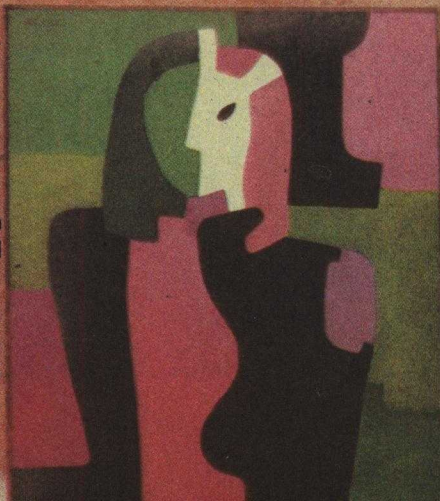
Адам ГЛОБУС, 30 лет, по образованию — художник, по первой книге — поэт. Пишет по-белорусски. Последнее время пишет рассказы.

Рассказ, стихи и картины А. Глобуса — на следующем развороте.

Вопросы задавала Светлана ШИДЛОВСКАЯ

ПОВОД ДЛЯ ЗНАКОМСТВА

ИНТЕРВЬЮ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ХОККУ

Гладиолусы,
Завернутые в марлю,
Едут на базар.

* * *

Возле госбанка
На пыльном тротуаре
Нашел копейку.

* * *

Капельки чернил
Упали на чистый стол —
Звездное небо.

* * *

Электрокабель
Такой маняще-синий...
Позабавляться б!

* * *

Совсем неплохо
Лежать и долго думать
О спелых вишнях.

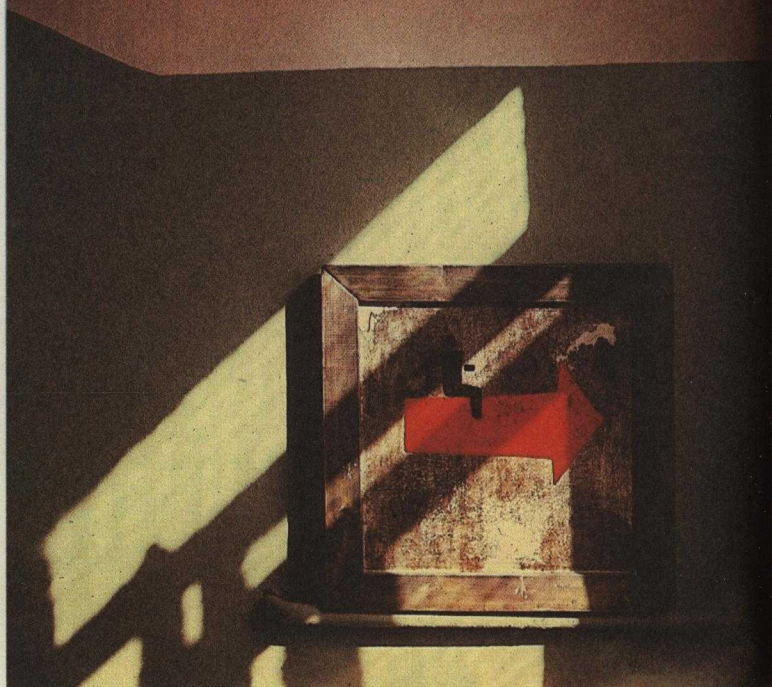
* * *

В колодцах эхо
Размер приумножает...
Смысл неподвижен.

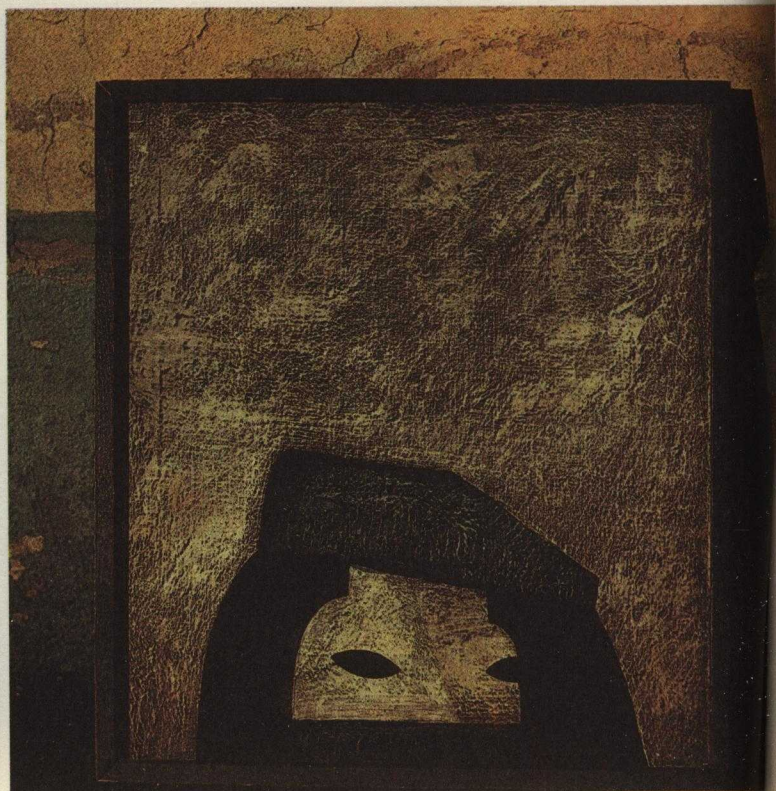
* * *

Дыхание земли
Ветром и облаками
Над нами плывет.

Перевод
Елены БЕЛЯЕВОЙ

Адам ГЛОБУС

ШЛЯПА

ПОЖАРНОГО

ЦВЕТА

Рассказ

Может, это единственное значительное событие в моей жизни, но я не в обиде на судьбу за то, что довелось видеть и пережить смерть художника. Каждый человек имеет склонность к искусству, только, известно, не каждый становится художником, а тем более не каждый знает, что художник может погибнуть раньше самого человека.

Художник жил во мне довольно долго, и нельзя сказать, что я желал избавиться от него. Напротив, я помогал ему — и когда

посещал школу искусств, и когда занимался в Академии на отделении живописи. В необходимости ученичества и совершенствования таланта я верил и после окончания учебы, которая давалась тяжело по причине склонности к максимализму. На выставках мои картины обычно вывешивали среди плакатов, и чаще всего они вызывали споры. Не один раз я доставал из почтового ящика письма от неизвестных оппонентов. Друзья меня хвалили. Враги, как и положено вести себя врагам,

хаяли и критиковали в печати и на собраниях. Но несколько художников из старших активно поддерживали меня, и я одним из первых среди своих однокурсников получил мастерскую. Запланированный рост современного художника протекал довольно нормально, если не учитывать конфликтов между мной, человеком, и художником, что жил во мне. Причину конфликтов я вижу прежде всего в том, что «мой художник» не принимал установленных мною канонов и выстраивал свои собственные ограничения и рамы.

Прошло несколько лет после окончания Академии, и на стеллаже в мастерской собралось довольно много законченных работ. Я написал заявление на персональную выставку, и меня включили в список. Через полгода я должен был развесить свои «шедевры» на стенах небольшого светлого зала Дворца профсоюзов. С разрешением на выставку в кармане, довольный, я вышел из Союза художников и пошел в противоположную от своей мастерской сторону. Сам не заметил, как очутился в кассах Аэрофлота. Я разглядывал оп-артистическую рекламу, когда ко мне подошел незнакомый и шепотом спросил:

— Вам нужен билет на юг?

Незнакомый имел интеллигентный вид, белые треугольники рубашки светились на черной шерсти свитера; вид совсем не соответствовал вопросу.

— Могу помочь,— я получил возможность услышать еще раз голос, на удивление похожий на голос моего учителя философии. Незнакомый поправил очки. Он довольно спокойно ждал, пока я перебрал все «за» и «против».

— Помогите,— согласился я.

Незнакомый кивнул, и я увидел аккуратную лысину, похожую на тонзуру. Он забрал мой паспорт и деньги, а через полчаса я, уже с билетом на самолет, сидел в аллее, где так приятно думалось о далеком южном городе.

Приморский пейзаж с окультуренными руинами нескольких древних государств мне понравился. По утрам, когда все отдыхающие направлялись на пляж, я ходил к разрушенным соборам. Мое расписание не совпало с расписанием значительного большинства приезжих, и я чувствовал свободу и легкость. Жил, как вольная птица — лучшего сравнения не найдешь, именно, как вольная птица; пока не увидел шляпу.

Какая была шляпа! Ее цвет, ярко-пожарный, я любил с детства. Пожарным я называю цвет, который мы видим на пожарных щитах, огнетушителях и пожарных машинах. Густо-красная краска на металлических и деревянных поверхностях с течением времени приобретает специфический оттенок: это не красный, не алый, не пурпурный и не корич-

невый, и не ржавый, и не бордовый, не малиновый и не оранжевый, как не кровавый и не огненный, а именно — пожарный. Соломенный конус тульи с закругленной вершиной, ровные, широкие и одинаковые со всех сторон поля. Белые, вышитые шелком цветы украшали необычный убор. Чудо пылилось на полке галантерейного киоска, и рука сама вытянула из кармана блокнот с деньгами. Но я подумал, что эта вещь в хозяйстве ни к чему не пригодна, и все ее ценности, художественные и эстетические, не имеют никакого отношения даже к самой мизерной функциональности. Так я подумал и отошел от киоска, где за стеклом пламенела шляпа.

На пляже под полотняным зонтом я вспоминал о шляпе. Зачем она мне? Может, кому и пригодится, а мне — только купить и выкинуть. Подарить? А кому? Кто ее носить будет? Может, где-нибудь далеко-далеко и носят, а у нас даже на пляж никто не наденет. Девушка? Нет такого лица, чтоб посостязаться в красоте с такой высокой и яркой шляпой. Какая девушка согласится, чтобы шляпа была красивее лица? Никакая. Детям она велика. Женщина? Да женщина быстрее получит солнечный удар, чем напаялит соломенный убор. Мужчина? Если я подарю шляпу незнакомому, он не поймет, а знакомых в радиусе ста километров у меня нет. Я рассуждал, пока не пришел к той точке, с которой и должен был начать: единственное место для шляпы — это моя собственная голова. Я представил себя в шляпе и убедился, что цветы надо пообрывать.

Со шляпой под мышкой я пришел к античной руине, спрятался в тень и больше часа промучился, но цветы спорол. Красиво! — сказал я вслух запретное для художников слово, надел шляпу и пошел в сторону моря.

Реплики я запомнил надолго.

— Жлоб! — было первым, что я получил, пока прошел несколько километров по накаленному солнцем пляжному бетону.

— Мама, погляди, какой дядя, и я хочу такую шапку.

— Вы работаете в цирке?

— Ходят же такие, и как их только земля носит?

— Возьмите меня с собой.

— (Полностью нецензурное выражение).

— Я такого... еще не видала, сколько живу.

— Такую не купишь, самодельная... Какая пластмассовая штамповка! Говорю тебе: соломенная и самодельная, и цвет дикий, ни одна фабрика так не делает.

— Вам к лицу, и очень.

— Фраер... Мы таких... (далее длинное и непонятно про что).

— Видный парень, и вдруг такое.

— У! Вот это да!

— Дожились! Унитаз на голову надень!
С таких и начинается!..

— Есть жест! Есть!

— Все повторяется.

— Это панк? Или снова хиппи?

— Нет, он чистый.

— Говорю тебе, где-то спрятали кинокамеру и снимают, вот не веришь... А я говорю, снимают.

— Найдется кому испортить настроение.

— Только так и надо, только так.

— На миру и смерть красна.

— На большее ума не хватило.

— Дьявол искусил, не иначе.

— Нужны зеленые штаны к красной шляпе.

— Не штаны нужны, а перо павлина за ухо и пальмовую ветвь в руки, а так бездуховно получается, без полета, знаете, без порыва.

— А снимите шляпу, и кто он? Никто!

— Он и в шляпе — никто!

— Не скажите, сейчас он лидер и кумир.

— Изолировать его... Изолировать...

— Гонор у парня есть, не каждый так сможет. Один против всех. И для чего, спросите. А для самого себя.

— Вреда он не делает.

— Еще как делает. Он нарушает привычки и ко... (далее не расслышал).

— Крепко, по-нашему.

— В нем что-то от Адама, от первого человека есть — наверное, одиночество.

— Зачем торчать?

— Он есть, согласен. А как же остальные, их на пляже тысячи.

— Интересно, кем он работает?

— И что ж это ты, мальчик, делаешь? А?

— Он краснеет.

— Завтра его не будет, гарантирую.

— ...человеком и только человеком.

— Со шляпой — два метра тридцать один или тридцать два сантиметра.

— ..! (Резко и нецензурно).

— Ему все равно.

— Таких нужно жалеть, а вы такое говорите.

— Ха-ха-ха.

— Пустота.

У меня нет желания делать анализ реплик. И не потому, что я не вижу, кто стоит за каждой из них, а потому, что мне с трудом даются критические рассуждения, и, значит, нет смысла мучить себя.

Пляж кончился, его перегораживал высокий дощатый забор. Я прошел в ворота и очутился на неизмеримой пустоши, сплошь заставленной бетонными блоками и трубами. Тихо и покойно было среди стройматериалов. Море монотонно шуршало прибрежным песком. Я прошел сквозь этот временный склад и вышел на берег котлована. Гигантский котлован, вырытый под фундамент неизвестного мне здания, притягивал, как при-

тягивают воронки стадионов. По развороченной экскаваторными гусеницами дороге я спустился вниз.

Шероховатый свист заставил меня оглянуться. Камень упал рядом. На краю котлована темнели силуэты подростков. Я показал им кулак. Второй камень тоже упал рядом, а третьим они угодили мне в колено. Я схватил из-под ног большой ком спекшейся земли и начал карабкаться в их сторону. Когда, запыхавшийся, с комом земли в руке, я вылез, подростков уже не было видно. Блоки и панели лежали на серой бестравной земле. Короткие тени подчеркивали освещенные солнцем фактуры и поверхности; дальше нашептывало бесконечные гексаметры безразличное море. Я посмотрел в котлован. На дне валялась моя шляпа пожарного цвета.

Я вернулся на пляж и пошел той же дорогой. Никто не глядел на меня и не кричал вслед.

Вечером мне сделалось плохо, я почувствовал утрату. Я закрывал глаза и видел, как иду сам себе навстречу; один из моих «я» был в шляпе. Спать я не мог и пошел гулять к античным руинам. Под утро, как только я сформулировал мысль про смерть «моего художника», видение, что мучило меня, исчезло.

Вы можете спросить, по какой причине? Но я не создаю анатомированных картин. Я только пересказываю факты. Единственной более-менее достойной внимания гипотезой, которой я придерживаюсь, является летальный исход вследствие полной реализации возможностей. Процесс развития остановился, произошла кристаллизация, и художник умер.

От выставки я отказался: не хотелось собирать зрителей у картин творца, которого не стало. В мастерской я разрешил работать студенту, он и сейчас работает там. Искусство я оставил не сразу, пытался писать и даже окончил несколько небольших работ, только все они оказались демонстрацией ремесла и не больше.

Вы имеете полное право спросить у меня, а где я работаю и чем занимаюсь теперь? Я отвечаю. Преподаю черчение в средней школе, объясняю, чем отличается аксонометрия от перспективы. Мои ученики старательно осмысливают секреты двухмерного и трехмерного пространства. Я ими доволен отчасти.

Иногда, когда ученики покидают класс и я сижу один перед пустыми стульями и столами, мне вспоминаются пляж, шляпа и я в этой шляпе. Тогда мне начинает казаться, что художники вовсе и не умирают, они просто навсегда покидают нас и живут отдельно в наших работах, наших художественных жестах. Так и мой художник идет по пляжу...

закулисная жизнь

ПРИВЕТ!

«Мы собираемся на вокзалах, когда холодно, и в парках, когда тепло. И мы хотим иметь свой клуб», — сказали они. А им ответили...

Но сначала о другом. Участники британской группы «Бэй Сити Роллерс», популярной в 70-е годы, во всем старались походить на подростков — даже выступали в коротких штанишках — и выбывали из группы, достигнув того возраста, когда притворяться четырнадцати-

летним становилось уже трудно. Бизнес есть бизнес, и имидж «своего парня» всегда помогал поп-музыкантам повыгодней продать конъюнктурную продукцию. Противно только, когда таким вот безотказным способом моральный, да и материальный, капитал исполнителя сколачивается за счет карманных денег доверчивых мальчиков и девочек. Так и стоит перед глазами образ циничного дяди-продюсера, составляющего точно дозированный коктейль:

1) уличной романтики — среднюю дозу;

2) туманных предчувствий — умеренно;

3) любви — умеренно (только, ради бога, никакого секса!);

4) светлых надежд и тоски по теплу — на всю катушку;

5) а теперь, ребята, упакуйте-ка это как следует!

И «ребята» пакуют. Зал полон, юные поклонники визжат, пластинки раскупаются. Остается только организовать фан-клуб, где за небольшую плату можно стать «избранным» обладателем автографов и поп-сувениров, а главное — ощутить себя приближенным к кумирам. Вот вроде бы все и довольны — и таланты, и поклон-

ПРИВЕТ!
ПРИВЕТ!
ПРИВ
ПРИ

директор квартета Сергей Александров. В чем разница?

Я вспоминаю себя. Обалдев от «Битлз», часами бродил по улицам в состоянии, близком к умопомешательству: откуда такая музыка и такие слова?! И я был один.

А здесь все иначе. Вот и первый ответ. Хотя и не простой. Представьте совместное чаепитие. Проникнитесь чувством страха и недоумения: неужели это они, те самые — Максим, Николай, Андрей, Алексей? Не на сцене, не на экране — здесь. Люди как люди. Но подойти боязно. Похоже, что «Секреты» и сами растерялись. «Ну что, так и будем сидеть?» — поперхнулся чаем кто-то из них. А о чем говорить? Об этом как-то не думали... Вот о чем: как познакомиться с девушкой? куда пойти учиться? как помириться с родителями?..

Даже в кругу друзей не было такого откровения, как с рок-музыкантами. Наверное, потому, что участники квартета, повзрослев, так и не стали окончательно взрослыми. Они не привыкли к обращению на «вы», и вообще «это люди, с которыми можно говорить». Вот ответ второй.

Официальный праздник открытия клуба состоялся 21 декабря 1986 года. Присутствовали: телевидение, почетные гости — Борис Гребенщиков, Михаил Науменко, Александр Розенбаум, Михаил Боярский... И, конечно, — Максим Леонидов, Андрей Заблудовский, Николай Фоменко и Алексей Мурашов — музыканты «Секрета». Они спели ребятам песню «Наш дом», дали концерт в фонд клуба (те 2000 рублей еще до сих пор не истрачены). А дальше... Наступили будни.

Музыканты — люди по горло занятые, и потом, не будут же они заниматься ремонтом комнаты, где собираются «фаны»... О, осторожнее! «Никакие мы не «фаны», и наш «Секрет» — не фан-клуб. «Секрет» — объединение любителей популярной музыки», — в один голос возразили мне и сами ребята, и завотделом Дворца Светлана Комиссаренко, и

ники, вот и сработал в очередной раз проверенный механизм добывания славы и денег.

А история, похоже, повторяется. Дежурства у дома Аллы Пугачевой, разлетающиеся вдребезги стеклянные двери на концерте «Алисы», измалеванный подъезд Бориса Гребенщикова — разве не похоже?..

Обо всем этом думал я по дороге в Ленинград. И потому, честно говоря, не ждал ничего интересного.

Так вот, в тот день, когда поклонникам бит-группы «Секрет» надоело быть «уличными», а захотелось иметь свой дом, им ответили... согласием. Это произошло два года назад во Дворце культуры имени Ленсовета.

Экспресс-интервью: совет клуба «Секрет» о группе «Секрет».

— Устраивает ли вас общение с Леонидовым, Фоменко, Заблудовским и Мурашовым!

— Да. Но на вокзале или в аэропорту разговор почему-то получается интереснее, чем в клубе. Хотелось бы видеть «Секретов» чаще.

— Вы верите им!

— Верим. Их часто называют псевдо-«Битлз». Но «Битлз» — словно из другого мира. «Секрет» — из нашего.

дами и проблемами, вопросами и сомнениями, для которых ансамбль стал поводом, сигналом к объединению.

Но вот ключевой вопрос: вначале в клуб приходило человек двести, через год осталось пятьдесят; почему?

Школьники из группы «Блик», тоже играющей в стиле «мерсибит», познакомились с «Секретами» еще до создания

гуг «вживую» кое-чему поучиться у профессионалов. Саксофонист Тарас Лазаренко к тому же еще и главный фотограф клуба. Фото делается для журнала «Секрет». Номер этого журнала вы не купите в киоске, не найдете в библиотеке. Его вряд ли, как «самопальный» журнал «Рокси», перепечатает «Аврора». А зря. Сережа Бузин

Фото Евгения МАТВЕЕВА

Похоже, что «Секреты» пробили возрастной барьер и почувствовали простую и одновременно сложную вещь: там, за краем сцены, в темноте, близкие им люди со своими надеж-

клуба. И в апреле 86-го уже играли и пели в фойе Ленинградского Дворца молодежи, заполняя антрактную паузу «секретовских» концертов. Теперь в клубе есть две другие группы музыкантов, и начинающие мо-

и его приятели из редакционно-издательской секции клуба работают над материалами о «Битлз», пишут историю «Секрета», рецензируют концерты. А есть еще и своя газета, и секция рекламы и информации. А Полина Иванова и Катя Самойлова написали сценарий для клубного театра. В этом теат-

ре актером может стать каждый, изобразив для начала, например, Максима Леонидова или Андрея Заблудовского. Труднее всех приходится художникам. Ночи напролет они готовятся к праздникам: раскрашивают стены, делают реквизит для спектаклей. Есть среди них и профи — Юля Снеткова из художественного училища. И лишь две секции клуба могут со временем изжить себя: клубно-организационная и секция учета. Первая — потому, что тут нет нужды высасывать из пальца мероприятия, вторая — потому, что ребята и так знают друг друга...

В клубе можно послушать лекции известного ленинградского музыковеда Владимира Фейертага, встретить поклонников «Алисы» и «Аквариума». Можно научиться не бояться каверзных вопросов журналистов и направленных на тебя в упор телевизионных камер (а что, вы думаете — это просто?). Можно, наконец, просто научиться считать и тратить деньги, ведь касса клуба пополняется за счет вступительных и членских взносов (5 рублей и 1 рубль в месяц). И самим решать, кто будет руководить секциями, кто войдет в совет клуба. И учиться менеджменту. Деловая группа, например, занимается организацией филиалов в Москве, Баку, Архангельске, Северодвинске, Тбилиси, Кургане и Карачеве — такова география «экспансии». Представители некоторых клубов приезжают сюда перенимать опыт. Однажды заявили о себе обложенные в кожу, джут и сталь ленинградские «металлисты», немало, кстати, напугав своим грозным видом. А пришли все с тем же: как создать свое объединение?

При этом приходится заниматься черновой работой — ремонтом и обустройством помещения — и даже «воевать» за него с местным физкультурным организатором.

Наконец, надо попросту мыть пол!

Так что ушел из клуба тот, кто хотел только обмениваться значками и коллекционировать автографы. Или не верил музыкантам. Или не знал, чего он хочет, наш милый шалтай-болтай.

Экспресс-интервью: директор квартета «Секрет» С. Александров о клубе «Секрет».

— Что дает музыкантам клуб?

— Это хорошая проверка своего творчества. Так мы можем понять, правильно ли идем.

— Почему ребята не стесняются обсуждать с вами свои личные проблемы?

— Все-таки они видят в «Секретах» своих старших сверстников, социальных лидеров молодежи. Нравится их демократизм. Ребята звонят даже по ночам!

— О чем вы говорили с их родителями, когда проводили родительское собрание?

— О том, что подросткам надо самореализоваться. Вот этого родители никак понять не могут.

Небольшое послесловие к интервью.

Мне кажется, ребятам из клубов Аллы Пугачевой «Айсберг» и Валерия Леонтьева «Верооко» повезло куда меньше. Им практически не удается пообщаться с именитыми «звездами» или получить от них свежие концертные записи. А Сергей Александров, которого в клубе за глаза называют папой, родительскими собраниями не ограничивается.

Когда после концерта в Петрозаводске несколько поклонников группы попали в нехорошую ситуацию, выручал ребят именно он. Когда во время одного концерта поломали стулья, а на записи «Музыкального ринга» кто-то выдал стекло, именно директор квартета по-отечески учил уму-разуму.

— Мы стали другими! — говорят «секретовцы». — У нас широкий круг знакомств. С нами считаются. Многие из нас выбрали профессию, родственную тому делу, которым мы занимаемся в клубе.

А дальше?

...Как-то на вокзале «секретовцы» встретили мальчика и девочку. Все, как положено для фанов бит-квартета: красные шарфы, галстуки.

— Привет!

— Привет!

(Знаменитая песня Леонидова звучит, как пароль).

— А со сколькими лет вы принимаете в клуб? — спросил мальчишка.

«Секретовцы» подумали вот о чем: мальшам на вид лет по восемь-десять, явно ничего не умеют, хлопот не оберешься...

Этот эпизод так и кончился ничем. Формальное в неформальном — главный враг доброго дела. Не грозит ли он сейчас «Секрету»?

И мне впервые за всю командировку стало грустно...

Феликс АКСЕНЦЕВ

шпаргалка на всю жизнь

Мой отец... говорил иногда такие вещи, которые я запомнил надолго, на всю жизнь. Один раз он мне сказал: ты увидишь в жизни очень много значительного и интересного, если ты сам будешь значителен и интересен.

В этих словах заключена очень большая истина...

Константин Георгиевич
ПАУСТОВСКИЙ

Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим.

Александр Сергеевич
ПУШКИН

Можно ли учиться одновременно в двух вузах: в одном на дневном, а в другом — на заочном отделениях!

Аня М.,
г. Бердянск,
Запорожская область

Специального приказа, запрещающего учиться одновременно в двух вузах, нет. И если у абитуриента есть два аттестата о среднем образовании (скажем, один — за школу, другой — за техникум), никто препятствовать его поступлению в разные институты не вправе. Другое дело, реально ли это: учиться на очном отделении, работать и в то же время готовиться к сессиям на заочном? Очень сомнительно, что будет толк от такой учебы. Впрочем, как поется в небезызвестной песенке В. Высоцкого, «жираф большой, ему видней».

Многие мои одноклассники собираются поступать в институт народного хозяйства или торговые техникумы, хотят стать товароведом. При нынешнем дефиците на некоторые шмотки стремление это объяснимо, хотя, честно говоря, мне не близко. Непонятно вот что: зачем вообще нужны товароведы! Привозят товары в магазин шоферы, на склад несут грузчики, торгуют — продавцы. Ну, а товароведы, они-то зачем!

Н. Куксов,
г. Воронеж

— Честно говоря, разное слышала о своей профессии, но о том, что она не нужна, — впервые, — не без иронии воскликнула В. З. НЫРКОВА, начальник отдела ассортимента и качества минского ЦУМа, когда мы прочитали ей это письмо. — Ну что ж, в таком случае обострю разговор и во всеулышание заявлю: в торговле можно обойтись без грузчика, без шофера и даже без продавца, а вот без товароведа — никак!

— Простите, Валентина Зиновьевна, но...

— Нет-нет, я не собираюсь умалять роли всех перечисленных специальностей, просто хочу подчеркнуть: товаровед — главное звено в цепочке работников торговли. Ну, представьте себе, собирается в путешествие за три моря в далекую и сказочную Индию русский купец Афанасий Никитин. Что берет он с собой,

чем собирается торговать? Ясное дело, такими товарами, каких, по мнению Никитина, нет в Индии, а значит, и спрос, и цена на них будут высокие. Чтобы не попасть впросак, купец должен отлично разбираться в ремеслах своей страны, знать, что интересует его потенциальных покупателей в том государстве, куда он отправляется, какие там цены, сколько товара нужно брать, какая мода в Индии, каковы климатические условия в то время года, когда он туда прибывает. Кроме того, надо быть в курсе политических событий,

Товароведу нужно знать технологию производства, сырье. Обязан он бывать на ярмарках, встречаться с коллегами из других республик и стран, общаться с конструкторами, дизайнерами. Он выступает на художественных советах предприятий, проводит социологические опросы покупателей...

И если стрел печенегов и половцев современному купцу бояться вроде бы нечего, то стрел критики летит в нашу сторону предостаточно. Лучшая защита от них — обилие хороших и разных товаров на прилавках магазинов.

Меня интересуют две профессии, потому что люблю и медицину, и Индию. Первая — сексопатолог. Примерно я представляю, что это такое, но все же хотелось бы знать подробнее. Вторая — переводчик с индийского. Где их учат!

Юля Л.,
Свердловская
область

Сначала о переводчике с индийского. Индийские языки и литературу изучают на восточном факультете Ташкентского и восточных языков Таджикского университетов.

А о профессии сексопатолога наш корреспондент Л. Бертин попросил рассказать врача Николая Афанасьевича ПАПИЯ.

— Чтобы стать сексопатологом, — сказал он, — нужно непременно закончить лечебный факультет медицинского института. Поработать какое-то время, после чего пройти специальную переподготовку.

Работают врачи-сексопатологи, как правило, в консультациях по вопросам семьи и брака. Но... Но, во-первых, они есть только в столицах и областных центрах. Во-вторых, врачей в таких консультациях крайне мало, достаточно сказать, что на полуторамиллионный Минск — три специалиста.

— Какие качества нужны врачу-сексопатологу?

— Прежде всего — непереносимое желание помочь пришедшему к тебе на прием. Без этого врача нет, какой бы медицинской специальностью он ни владел. Для сексопатолога, кроме всего, нужны такт, деликатность, умение расположить к себе пациента...

ведь во время войны умалкают не только музы, но и торговля. Способность предвидеть будущее — одна из важнейших черт товароведа и ныне. И уж совершенно обязательно — знать иностранные языки, легко сходиться с людьми, быть хорошим рассказчиком, человеком волевым, решительным, выносливым... Я все перечислила?

— Не знаю, но и это более, чем убедительно. Однако при нынешней повсеместной узкой специализации, надо думать, и профессия товароведа претерпевает некоторые изменения...

— Конечно, но легче не становится. От того, какой заказ дает товаровед промышленным предприятиям, во многом зависит, появится ли товар на прилавке в достаточном количестве, будет ли он оригинален, современен, удобен. Правда, если наши предки — купцы, коробейники — были едины во многих лицах, то ныне это невозможно. Одновременно хорошо разбираться и в игрушках, и, скажем, в тканях более чем сложно. Мало того, товаровед по тканям — понятие тоже широкое.

рост

МЕЛОДИЯ РАССВЕТА

Мне это показалось невероятным: что массовое движение, появившееся в эпоху духовного возрождения страны — после XX съезда партии, сохранилось и живет, мало кому известное, да при этом имеет союзный размах!

С удивлением слушал рассказы о коммунарских клубах и отрядах Ленинграда, Свердловска, Москвы, Петрозаводска, Калевалы, Кирова (о коммунарстве я узнал в казанском лагере клубов самодеятельной песни от Лены Мазаевой, учительницы физики из Калевалы). И вот, взяв в редакции командировку, я приехал на сбор «Зимовка-88», который проводила коммуна «Костер» в Святозере (полчаса езды от Петрозаводска).

О комиссаре сбора и создателе коммуны Сергее Воздвиженском я уже был наслышан. Лена Мазаева рассказывала:

— Я сама училась в этой школе и считала, что в ней невозможно что-то изменить. А Воздвиженский всего несколько месяцев поработал старшим вожатым. И вот — жизнь в школе уже кипит...

Сергей объяснил, что будет сегодня:

— Минут через пятнадцать кончится спортчас, потом труддесант, КТО, ЭВМ, вечер авторской песни, отрядный и общий «огоньки». Когда все кончится — СК. С улыбкой добавил: «Все понятно!»

Я поспешил ответить: «Да, конечно». К этому времени я уже знал, что КТД — коллективное творческое дело; СК — совет командиров; имел представление и об «огоньках» — два дня я общался в Калевале с отрядом Лены Мазаевой.

Сергей остановил парня со значком «Костя», однако назвал его отнюдь не по имени:

— Это жмот. Он покажет, куда положить вещи. Жмот — не кличка, а на-

звание должности ответственного за хозяйство.

Подобных деталей было множество, с непривычки я часто становился в тупик.

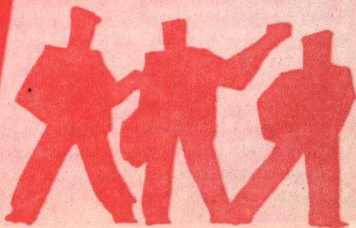
ИЗ УСТАВА:

...Самодеятельное коммунарское объединение создано на добровольных началах при 17-й школе г. Петрозаводска. Главная цель коммуны — активно и творчески улучшать окружающую жизнь... Члены коммуны используют в своей деятельности коммунарские традиции; поддерживают необходимые, создают новые... Используют принципы коллективной творческой деятельности... Стремятся поддерживать коммунарскую жизнь — новые, коллективистские, товарищеские, т. е. коммунистические, отношения между людьми. Дела проводятся по принципам:

— каждое дело с пользой — иначе зачем!

— каждое дело людям — иначе зачем!

— каждое дело творчески — иначе зачем!

ИЗ ПРОГРАММЫ:

— проводить труддесанты и дела с привлечением не членов коммун;

— помогать пионерской и комсомольской организациям в проведении конкретных дел;

— пропагандировать коммунарское движение.

...Напротив меня висит плакат «Шлангам — бой!» Хм, шлангам... Это, видно, и ко мне — минут десять как все разошлись на труддесант: часть — обходить ветеранов и предлагать нашу помощь; часть — убирать школу, в которой живем; часть — строить снежный городок: завтра в школе собираются октябрята, для них будет праздник. Что ж, бой так

эффективной даже угроза «покрыть матом» [физкультурным].

Потом добровольцы-«заряжающие» проводили зарядку. После завтрака был «час учебы» — обмен опы-

«часы учебы» я посчитал пустой тратой времени. Но ребята доказывали, что польза была. Им виднее.

В день проводилось не-

бой — иду «на городок».

Каждый день начинался с подъема. «Поднимающие» вставали чуть раньше и в меру фантазии будили лагерь. Правда, не всегда была эф-

том работы в классах, подшефных отрядах и т. д. Может быть, оттого, что меня это напрямую не касалось,

сколько коллективных творческих дел (КТД) — утром, вечером, днем. Каждое КТД готовила своя инициативная группа. В упрощенном виде это выглядело так: каждый из 10—12 членов отряда высказывал свое мнение, они суммировались, дорабатывались. Выяснилось, что координировать такое обсуждение может каждый. Это было настоящее коллективное творчество, иначе не получился бы ни агиттеатр, ни вечер авторской песни, ни многое другое.

Не внедряемо,

но распространяемо

С моей точки зрения, суть коммунарства в социальном творчестве. В основе оно имеет две идеи: мысль Крупской о том, что задача пионеров — улучшить окружающую жизнь и думать о том, как это сделать. И идею Ленина о воспитании людей новой формации, которые ни слова не возьмут на веру, ни шагу не ступят против совести.

То есть суть коммунарства — самостроительство личности в процессе работы на пользу людям.

В таком понимании коммунарство — явление социальное, появившееся как своеобразный ответ на ситуацию в обществе конца 50-х — 60-х годов, а теперь и 80-х.

...Коммунарство принципиально не внедряемо, но распространяемо. Об этом свидетельствует вся его история.

Почему не внедряемо! Для того, чтобы появилось коммунарское объединение, необходим лидер — личность особого типа. Но таких всегда был дефицит в истории — и наша эпоха не исключение.

Почему распространяемо! У молодежи всегда высока развита потребность быть нужным кому-либо, чему-либо. Эта потребность реализуется в дружбе, любви, в стремлении к социальному служению. И коммунарство дает выход этой потребности в синтезе: и социального служения, и дружбы, и любви.

А. МУДРИК,
доктор педагогических наук, профессор
г. Москва
[«Учительская газета»]

ИЗ ЦЕЛЕЙ СБОРА:
осознать, как жить интересно.

Иногда даже не верилось, что была подготовка — настолько все получалось естественно. Так, во время дискуссии на тему «Нужна ли пионерская организация!» инициативная группа не столько «раздувала», сколько

ко гасила споры. Пришли к выводу: в таком виде, как теперь, — устарела. Реальный путь совершенствования — разновозрастные отряды, не обязательно при школе, но по-настоящему добровольные. Или «огонек поэзии». Ценители читали стихи — кто кого любит: Есенина, Лермонтова, Левитанского, Окуджаву... Кто-то открыл дверь:

— Вы скоро! Уже время для СК.

— Когда кончим, тогда и будет Совет командиров, без нас не начнется, половина СК тут.

Вы знаете, что такое ЧП! Ошибаетесь, это «час посвящения». ЧП были разные, лично мне больше всех запомнился час, посвященный коммунарству. На этом ЧП были не только «разложены по полочкам» коммуны Макаренко и Иванова, ребята

нин. Но... «Если не я, то кто же...» Вспомните свой класс или свою группу. Многие бы вышли!

Или еще.

— ...Эта старушка живет одна... Она и так плохо ходит, а сегодня к ней вломились двое пьяных и требовали водки или денег. Пыталась прогнать — ее толкнули, упа-

— По-здрав-ля-ем!

— Кто будет дежжками отряда!

— Кого на флаг!

Утром флаг поднимают дежжкомы, а опускают — выбранные отрядами. Выбрать

рассказывали, как создавался и их «Костер». Интересно их первое дело — пришли в школьную столовую и отмыли столы, а после себя оставили плакат: «Что вы сюда, жрать пришли!» Сколько он висел, догадаться нетрудно...

Самым главным из того, что было на сборе, я считаю труддесанты.

Предвижу чью-то иронию. Нет, это не то, что существует в школах под таким же названием. Тут труд всегда добровольный, и постоянно наталкиваешься на непривычное к нему отношение.

За окнами — дождь, слякоть.

— Около амбулатории нужно сложить дрова в сарай. Кто пойдет!

И почти весь лагерь делает шаг вперед. Это при том, что всегда найдется сухая и теплая работа в помеще-

ла. Опухла нога, сейчас совсем ходить не может. Что будем делать!

Решили не только помочь по хозяйству, но и установить на всякий случай дежурство. Добровольцы нашлись и в первую ночь, и в третью, и в четвертую.

«Огонек». Отряд сидит вокруг свечи — все видят всех. По кругу идет обсуждение дня: что понравилось, что нет, оценивается работа дежжкомов [дежурных командиров] отряда и лагеря вообще. Главное условие — живой разговор, а не нотация. Это уже забота комиссаров отряда.

После обсуждения — выборы.

— Кто пойдет завтра в хоззвод!

Несколько человек:

— Я!

— Голосуем... Большинством голосов...

можно и одного человека, и группу, причем не обязательно из своего отряда. Однажды выбрали меня.

Общий «огонек» начинается с песни «Вечер бродит» Ады Якушевой — традиция, идущая из 60-х. Комиссары отрядов говорят о решениях отрядных «огоньков», потом каждый может высказать свое мнение. Выбирается дежжком лагеря.

...В первый день никто не хотел мне объяснить, к чему относится слово «кляуза», иногда мелькавшее в разговорах. Все говорили — увидишь. В конце «огонька» открыли общую тетрадку под названием «Кляузник», в которую каждый мог записать свои «чувства». В большинстве своем это было весьма изысканно вроде: «Кляуза №... на товарищевой... Вышеуказанные товарищи не давали мне уснуть, а когда я официально заявила, что

каждый гражданин имеет право на сон, мне учтиво объяснили, что сон — буржуазный предрассудок, после чего принялись обсуждать философские аспекты жизни на Марсе. Требую

Образ жизни — коммуна

В ленинградской Фрунзенской коммуне, созданной в 1959 году тремя педагогами — И. Ивановым, Л. Борисовой и Ф. Шапиро — в течение тринадцати лет складывалась и развивалась методика идейно-нравственного и одновременно творческого воспитания личности в коллективе.

Суть коммунарской методики в организации определенного образа жизни коллектива, где все основывается на началах нравственности и творчества.

...Самоуправление (или самоуправление, что, возможно, точнее) в коммуне, а точнее, самодеятельные, демократические способы жизни коллектива, распространялись на все сферы жизни, на всех людей, включая взрослых друзей коммуны. Самоуправление все меньше напоминало игру и больше всего требовалось в трудные, поворотные для коммуны времена. Отсутствие запретных тем, привилегированных лиц, честная и последовательная гласность, искренняя забота об общем деле — таковы черты и логика развития коммунарского самоуправления.

У коммунарской методики высокая цель — воспитание идейности. Коммунары — люди идей. Коммунарская жизнь — стремление к достижению настоящего трудных, усложняющихся целей, борьба за претворение в жизнь принципов служения людям, творческой самоотдачи.

Идейность, как говорили коммунары, — «умение повести за собой», «быть борцом», воспитать в себе «комиссарские качества», способность понять человека, душевность. Вот, пожалуй, самые главные черты коммунарства.

М. КАЗАКИНА,
доктор педагогических наук, профессор
г. Ленинград
(«Учительская газета»)

компенсацию — яблоко». В ответ — хохот: выпросить у жмота яблоко!

На СК еще раз обсуждается прошедший день, планируется будущий. Присутствовать могут все желающие.

Местные ребята, которые часто бывали в лагере, однажды заявили: ваши дела и песни никому не нужны, все хотят дискотеку. На всякий случай провели голосование. Кажется, было несколько человек за, остальные против: жаль времени.

Что интересно — ничего «навязать» совету командиров Воздвиженский не мог в принципе: у него как у комиссара сбора было лишь 3 голоса из 15, но я не помню случая, чтобы он оказался в меньшинстве.

В последний вечер были традиционные «Голубая лампа», «Откровенный разговор» и банкет.

«Откровенный разговор» я видел впервые — ничего подобного раньше не встречал.

По кругу все говорят свое мнение друг о друге. Говорят действительно то, что думают. Почему я так в этом уверен? Нужно было слышать. Честно говоря, это незабываемое ощущение, когда тебя пропускают через это «чистилище» — многое из того, что я о себе слышал, было настолько неожиданно и остро, а главное — впервые...

Воздвиженский сделал то, на что решились бы немногие педагоги. Он ходил по отрядам и в каждом отряде вне очереди ставил на обсуждение себя... По его словам, наиболее уважительная и либеральная критика была в нашем отряде. Я бы не сказал, что это было слишком либерально. Но всегда и везде соблюдался «Закон доброго отношения к людям».

До обсуждения была «Голубая лампа». Почему голубая! Когда-то, в одной из первых коммун, прощальный вечер проходил при голубой

лампе; название осталось, прикрепившись к последнему концерту.

Каждый отряд подготовил что-то свое. Вместе со всеми я смеялся над сценкой: часы бьют двенадцать, вместо кушучки появляется дракон [механику описывать не буду] и спрашивает группу «наших»: «Чего желаете в Новом году!» Те в один голос:

— Есть!

В этот момент открывается дверь, и серьезный жмот сообщает:

— В столовой розетки не работают, кипятильники перегорели — банкета не будет.

Пока все разобрались, что это розыгрыш...

Вместе со всеми я веселился, не зная, что готовит следующий отряд.

Появился некто с табличкой «Шеф» и начал:

— Еще в 60-е годы нас заинтересовали молодежные коммунарские организации, и мы делали все, чтобы это движение подорвать. Когда же мы узнали, что в Святозере собирается «Зимовка», то послали туда своего агента Джона из секретного центра... Джон все интересовался: «А что такое «кляузник»? А как создавалась коммуна!..» — и так

далее; надоедал всем своей вечной фразой «Хочу чаю!»...

Видимо, я реагировал бурно, так как получил приз «Активному зрителю»... А назавтра в боевом листке [который, несмотря на гриф «Из части не выносить», я увез с собой] появилась фраза: «Джонни! Желаем тебе узнать поближе коммунаское движение и не отвыкать от него. Благодарный Шэф».

Но было бы неправдой утверждать, что я сразу все принял, всему поверил и стал считать своим.

Первые несколько дней во мне шла борьба. Многое вначале вызывало в лучшем случае улыбку. Например, то, что почти все, в том числе и десятиклассники, — в пионерских галстуках; что символ дежкама — буденовка; что обычное обращение к Воздвиженскому — «товарищ Сергей». Так что вполне имело под собой почву мнение, которое я услышал на «Откровенном разговоре». «В первый день возникало ощущение высокомерия — как будто ты приехал посмотреть на детские игры».

Года три назад я ВСЕ принял бы, наверное, сразу, а теперь... Лишь на четвертый-пятый день перестал обращать внимание на внешнюю форму — она спилась с содержанием. Когда на сборе шел прием новичков в коммунары, в мыслях у меня было одно: «Ребята, я тоже хочу!» Во мне родилась самая настоящая зависть к ним всем: они имеют то, чего я при всем желании уже не успею получить. Поезд ушел...

Прошло около месяца после сбора, когда я позвонил Денису Рогаткину и среди очередных новостей узнал о втором приеме в коммунары. Спросил:

— Денис, а тебя приняли!

— Да, и меня.

— Слушай, объясни, а почему ты тогда не захотел! [На сборе Денис был ко-

миссаром отряда, работал, в общем-то, больше всех, но не стал писать заявления о приеме].

— Тогда «Костру» был месяц, и единственное, что мы сделали, так это сбор. Вполне могло оказаться, что все зачухнет, распадется.

— А сейчас!

— Мы действуем. Берем младшие классы и проводим с ними дела. Уже видна наша работа. Вот вчера подготовили с шестым классом концерт и пошли в детский дом.

— Денис, а на слет вы пускаете всех, кто захочет!

— Да.

— То есть, если я приеду не один, ничего!

— Приезжай.

Я приеду. Обязательно приеду.

Андрей СКУРАТОВИЧ,
ученик 10 «А» класса
СШ № 23 г. Минска,
староста Малой
редколлегии «Паруса»
Калевада — Святозеро —
Петрозаводск

Р. С. Пока этот отчет готовился к печати, прошла «Веснянка» — традиционный сбор на весенних каникулах. Там я понял, что еще оставалось недосказанным. Во множестве коммунарских отрядов, флотилий, клубов нет, видимо, и двух одинаковых. Петрозаводский «Костер» — это не коломенская «Красная Гвоздика», клубы Владимира Ланцберга не «Каравелла» Владислава Крапивина, а Кировский «Трубач» во многом отличается от отряда, созданного Юрием Устиновым. Наверное, так и нужно. В конце концов, все делают одно дело. Вот как поется в песне Юрия Устинова:

Когда рассвет за окнами
встает,

Когда луна и солнце
пополам,

Неважно, кто кого
перепоеет,

А нужно, чтоб мелодия
была.

Иначе быть не может

...Если бы я знала, что скрывается в той тоненькой ученической тетрадке, которую я увозила с собой на целину двадцать лет назад, в пионерский лагерь при стройотряде! Я быстро заполняла ее в гостях у знакомой студентки пединститута записями каких-то необычных дел со странными названиями «Концерт-ромашка», «КВГ», «пресс-конференция с пришельцами», «совет дела», «разведка боем»... У меня не было ничего, кроме моих 17 лет, самоуверенности, мячей, красок и этой тетрадки — не будь ее, мне пришлось бы очень туго со степной вольницей нескольких десятков сельских сорванцов.

Итак, я буду писать о методике воспитания. Я знаю: на этих словах ваше внимание скорее всего отключилось. Но погодите! Напомню — «Педагогическую поэму» Макаренко в 1935 году закончил так: «...И, может быть, очень скоро у нас перестанут писать «педагогические поэмы» и напишут простую деловую книжку: «Методика коммунистического воспитания».

Имя человека, который выполнил завет Макаренко, — Игорь Петрович Иванов, ленинградский профессор, доктор педагогических наук... Рожденная во Фрунзенской коммуне Ленинграда [ребячьего объединения, названного так в честь коммуны Макаренко], методика и стала именоваться: коммунарская.

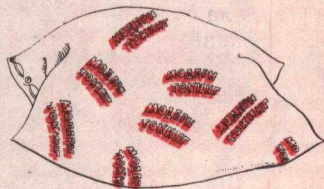
...Я не знаю другого прямого пути к чувству страны, человечества, чем тот, который прорастает из такого вот круга твоих друзей, ставших тебе родными по духу и высокой цели. Вместо прощания звучал на перроне наш коммунарский девиз, как тихая клятва друг другу, — со строгими лицами и руками, сжатыми в «рот-фронт»: «Наша цель — счастье людей!» И такой же негромкий, но твердый ответ: «Мы победим — иначе быть не может».

О. МАРИНИЧЕВА,
журналист,
г. Москва
[«Комсомольская правда»]

Оформление Людмилы
СЕЛИВОНЧИК
и Валерия
РУЛЬКОВА

Мои заметки «О бедном кумире замолвите слово», напечатанные в мартовском номере «Паруса», многих, видимо, заделали за живое. Почта «про кумиров» возросла. Правда, разнообразием она не блещет. На одно из многих почти одинаковых писем и ответила Лена Окулич. Мы решили ее ответ опубликовать. Может, он пригодится не только девушке из Владивостока?..

Виктория БРЮЛО,
член Малой редколлегии
«Паруса»

«ЛЮБЛЮ ДО ИНФАРКТА!»

Скоро год, как я без памяти влюбилась... в Томаса Андерса. Да, да! С тех пор, как я в него влюбилась, со мной стало что-то твориться. Я теперь ужасно раздражительна, стала плохо учиться (я в 8-м классе). В четверти 8 троек! Ужасно! Лишь по английскому стала лучше учиться, с адским азартом роюсь по словарям. Все мои думы — только о нем, моем любимом, единственном Томасе. Если бы вы знали, как я люблю его!

Этой осенью мой милый Томас приезжал к нам на гастроли. Как я этого не хотела. Как завидовала тем, кто был на его концертах! Я бы 200 рублей не пожалела — лишь бы только его увидеть!

А недавно в передаче «До 16 и старше» показывали его с женой. На следующий день, узнав об этом, я редела (нет, металась в истерике) весь день. Я думала, что у меня будет инфаркт.

Я не знаю, что мне делать?! По-моему, к 16—18 годам у меня свихнутся мозги.

Очень вас прошу, умоляю: пишите больше о Томасе! И посоветуйте: что мне делать?

С уважением и надеждой
Катя,
г. Владивосток

ЛЮБИ НА ЗДОРОВЬЕ

Здравствуй, Катя!

Прочитав твое письмо, я очень удивилась: как можно умирать от любви к Томасу Андерсу? Но потом подумала, что вполне могу тебя понять. Дело в том, что я сама вот уже три года по уши влюблена в Джона Леннона. Я знаю, как можно мучиться, вспоминая движения, лицо, голос. Но мне сложнее. Твой Томас жив, Джон Леннон погиб. Я в это никак не могла поверить. Но один раз прослушала пластинку «Автографа». Может, знаешь, там есть реквием, посвященный памяти Джона Леннона? Так вот, печаль была настолько достоверна, что я с ужасом убедилась в его смерти и побежала в ванную резать вены. Если бы не мои друзья, не знаю, чем бы все кончи-

лось. Но, к счастью, они помогли мне, просто внушили, что Джон жив, что он всегда рядом, где бы я ни была, что бы ни делала.

Люби своего Томаса! Но попробуй любить его так, словно он с тобой рядом. Пусть он помогает тебе в трудную минуту. Можешь пожаловаться его фотографии и верить, что он поймет.

Но, по-моему, не стоит тешить себя глупой мечтой о встрече. Ведь даже если тебе удастся увидеть его лицом к лицу, совершенно неизвестно, захочет ли он променять свою жену на тебя. Жена у него одна (к тому же горячо любимая), а таких поклонниц, как ты, сотни.

Печатать статью о Томасе «Парус» не планирует. Много других тем, да и к тому же публикаций о «Модерн Токин» масса в других изданиях, ты их, наверное, читала.

Я ненамного старше тебя и вряд ли вправе давать советы, но все же повторю: люби его, верь, что он рядом. Может, будет легче.

Лена ОКУЛИЧ,
ученица 9«А» класса СШ № 24
г. Минска,
член Малой редколлегии
«Паруса»

ОБОЙДЕМСЯ БЕЗ ВРАНЬЯ

Меня зовут Лена, я жила в Новгороде, а после восьмого класса уехала в Пушкин учиться в СПТУ на мастера-цветовода-декоратора.

Наши классный руководитель и мастер меня, извините, не очень жалуют. Дело в том, что я очень справедливая и честная (я не виновата, такой характер). И я очень не люблю, когда подростков обманывают взрослые. И вообще, откуда бы дети научились врать? Им показывают пример именно взрослые люди.

Я понимаю, что у нас в стране перестройка, демократизация, гласность. Я каждый день (пока была дома, ну, и в общежитии, если комната, где телевизор, открыта) смотрю «Прожектор перестройки» и удивляюсь, как все запущено, в каком состоянии находится то, на что мы раньше закрывали глаза. Мы обманывали самих себя, а теперь спохватились.

Да, действительно, надо работать под девизом «Кто, если не я!». Мое мнение о перестройке: она заставит подтянуться рабочий класс. Ну, а если начальство опять будет отсиживаться, закрывать глаза? Недавно они писали липовый отчет, а когда перестройка в стране, они говорят: «Мы уже перестроились».

Так, я считаю, дело не пойдет. Почему не хочет честный человек идти руководителем какого-нибудь предприятия? Потому что там надо врать? Вранье — какая мерзость! Врать — это значит не уважать себя и других. Главная задача перестройки — научиться бороться с враньем в большом и малом.

Вам, наверное, письмо показалось нудным. Но это именно то, что думает, о чем размышляет 15-летний подросток о перестройке.

**Лена,
г. Пушкин,
Ленинградская область**

ВОШЛИ В РОЛЬ

От имени клуба знатоков «Эврика» и клуба книголюбов «Муза» вас приветствует старый знакомый «Паруса» библиотечарь Сергей Изотов из села Приволжье Куйбышевской области! Журнал постоянно у меня на виду, у него огромная популярность среди юных приволжцев. Благодаря «Парусу» у нас завязались прочные отношения с ребятами из разных уголков страны. Со знатоками из Новолукомля продолжается заочная игра. Наши белорусские соперники при своем клубе организовали «Факкол» — факультет коллекционеров. Друзья у нас появились в Вилкавишкисе (это Литва), в Витегре (Вологодская область), в Московском пединституте...

Скоро мы проведем выездную игру в поселке Новоспаском нашего района.

А что же «Муза»? Сезон 1987—1988 годов складывается для нее довольно удачно. По инициативе десятиклассников провели диспут «Твои шестьдесят лет...» Организовали театрализованный вечер «По страницам «Двенадцати стульев». Это надо было видеть! Масса импровизации, куплеты Кисы, Остапа и Грицадуевой... И все в костюмах, и все вошли в роль... И выходит что-то не

спешат. Я, например, дворника Тихона играл, до того перевоплотился, что «музовцы» предложили полставки и «постоянную метлу».

«Музе» два года. Отметим юбилей шуточным судебным процессом, признали ее виновной «в злонамеренном объединении масс книголюбов». Вот на этой веселой ноте и завершу свое очередное послание. Успехов вам!

Сергей ИЗОТОВ

КУЛАК — НЕ АРГУМЕНТ

Парк Горького, пустынная аллея, 30 минут до начала концерта группы «Крузи». Мы с братом идем по аллее, у брата на куртке значок. Подходят «ленинцы» (так называют себя некоторые молодые москвичи со значком В. И. Ленина).

— Кучерявый, иди сюда! На «Крузи» пришли? Ну, «металлисты»!!! Снимай значок, пока по морде не получил!

Брат:

— А в чем дело?

— Значок оттуда (кивок головой в сторону «чертова колеса»)... с Запада!

— Ну и что?

— А то, что щас по шее получишь!

Брат:

— Скажите, а где, по-вашему, жили Карл Маркс и Теодор Драйзер?

Ответ (после пятиминутных глубоких раздумий):

— Это к делу не относится!

Лишившись значка (что само по себе не очень огорчило), мы с братом долго думали о причинах патологической и, согласитесь, глупой ненависти некоторых ко всему западному. Но если следовать их убеждениям, то надо «выбросить за борт» нашей жизни Моцарта и Гайдна, Драйзера и Хемингуэя, Дина Риду и Мартина Лютера Кинга. Дорогие «ленинцы» (а также «люберы» и др.), давайте выясним наши точки зрения. Может быть, я в чем-то вас не понимаю?! Докажите свою правоту аргументами, но не кулаками!

Дмитрий БОБАРЫКИН,

16 лет,
г. Москва

**Напомним читателям адрес:
446060, Куйбышевская область,
с. Приволжье, ул.
50-летия Октября, д. 2, библиотека.**

Ссылка на Маркса и Драйзера в данном случае, признается, не очень убеждает. Но с главной мыслью — «кулак — не аргумент» — мы согласны. И, разумеется, готовы дать слово обеим спорящим сторонам.

В принципе письмо-то анонимное. Рассматривать не обязаны. Так что можно вполне пристойно избавиться от лишнего хлопота.

Но... но...

«Известные события в ряде регионов страны...» Согласитесь, фраза стала такой расхожей, что нет нужды разжевывать, о чем речь и как эта тема злободневна.

Можно, конечно, бросить бесфамильное послание в мусорную корзину, но от нее, этой ужасно колючей и в то же время крайне деликатной темы, сегодня не откристишься. За страусиную тактику и так уже дорого заплачено.

В общем, откроем глаза.

«Пишет вам небольшая группа молодежи... Нам нравится ваш журнал». Обычно после столь традиционного вступления просят адрес Дитера Боле-на или дискографию «Металли-

«Государство должно быть только социалистическим, состоять в СЭВ, ЮНЕСКО, ООН, в странах Варшавского Договора. Столица государства — Львов. Состоять в тесном сотрудничестве с СССР. Страну должны населять в основном украинцы и небольшое количество молдаван и русских. Управление будут осуществлять левые коммунисты...»

«Вы спросите: зачем!.. Вроде бы идет перестройка, которая ликвидирует «грязь», но... в масштабах СССР это очень трудно. Наша страна будет небольшой, и мы сможем хотя и с трудом, но сделать вторую Японию. Для этого надо жесто-

принес вреда Украине и ее народу... Мы будем добиваться образования Западной Украины. Сначала мирным путем, а потом, если последуют репрессии со стороны властей, сделаем вторую Южную Корею... Убеждены, что Ленин, Киров, Петровский (наши идеалы) подержали бы нас».

Вот здесь легче всего воскликнуть: да как язык повернулся!.. И что еще за разговоры могут быть! Мало драли сопляков.

работа над ошибками

ЗАДАЧКА «

ки». Но тут... Что и говорить, «заявка» не из ординарных: «Наша цель — создать новое государство Западная Украина».

Письмо длинное, приходится цитировать выборочно. Уж поверьте: исключительно ради экономии места (если выбрасывать «крамолу» — так, собственно; и оставлять-то нечего). Главные тезисы приводим дословно, согласуясь лишь с правилами грамматики:

читать закон, повысить требовательность, не забывая о благе людей».

«Мы спрашиваем, за кого были Петлюра, Махно, Бандера, и нам все без исключения отвечают: за белых и фашистов. Как они не правы!.. Бандеровцы не были ни за фашистов, ни за русских, а хотели, чтобы Украина хоть с помощью их борьбы стала независимой страной. У них были ошибки, но эти ошибки были вызваны Сталиным. Мы ненавидим Сталина, он много

Эмоции можно понять. Но самый ли мудрый тут вариант — вознегодовать, заклеймить, пресечь! Да, закон охраняет устои государства, это само собой. Но не лучшая ли защита — когда каждый искренне убежден, что они, эти устои, справедливы! Если же кто-то заблуждается — надо помочь увидеть истину.

С этим полностью согласился наш собеседник — кандидат исторических наук, доцент кафедры научного коммунизма

Львовского университета
Владимир Кузьмич СУЛЬ-
ЖЕНКО.

— Итак, Владимир Кузь-
мич, попробуем отбросить
эмоции: дескать, мыслимо
ли посягать!.. Попытаем-
ся перейти на беспристрастный

щепролетарских классовых
интересов, от борьбы за со-
циализм. То есть учил не
хвататься за «голое» право,
а в каждом конкретном слу-
чае взвешивать все «за»
и «против».

НА ДЕЛЕНИЕ»

Александр КЛАСКОВСКИЙ

язык науки. Ленин ведь мно-
го говорил о самоопределе-
нии наций. В декабре 1917
года этим правом воспользо-
валась, например, Финляндия.
А вот статья 72 Конститу-
ции: «За каждой союзной
республикой сохраняется
право свободного выхода
из СССР».

— Я понял, о чем речь.
И сразу приведу пример,
которым пользовался Ленин.
Скажите, а разве право на
развод всех заставляет раз-
водиться? Ленин постоянно
подчеркивал: право на само-
определение нельзя абсолю-
тизировать, отрывать от об-

Верно, Финляндия получи-
ла в свое время независи-
мость. Там недоставало сил
для пролетарской револю-
ции, и когда к власти при-
шло буржуазное правитель-
ство Свинхувуда, Советское
государство сохранило вер-
ность провозглашенной на-
циональной политике — да-
ло финнам возможность са-
мим решать свою судьбу.
Но вообще Ленин хорошо
понимал преимущества круп-
ной централизованной стра-
ны. Позволю себе его цита-
ту: «Мы требуем свободы
самоопределения, т. е. не-
зависимости, т. е. свободы
отделения угнетенных наций
не потому, чтобы мы меч-
тали о хозяйственном раз-
дроблении или об идеале

мелких государств, а, наобо-
рот, потому, что мы хотим
крупных государств и сбли-
жения, даже слияния, наций,
но на истинно демократи-
ческой, истинно интерна-
ционалистской базе, **немы-
слимой** без свободы отде-
ления».

Между прочим, непра-
вильно думать, будто укра-
инцы и другие народы быв-
шей Российской империи
свое право на самоопреде-
ление не использовали. Они
ведь тоже его реализовали!
Советская Украина была про-
возглашена как независимое
государство. Так же — и Бе-
лоруссия, и закавказские
республики. Между ними
и РСФСР действовали по-
началу только договорные
отношения, а в Союз — вы
это отлично помните — рес-
публики объединились лишь
в конце 1922 года. И вовсе,
простите, не из-под палки.

Сама жизнь это подсказала. Стало ясно: вместе намного легче поднимать хозяйство, отбиваться от врагов, идти к общей цели. Это была воля народов. Повсеместно проходили собрания, митинги, конференции, в Москву летели телеграммы... Есть целые тома документов, полистайте — и вы найдете совсем не казенный пафос, а строки огромной эмоциональной силы.

Короче, если продолжить пример с разводом: что ж, бывают ситуации, когда без него не обойтись, но в общем-то лучше — крепкая, дружная семья.

— Однако авторы письма видят в «разводе» благо: поможет-де навести порядок, сделать экономический рывок, поднять уровень жизни.

— Это старая пластинка. За рубежом ее крутят не только наши «родные» украинские «самостийники», но и прибалтийские, и закавказские, и прочие буржуазные националисты. Про Украину, например, так говорят: мол, 20 процентов ее национального дохода на сторону уходит — форменный грабеж! Вот если бы сами себе хозяева были... Цифра, сами понимаете, — с потолка. Конечно, с Украины везут, скажем, сталь, прокат, но зато 90 процентов нефти и нефтепродуктов завозят сюда из других республик. Или вот: чтобы собрать на Львовском заводе телевизор, надо получить детали с тысячи предприятий, разбросанных по всему Союзу. Другой пример по Львову: за годы Советской власти промышленное производство выросло в 110 с лишним раз. По сути, индустриализация у нас, в западных районах, началась только после войны, раньше был захудалый аграрный край. И брать-то отсюда нечего было... Наоборот — вся страна помогала на ноги становиться.

В общем, чушь это все —

насчет «грабежа». Не буду утомлять статистикой: кто хочет, может в справочники заглянуть... Есть просто разделение труда между регионами, сложился мощный народнохозяйственный комплекс. Это — как огромная кровеносная система, где не порвешь безболезненно ни один сосуд.

Другое дело, что система эта может и должна работать лучше. Надо устранить излишнюю централизацию экономической жизни, дать здесь республикам больше прав, самостоятельности.

— Если верить письму, то главное для подвема экономики — ужесточить закон, повысить требовательность.

— Наивный, отживший взгляд. Ведь именно командно-административная

система и загнала наше хозяйство в тупик. Надо расковать, раскрепостить людей, а не кнутом грозить. Авторы письма хоть и клеймят Сталина, но ратуют, по сути, за его методы. Ленинской концепцией социализма тут и не пахнет. Владимир Ильич указывал совсем другой путь: больше инициативы, творчества, хозяйственной самостоятельности. И сегодня в этом гвоздь перестройки.

— В письме говорится,

Фото Елены АДАМЧИК

что перестройке мешают масштабы страны...

— Тоже заблуждение. Хотя, скорее, уловка. Читаем дальше: «Страну должны населять в основном...» Чувствуете, где собака зарыта? На деле беда видится не в масштабах. Подтекст таков: чем меньше «чужих», тем лучше, из-за них все неурядицы. Тут уж, по-моему, и до откровенной «сортировки» народов недалеко... Вот у нас на Львовщине живут люди более полусотни национальностей. Куда прикажете девать тех,

кто не «вписывается» в «концепцию»?

Нет, проповедь превосходства одних народов над другими — прямая или замаскированная — никогда к добру не ведет. Даже если прикрывается социалистическим флагом. Мао Цзэдун, к примеру, когда-то заявил, что нации — это пережиток капитализма. Развернулась насильственная китаизация национальных меньшинств. Китайцу, скажем, предписывали жениться на уйгурке... Понятно, что такие примитивные, казарменные методы провалились.

Или возьмем Кампучию, когда там правили полпотовцы (вот, кстати, пример, куда заносит левачество). Видимо, не все знают, что это тоже очень многонациональная страна. «Красные кхмеры» в большинстве своем представляли крупнейшую народность Кампучии, а три миллиона их жертв —

это в основном национальные меньшинства. Так вот «наводили порядок».

А сионизм? Это ведь тоже проповедь превосходства, в данном случае — евреев. И гибнут арабы на захваченных Израилем землях.

А фашизм? Правда, Гитлер его иначе называл: национал-социализм. Чувствуете, какая упаковочка?

— Гитлер называл себя национал-социалистом. Петлюра — украинским социал-демократом. Махно говорил, что он — за Советы, только «вольные»...

— Всегда нужна красивая вывеска. Винниченко, сподвижник Петлюры, откровенно признавался: иначе бы народ просто слушать не стал — так загорелись тогда массы идеями социализма. А чего стоили лозунги — это потом ясно стало. Когда, вступив в Киев в январе 18-го, националисты расстреляли и повесили сотни рабочих. Когда два месяца спустя «пригласили» для удушения Советской власти австро-германские войска. Когда, наконец, стараясь удержаться любой ценой, Петлюра стал продавать украинскую землю налево и направо — то под протекторат Франции, то Пилсудскому... Он же, Петлюра, ради союза с денкинцами быстренько сменил лозунг «самостийной Украины» на совершенно иной, монархический — «За единую и неделимую Россию!» В общем, с лозунгами не церемонились, главное было — растоптать революцию.

Ну, а финал известен: пришлось марионеточной петлюровской Директории на всех парах улепетывать за кордон. И присказка убийственная появилась: «В вагоне — Директория, под вагоном — территория». Бесславно закончилась и махновщина...

— Но согласитесь, Владимир Кузьмич, сегодня молодежи мало привычных,

готовых оценок. Ребята хотят знать больше конкретных фактов, видеть историю живую, пульсирующую, многоцветную — мы же предлагаем черно-белую и разложенную по полочкам... Вот взять Махно. В «лучшие» времена его отряды насчитывали до 35 тысяч сабель. Что-то ведь вело людей под знамена «батьки»? Известно, например: при царе он отбивал каторгу, в 1918-м повел партизанскую борьбу против австро-германских захватчиков, выступал за раздел помещичьих земель, даже послал отряд на штурм Перекопа... Видимо, умел так создавать вокруг себя эдакий ореол «борца за народное дело»!

— Согласен, упрощать нельзя. Нестор Махно был, конечно, противоречив и по своему неординарен. Вначале за ним пошло и среднее, и даже бедное крестьянство. Привлекала звонкая, ультра-революционная фраза — будоражила извечную мечту селянскую о земле и воле... Думаете, легко было разобратся не шибко грамотному мужику, что к чему? Ведь все смешалось в круговерти гражданской войны на Украине. Иной раз и не знали с утра, какой флаг сегодня вывешивать. Тут вам и Центральная рада, и Директория, и гетман Скоропадский, и немцы, и поляки, и Врангель, и Деникин, и «зеленые»... Настоящая чехарда, и все себя за благодетелей выдают. Ленин в мае 19-го говорил: «Теперь на Украине каждая банда избирает кличку, одна свободнее другой, одна демократичнее другой, и в каждом уезде — по банде».

Да, порой махновцы вместе с Красной Армией действовали против петлюровцев и белогвардейцев, но и тогда было ясно, что союзники это временные и ненадежные. Трижды заключал Махно соглашение с Советской властью — и трижды

разрывал. В мае 19-го его бригада, потрепанная денкинцами, бросила фронт и ушла в район Гуляй-Поля, в родные места Махно. Ну, и так далее...

Факты — вещь упрямая. В том числе и сегодня, когда многое в прошлом пересматривается. Да, надо восстанавливать справедливость, но нельзя уступать соблазну некритичной романтизации. Давайте не забывать о четких классовых оценках. В Махно и ему подобных Ленин, например, видел не что иное как «разнообразие форм и окрасок контрреволюции в разных местах России». Вот оно, ключевое слово — контрреволюция. Украинский народ в конце концов выбрал союз с революционной Россией. А Махно, возглавив анархо-кулацкое движение против Советской власти, оказался поперек исторического пути — и потому был сметен, отброшен на обочину. Особенно подкосил его нэп: когда Советская власть отменила продразверстку, отряды «батьки» стали таять на глазах. Оставалось только озверевшее отребье... В 21-м году Махно бежал в Румынию, потом пробавлялся ремеслом типографского наборщика в Париже, где и закончил свои дни в 1934 году. (К слову, там же восемью годами раньше был убит Петлюра — так с ним расквитались за политику насилия, за еврейские погромы на Украине).

А вообще махновщину, ее суть, ярко и наглядно показал Алексей Толстой в «Хождении по мукам». Кто не читал — советую.

— Вы говорили о пересмотре прошлого. Сегодня на Западе пробуют избразить тех же бандеровцев едва ли не антифашистами...

— Давайте опять-таки посмотрим на факты. Факт первый: сам Степан Бандера был старым агентом немецкой разведки по кличке

«Серый». Вошел в число лидеров созданной в 1929 году в Вене организации украинских националистов — ОУН. В войну оуновцы стали первыми прихвостнями гитлеровцев. Созданное во Львове марионеточное «правительство самостийной Украины» поспешило заверить Гитлера: желаем сотрудничать, вместе наводить «новый порядок». Потом, правда, немцы попросту разогнали это «правительство», чтобы не путалось под ногами, но кровавое «сотрудничество» украинских националистов с фашистами продолжалось. В 1943-м из оуновцев сколачивают дивизию СС «Галиция». Предатели помогают захватчикам грабить украинскую землю, вывозить молодежь на каторгу в рейх, карать партизан. Когда гитлеровцы покатаются на Запад, их прислужники останутся в лесных укрытиях — «схронах» — с немецкими «шмайссерами» и заданием вести диверсионные операции в тылу Советской Армии.

Сегодняшние попытки их обелить — не новость. Уже тогда, в конце войны, бандеровцы и им подобные стали заматывать следы, маскировать связь с фашистами. Террористические банды были громко названы «Украинской повстанческой армией». Оуновцы заменили эмблему, отказались от нацистского приветствия... Но в истории Украины остается их страшный след. Боевики оуновской «службы безопасности» — СБ — перещеголяли даже гестаповских палачей. До окончательного разгрома в 1947 году бандиты продолжали зверствовать в западных областях республики: убивали коммунистов, советских работников, колхозных активистов, вырезали целые семьи, сжигали села. Вот статистика: в 1945 году — 3427 нападений, год 1946 — более двух тысяч жертв...

— В письме говорится:

«ошибки» бандеровцев (да, словечко — «ошибки»...) были «вызваны Сталиным».

— Сталинский произвол был им просто на руку, помогал сеять недоверие к новой власти. Когда после войны в западных областях развернули массовую коллективизацию, то от репрессий, «раскулачивания» пострадали и честные крестьяне-труженики. Но все же питало бандеровщину главным образом не это. Ядро составляли самые настоящие мироеды, которые до Советов выжимали соки из честных тружеников. Бандера, скажем, происходил из богатой поповской семьи. Так что не об ошибках тут разговор, а о сознательной борьбе матерого классового врага.

— И все же, коль скоро упомянут Сталин, давайте четче обрисовать его роль в истории национальных отношений.

— Что ж, он, как говорится, неплохо начинал: в 1913 году Ленин похвалил его работу «Марксизм и национальный вопрос». Вообще Коба (тогдашняя подпольная кличка Сталина) претендовал на роль знатока, теоретика в этом вопросе. Кто знал, чем все обернется!

После революции Сталину доверяют возглавить Наркомнац. Тут-то и стали прорезываться его грубые администраторские замашки. Ленин, уже смертельно больной, собирает силы и диктует известное письмо, чтобы предостеречь партию от сталинской идеи «автономизации», которая грозила серьезно ущемить права союзных республик. Тогда еще удалось вмешаться, но потом... Ленин умер, и вместо его принципов национальной политики (максимум такта! величайшая осторожность!) — Сталин взял на вооружение жесткие, преступные методы.

Конечно, в любой отаре есть паршивые овцы, но тут

в измене, национализме стали обвиняться целые народы. Так были поголовно «наказаны» чеченцы и калмыки, ингуши и кабардинцы... «Отец народов» изгнал их с исконных земель, отобрал все права, даже из энциклопедии вычеркнул, словно и не было таких никогда. А истребление цвета национальной интеллигенции, лучших партийных, советских, комсомольских, военных кадров, и не только на Украине — по всей стране!

Вообще — многие исторические трагедии, несправедливости до сих пор ноют ранами в памяти народов.

Западно-украинским землям при старом строе тоже досталось с лихвой. Тут хозяйничали и австро-венгерские магнаты, и румынские бояре, и польские паны. Этот отсталый аграрный регион называли когда-то «джунглями в центре Европы», а его жителей — «белыми неграми». Нищета, курные хаты, невежество, чудовищное бремя налогов... Их, здешних украинцев, и за людей-то не считали. Если местный крестьянин, ломая шапку перед мелким польским чиновником, начинал просить о чем-то на родном наречии, то слышал в ответ издевательское: «Я по-китайски не понимаю!» Все это, конечно же, больно ущемляло национальное чувство. На чем и пытались играть. Не случайно здесь, на Западной Украине, действовали в свое время 11 националистических партий! Да и сегодня кое-кто не прочь расковырять старые болячки.

— Но дело, видимо, не только в старых болячках!

— Да, я продолжу мысль. Действительно, события в Алма-Ате, Прибалтике, Азербайджане, Армении показали: «взрывчаткой» служат не только пережитки прошлого, не только обиды прежних времен, но и сегодняшние острые проблемы, особенно социально-

экономические. Не случайно, чтобы нормализовать обстановку в Нагорном Карабахе, наметили целый комплекс мер по ускорению развития этой автономной области — строительство жилья, школ, больниц, дорог, реконструкция заводов и фабрик, подъем сельского хозяйства.

А возьмем такой факт: на львовские предприятия каждое утро приезают из окрестных сел несколько десятков тысяч работников. Вечером — опять в автобусную давку, пока добрался — некогда ни газету посмотреть, ни с пацаном поиграть, перекусил наскоро — и на боковую. Иной раз неизвестно даже, когда та городская квартира будет...

Выступая в коллективах, я сам убеждался: раздражение от такой вот вечной неустроенности может в любую минуту выплеснуться, как кипяток из кастрюли, — в том числе и националистическим выпадом.

А потом — дело не только в социально-экономических трудностях. Экспоненты бьют тревогу: сужается сфера применения родного языка, даже в иных областных городах не осталось украинских школ! В плачевном состоянии многие памятники истории и культуры.

Здесь тоже сказались искривления национальной политики. Некоторые деятели по-своему понимали сближение наций — старались побыстрее стереть черты своеобразия в культуре народа, подогнать его жизненный уклад под некий ранжир, чтобы продемонстрировать высокий уровень интернационализма. Но разве он — в безликости, в забвении своих корней? Нет, любовь ко всей стране нельзя отрывать от любви к отчужденному, к материнской песне. А она, песня, у каждого народа на своем языке.

Сегодня волей-неволей пришлось вспомнить эти простые истины. Вот и в Нагор-

ном Карабахе намечено обеспечить устойчивый прием телепрограмм из Москвы, Баку, Еревана; выпускать больше книг на армянском, взяться как следует за реставрацию исторических и культурных памятников.

— Упомянув Казахстан, Прибалтику, Нагорный Карабах, западные радиостанции много и охотно говорят сегодня о «крахе национальной политики в СССР в результате демократизации и гласности».

— Ну, кое-что похожее не только «из-за бугра» услышать можно. Хватает еще и своих, отечественных умников, которые ворчат: допрыгались, мол, с этой хваленной демократией, дали волю всяким крикунам... Пусть бы подумали такие вот «защитники устоев», с кем заодно оказались.

Надо найти в себе мужество для правды. Не от гласности ведь страдаем, а от того, что так долго ее не было. Сегодня — повторю — мы в первую очередь расплачиваемся за вчерашние ошибки. В том числе и в национальной политике, где во времена сталинизма и застоя наломали немало дров. Чем честнее это признаем, чем быстрее исправим — тем лучше.

К слову, о «голосах», которые «оттуда». Привыкли мы, что называются, вешать на них всех собак. Если боязно назвать вещи своими именами, то главный аргумент: е что скажут там? А когда шила в мешке не утаишь — значит, во всех бедах виноваты они, эти самые провокаторы...

Пора понять: в наших бедах прежде всего повинны мы сами. Другое дело, что наши промахи сразу подмечают. Там, на Западе, никому, конечно, даром денег не платят. В том числе и десяткам советников Рейгана, которые специализируются на этнических проблемах: как расколоть социализм при

помощи национализма? Это ведь старый, раскрытый еще Лениным прием буржуазии: загубить революционное движение, растащив его по «национальным квартирам». Если не ошибаюсь, более 400 западных мозговых центров ищут наши уязвимые места, чтобы сделать их пропагандистскими мишенями. Мы как-то подсчитали — и смех и грех: тамошние, буржуазные украиноведы больше диссертаций защищают, чем мы здесь.

Но главное вот в чем. Они говорят: смотрите, что принесли вашему народу социализм! И тут важно уяснить: виноват-то не общественный строй. Виною всему — искажение, извращение его. Так что не социализм рушится сегодня, а ложные о нем представления. И спасение одно: больше социализма! Настоящего, ленинского.

Безусловно, такая ломка — дело не одного дня. И дело болезненное, мучительное. А боль надо уметь терпеть — сжимая зубы, не давая воли ненужным эмоциям.

Это и к авторам письма относится. Понятно их отвлечение ко всей, как они говорят, «грязи», которой у нас, увы, еще хватает. В юности взгляд особенно критичен, хочется все переменить в одночасье. И нетерпимость к порокам — это хорошо. Но излишняя нетерпеливость может совсем не туда занести. Я уж не говорю, что экстремизм — сам по себе средство негодное. Вдобавок идеи, что кажутся ребятам свежими и прогрессивными, на деле, как мы убедились, — типичный старый хлам со свалки истории. Правда, заманчиво упакованный. В головах у ребят путаница, знаний элементарных не хватает — вот и клюют на дешевую наживку.

— Но, может быть, незнание — скорее беда, чем вина! Ведь как примитивно, убого преподаются во многих школах история и об-

ществоведение! Да и сами учебники сегодня устарели. Пойти в библиотеку! Но посмотрите, что в каталоге по интересующей нас теме! Сплошь и рядом — труды застойного периода, авторы которых — от Брежнева до Рашидова — бодро утверждают, что все национальные проблемы в СССР давно и окончательно решены. Барабанное боя хватает и в работах серьезных, крупных ученых...

— Спору нет: мы, ученые, в большом долгу. Ведь рамки — «от сих и до сих» — задавались директивными документами, речами, решениями на самом высоком уровне. Вырваться за эти рамки, опубликовать что-либо противоречащее установкам сверху, сами понимаете, было невысказано. Трудно — и до сих пор очень трудно! — прорваться к нужным архивным документам, статистическим данным. Зачастую действует еще принцип застойных лет: все, что касается недостатков, исследователю не выдавать.

Но, думаю, тут в самое ближайшее время будет серьезный прорыв. Появятся работы качественно новые. И не только толстые фолианты, а и популярные, живо написанные книжки для юных.

— Ну что ж, Владимир Кузьмич, разрешите вас поблагодарить...

— Нет, извините. Я не обо всем сказал. Еще штрих: ведь никакой такой западно-украинской нации просто нет! И тут авторы письма выглядят особенно несостоятельно. Ведь именно социализм и позволил украинцам впервые в истории объединиться. Об этом мечтали веками, когда тело единого народа было разрублено на части. Наконец, как окропленное живой водой, оно срослось. (Так же, кстати, было и с белорусами). И что, снова резать по живому? Совершенно дремучая идея,

попытка тянуть во вчерашний день. Может быть, не все знают: в истории была уже так называемая Западно-украинская народная республика — ЗУНР. Это марионеточное государство буржуазные националисты создали в ноябре 1918 года. Но массы выступили против. Вспыхнуло вооруженное восстание. Когда почва стала уходить из-под ног, правительство ЗУНР без всяких угрызений совести продалось панской Польше. Хозяином опять стал чужеземный штык.

Как видите, украинский народ прошел на редкость суровую школу. Хоть грубовато, но скажу так: на своей шкуре познали, почем какая власть. Свой выбор мы, украинцы, в буквальном смысле выстрадали.

Надо только понимать: даже самый верный выбор не может автоматически, раз и навсегда решить национальные проблемы. Хотя в свое время мы пытались изобразить дело именно так. Замалчивали тему, считали запретной. А вопросы-то мучат — вот и ищут ребята ответы, как могут.

Нужен наконец диалог. Надо честно говорить обо всем.

«Надо честно говорить обо всем». Такая простая истина, такая очевидная — а ведь еще вчера ее пугались, как черт лаdana. Нет, что ни говорите, а лед тронулся...

Вот в эдакой эйфории, смакуя емкую, точную фразу собеседника, шагал корреспондент «Паруса» по улочкам Львова в направлении горкома комсомола. Но там, в горкоме, эйфория быстро улетучилась.

Ответственные работники, изучив копию письма, стали вдруг куда-то исчезать. Как по команде. От нечего делать корреспондент «Пару-

са» разглядывал бумаги на столе. Регламент работы комитетов комсомола города на текущий год: четко, красиво разграфлено — где, когда и какие будут проходить пленумы, заседания бюро, аппаратные совещания, единые политдни и т. д. Или вот — «Мероприятия в рамках интернедели». Опять-таки скрупулезно, по пунктам: здесь и ярмарки солидарности, и...

Тут ответственные работники стали возвращаться. Они были суровы. И сурово сообщили: есть мнение старших товарищей, что выходить с этим письмом на молодежную аудиторию нельзя. И были приведены примерно такие аргументы (уж не знаем, собственные или старших товарищей):

— Слишком гладко, привлекательно письмецо состряпано. Вы уверены, что у всей нашей молодежи достаточная идейная закалка? А вдруг кому-то мысли из письма понравятся! Вон как когда-то: посмотрели «Семнадцать мгновений весны» — и давай в Мюллера и Шелленберга играть... К тому же, сейчас в истории неразбериха — не лучше ли подождать, пока ученые новые оценки дадут, чтобы не промахнуться часом? И вообще, вы не допускаете мысли, что это — провокация!

Не совсем было понятно, что подразумевается под зловещим термином «провокация», но в целом все было ясно...

Ну что тут скажешь! Всё мы допускаем. Только вот выводы делаем разные. Да, мы более чем уверены, что далеко не у каждого идейная закалка на уровне. И что мысли из письма кому-то могут показаться заманчивыми — вполне вероятно. Собственно, уже показались — его авторам. Но в том-то и соль! Есть факт: где-то бродят сомнительные идеи и, хотим того или не хотим, засоряют чьи-то моз-

ги. Выход один: объяснить, где правда, а где ложь. Это же так логично...

Говорите, слишком гладко состряпано! Но если там неправда, то либо ты умеешь доказать это, либо идеологическая работа — не для тебя. Именно в таких случаях — когда гладко состряпано — мы просто обязаны «выходить на аудиторию!» Когда не выходим мы — это делают «они».

Ну, хорошо, спрячем это письмо в могучий сейф. Так ведь достаточно повернуть ручку настройки «ВЭФа» или «Океана» — и вот, пожалуйста, тот же запретный плод. На блюдечке с голубой каемочкой.

Нет, не спасем мы при помощи сейфов идеологическую девственность подрастающего поколения. Может, транзисторы запретить! А что прикажете делать через несколько лет, когда и к нам придет глобальное ТВ! Расквасить все кинескопы! А про фашистов, стало быть, надо снимать такие фильмы, где герой-пулеметчик, у которого никогда не кончаются патроны, кладет штабелями упрямо прущих в полный рост на пули дебилов-врагов!

Надо ли такое «кино»! Кого и когда спасала поза страуса!

Может, помогли горы макулатуры о «полном решении национального вопроса», когда прокатилась волна «известных событий в ряде регионов страны»! Тоже ведь не один день там все копилось... И тоже кому-то не хотелось выносить сор из избы.

Когда же наконец мы поймем, что дозированной гласности не бывает! Или — или.

Либо мы научимся говорить обо всем честно, либо по-прежнему будем воспитывать интернационализм на «ярмарках солидарности», где мальчишки и девчонки, дурачась, продают друг другу в антисанитарных условиях «кексы мамкиной выпечки».

поташил к машине. Опешившая было компания угрожающе загудела:

— Ты, мент!

— А чего она?!

— В чем дело-то вообще?

Тотчас стали собираться любопытствующе прохожие:

— Правильно! Всех заберите!

В просторной витрине универмага, огромном аквариуме, до краев наполненном голубоватым безжизненным светом, стояли манекены — двое юношей и две девушки, аккуратные, нарядные, с иголки, со счастливыми улыбками на розовых лицах. Растопырив матовые пальчики, манекены смотрели на суету вечернего проспекта за стеклом. Там, за стеклом, была ранняя весна, черные от копоти кружева последнего снега, вытаявший из сугробов сор, зыбкие блики фонарей на мокром асфальте, переполненные троллейбусы и бесконечный поток машин.

У витрины тусовалась компания «металлистов» — лениво курили, дурачились. Долговязый парень в наушниках, блаженно прикрыв глаза, отстукивал на коленях ритм никому не слышной музыки. В центре крутилась девчонка со стоящими торчком ядовито-желтыми волосами, черными тенями до висков, со стальной цепью на шее.

Подошли еще несколько ребят. В голубом аквариумном свете поблескивали цепи, бляхи на черных кожаных куртках, тупые шипы на ошейниках и перчатках с обрезанными пальцами. Прохожие, неприязненно оглядываясь, огибали шумную тусовку.

У тротуара, напротив компании, остановился патрульный «Москвич» ГАИ. Старлей-гаишник молча врезался в тусовку, схватил желтоволосую девчонку за рукав куртки и

— Ну, наконец-то! А то проходу нет!

— Чего? Чего орешь? Мы тебя трогали?

— Я бы тебе тронула!

— Ты! Чего выступаешь?

— Не тычь! Вот бы на цепь твою тебя посадить!

В общей перепалке не принимали участия только старлей и девчонка. Старлей молча волок девчонку к машине, девчонка молча отбивалась острыми кулачками.

Легко рассекая толпу зрителей, вперед протиснулись четверо аккуратно стриженных парней с одинаково невыразительными лицами и мощными квадратными фигурами. Спрятав руки в карманы коротких курточек, они спокойно наблюдали за развитием событий.

— Эй, помочь? — окликнул один из них старлей.

Неизвестно, чем бы все закончилось, но девчонка вдруг так же молча вырвалась и сама села в машину. Старлей завел мотор, и «Москвич» рванул с места.

Толпа рассосалась. «Квадратные» еще некоторое время плечом к плечу стояли напротив «металлистов», потом неторопливо двинулись дальше по проспекту. «Металлисты» направились в другую сторону.

Манекены с безоблачными лицами радостно улыбались в пространство.

— Я тебя предупреждал? Предупреждал? — старлей раздраженно рванул заевший рычаг переключения скоростей. — Вырядилась, как... А ну, снимай, дрянь! Снимай, говорю!

Он схватил свободной рукой цепь на шее у девчонки, та вцепилась ногтями ему в ладонь. Машина пошла зигзагом, слева и справа засигналили, замигали фарами.

— Пусти! — девчонка рывком освободилась. — У всех предки как предки, только у меня — дурак в портуpee! Стой! — она распахнула дверцу и занесла ногу над дорогой. — Стой — или прыгну!

Старлей едва успел нажать на тормоз. «Москвич» развернуло поперек улицы, шедшие следом машины завизжали шинами. Девчонка выскочила и побежала.

— Валерка, вернись! Валерка! — старлей бессильно ударил кулаком по рулевому колесу.

Валерка догнала своих около метро, компания встретила ее ликующе. Толкаясь, молотя друг друга кулаками по кожаным спинам, орда ввалилась в вагон. Маленькая девчонка, ковылявшая по проходу, придерживаясь за колени пассажиров, бросилась к матери, та подхватила ее и отошла в дальний конец вагона.

Валерка повисла на шее у долговязого, они принялись целоваться. Компания хохотала, растаскивая их, Валерка, сдерживая смех, отбивалась локтями.

Сидевший напротив древний старик с высохим, мертвенно-бледным лицом, с орденскими планками в пять рядов на застиранном пиджаке гневно стукнул клюкой о пол.

— Что же вы делаете, развратники! — с трудом выговорил он, мелко трясая головой. — Здесь же дети! Бесстыжие!

Валерка подскочила к нему и наклонилась, подставив ухо.

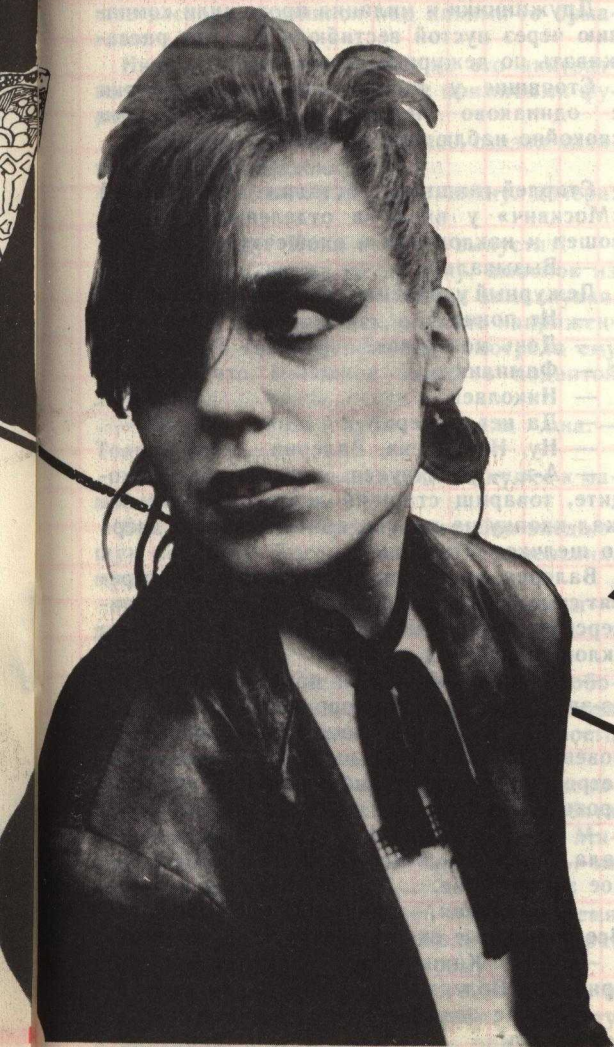
— Как же вам не стыдно, а еще девушка...

— В крематорий, дедушка! В крематорий! — категорически сказала Валерка.

Компания заржала.

— Совсем совесть потеряли! — возмутились пассажиры. — Договорись сейчас! Хоть старость бы уважали!

Двери открылись, и «металлисты» с хохотом высыпали на перрон.

Юрий Коротков

АВАРИЯ

Киноповесть

На площадке перед Дворцом спорта тусовались безбилетные поклонники «металла». Валерку тут знали все.

— Йа-хха, Авария! Авария, привет!

Валерка оборачивалась, скидывала в ответ «рога дьявола» — указательный и мизинец в обрезанных перчатках.

Безбилетники, как обычно, вели нудные безнадежные переговоры с билетерами и дружинниками. Валерка быстро оценила обстановку, выплюнула жвачку и кивнула своим. Они дружно навалились на спины стоявших впереди, отгеснили контроль и проскочили во Дворец. Всего прорвалось человек пятьдесят.

Организаторы, наученные горьким опытом, оставляли на случай прорыва свободные ряды. Все расселись, вошел наряд милиции, оцепил зал, и концерт начался.

Через полчаса Дворец стоял на ушах. Сцена была окутана дымом, как поле боя. Дым упругими волнами отскакивал от грохочущих колонок, полыхали прожектора, музыканты терзали свои инструменты, ударник по пояс в дыму из последних сил отбивался от разнокалиберных барабанов и тарелок. Зрители орали, прыгали, хлопали, подняв ладони над головой. Валерка, вскочив, раскручивала цепь, как прашу.

Милиционер, стоявший ближе других к сцене, под самыми колонками, угрюмо оглядывал зал, страдальчески морщась от боли в перепонках. Видно было, что он с наслаждением выволок бы каждого на свежий воздух, но... Взглянул на стоявшего поодаль офицера — тот с каменным лицом смотрел поверх голов, заложив руки за спину.

Кто-то уже залез ногами на подлокотники кресла, тотчас полезли остальные. Стриженная чуть не наголо девчонка извлекла из пакета медные тарелки и самозабвенно лупила в них. Где-то в глубине зала в такт музыке заливался милицейский свисток.

Милиционеры молча переглядывались.

Группа наддала еще. Валерка сорвалась с места, вылетела к сцене и начала танцевать в проходе.

— Авария-а-а! — радостно заревел зал.

Подбежал к краю сцены солист, они с Валеркой встали друг против друга, синхронно раскачиваясь и изгибаясь. Еще несколько ребят присоединились к Валерке, запрудив проход.

Милиционер подошел к офицеру, прокричал на ухо:

— Сделать замечание?

Тот, досадливо морщась, помотал головой, огляделся, отыскал глазами старшего из дружинников и чуть заметно кивнул ему.

Дружинники ринулись по проходу.

— А что? В чем дело-то?!

— Сядьте на места! По местам! А то выведем всех!

— А за что?! Хотим — и танцуем! Никому не мешаем!

— Сядь, говорю! Я тебе потолкаюсь!

— А ты кто такой вообще?!

— Я — народная дружина! А ты вот кто такой?!

— Убери щупальца, ты! — Валерка отпихнула старшего.

Группа все накручивала обороты в бешеном ритме.

— Ну, все! Если по-хорошему... Выводи их! — скумандовал старший. — Пойдем-пойдем! Там разберемся, — он схватил Валерку за локоть. Та с силой оттолкнула его, тогда он привычным движением сгреб ее за ворот.

Толкались пока еще ладонями, но драка назревала. И тут подоспела милиция. Тусовку скрутили и поволокли к выходу. Зал зашвырнул, загрохотал ногами. Музыканты внезапно сменили ритм и грянули известный всем припев:

Порядок есть порядок! Куда! Сидеть!

Молчать! Не хлопать! Не плясать! Не петь!

Милиционер — в рок-клубе!

Милиционер — в рок-клубе!

Милиционер — в рок-клубе!

— Ми! ли! ци! о! нер!!! — подхватил зал в полторы тысячи голос.

Дружинники и милиция протащили компанию через пустой вестибюль и стали рассаживать по дежурным машинам.

Стоявшие у входа «квадратные» парни с одинаково невыразительными лицами спокойно наблюдали за суетой.

Старлей-гаишник оставил патрульный «Москвич» у входа в отделение милиции, вошел и наклонился к окошечку дежурного.

— Вызывали?

Дежурный удивленно глянул на его погоны.

— Не понял...

— Дочь моя у вас?

— Фамилия?

— Николаев.

— Да нет, дочери.

— Ну, Николаева. Валерия.

— А-а, — усмехнулся дежурный. — Заходите, товарищ старший лейтенант, — он нажал кнопку на пульте, обитая жестью дверь со щелчком открылась.

Валерка, еще одна девчонка и четверо ребят сидели на жесткой скамье. Капитан с университетским ромбиком на кителе писал, склонившись над столом.

— Николаевой отец, — объявил дежурный из-за стеклянной перегородки.

— А-а, — капитан иронически оглядел здорового, с бычьей шеей и красным обветренным лицом, гаишника. — Вот, старлей, протокол пишу.

— Пишите-пишите! — воинственно сказала Валерка. — Мы тоже напишем. Незаконное задержание.

— Грамотная, — кивнул на нее капитан. — Все грамотные стали, не тронь...

— А что! Какие у вас инструкции были? — крикнула Валерка.

— У нас одна инструкция — охрана порядка!

— А мы что, нарушали? — тотчас наперебой закричали тусовщики. — Мы никому не мешали! Не имеете права! Хотим — танцуем!

— А вы задержаны не за танцы, — оборвал капитан. — А за сопротивление дружинникам.

— Мы, что ли, начали?

— Вы обязаны были подчиниться требованию выйти, а там уж, если хотите, обжаловать... В общем так, старлей, оформляем привод и передаем документы в детскую комнату, — капитан взял бланк протокола и ушел в соседнюю комнату.

Николаев, играя желваками, глянул на Валерку и двинулся за капитаном.

— Это... можно без протокола?.. На первый раз? — глядя в сторону, попросил он. — Что уж такого случилось? У вас тоже, наверное, дети...

— Мой сын в математической школе учится, — резко обернулся капитан. — Дома по вечерам, с учебниками. На улицу не выгонись — вот этих, — мотнул головой в сторону дежурки, — боится... Воспитывать надо, старлей! Воспитывать! А то они уже вот здесь сидят! — он ожесточенно постучал себя по щеке и снова склонился над какими-то бумагами.

Николаев молча смотрел на его аккуратно подстриженный затылок с примятыми фуражкой волосами.

— Ладно, — не оборачиваясь, сказал капитан. — Забирай свою.

Николаев вышел в дежурку, кивнул дочери: — Пошли.

— Не пойду! Пока всех не выпустят!

Николаев схватил ее за руку, выволок из отделения, толкнул с крыльца и замахнулся.

Валерка, вытянувшись, опустив напряженные руки, с такой ненавистью смотрела ему в глаза, что Николаев замер с поднятой ладонью.

— Ну? — сквозь зубы сказала она. — Только ударь...

— Садись, — Николаев подтолкнул ее к машине.

Сел за руль, со скрежетом врубил заедающую передачу. Когда отъехали от отделения, мрачно сказал:

— Дома будешь сидеть. Из школы — домой. Хватит мне позориться.

На следующий день Николаев был свободен. Он загодя подъехал к школе и стал ждать, облокотившись на крышу своего потрепанного «Жигуленка».

Вскоре появилась Валерка с одноклассниками. Они потусовались у крыльца, ребята закурили прямо под школьными окнами. Мимо прошел учитель, с ним попрощались, не вынимая сигарет изо рта.

Николаев покачал головой — в его время курили в дальнем углу школьного двора, выставляя кого-нибудь на стрему.

Валерка заметила отца, зло сжала губы и отвернулась. Стрельнула у ребят сигарету и картинно прикурила. Курить она явно не

умела, набирала дыму в рот и выпускала тонкой струйкой, вдохнула и закашлялась.

Николаев невольно улыбнулся.

Компания двинулась через улицу к метро. Валерка помахала и пошла по тротуару.

— Садись, — кивнул Николаев, когда дочь поравнялась с ним.

Валерка, не удостоив его взглядом, прошла мимо.

Николаев на первой скорости покатил за дочерью. Она оглянулась и преувеличенно радостно бросилась навстречу двум подружкам. Появился журнал мод, началось обсуждение последних новостей. Валерка через плечо ехидно смотрела на отца. Тот терпеливо ждал.

Наконец разговор Валерке наскучил, и она двинулась дальше.

Дочь шагала по тротуару, короткая голубая юбка раскачивалась в такт шагам. Николаев заметил, что многие мужчины обращают на нее внимание, кое-кто оборачивается, поглядывает на ноги. Он занервничал. А Валерка спокойно шла впереди, придерживая у бедра сумку. И вдруг сорвалась с места, метнулась за угол.

Николаев среагировал с опозданием, и машину занесло на повороте. Поперечная улица была пуста, Валерка за углом невозмутимо подтягивала гольфы. Выпрямилась, прикусив губу, чтобы удержать злорадную ухмылку, и, как ни в чем не бывало, направилась к дому.

Мать открыла дверь и подозрительно повела носом.

— А ну, погоди... — она придвинулась вплотную к дочери. — Ты что, куришь?

— Нет, только пью и колюсь, — спокойно ответила Валерка и скрылась в своей комнате.

— Как ты со мной разговариваешь?!

— Ну что ты с порога начинаешь? — негромко сказал Николаев. — Дверь не успела открыться...

Обедали все вместе, что случалось редко. Мать сновала между столом и плитой, дед вдумчиво ел суп, Валерка скучно жевала бутерброд, глядя в окно. Николаев искося поглядывал на нее.

— Как в школе? — наконец спросил он.

— Чего это ты вдруг заинтересовался?

— Ну... интересно все-таки, как учится моя дочь.

— Нормально.

За столом стало тихо. Дед расправился с супом и аккуратно положил ложку на кусочек хлеба.

— Заказы завтра дают, — сообщил он.

— Для участников Куликовской битвы, — встала Валерка.

— Помолчи, — прикрикнула мать. — А что будет?

— Сервелат обещали и гречку. Ну, и как обычно...

— Слышь, дед, — сказала Валерка, — для ветеранов новые льготы ввели.

— Какие?

— Вам теперь можно улицу переходить на красный свет и заплывать за буйки,— Валерка заржала.

— Ты замолчишь или нет! — крикнула мать.

— Спасибо! Спасибо! — закивал дед. — Чему вас только в школе учат? Смешно, да? Ну, посмейся.

— А кстати,— мирно сказал Николаев,— что проходите?

— Всего понемножку.

— Ну, например? — все пытался завязать разговор Николаев.

— Например?... — Валерка подняла глаза к потолку.— Ну, например, знаешь первый признак беременности?

— Н-нет... — неуверенно сказал Николаев.

— Это когда в школу не хочется.

Мать поперхнулась чаем. Опешивший Николаев невольно глянул на живот дочери. Валерка невозмутимо собирала хлебом подливу с тарелки.

После обеда она проямлила что-то вроде «спасибо» и исчезла в своей комнате, забрав с собой телефон. Николаев видел дочь редко — когда заставал ее дома после школы или поздно вечером, когда она возвращалась с тусовки. В эти нечестные моменты она сидела у себя с учебниками или валялась на диване с наушниками на голове и, если ее не трогали, могла за день не произнести ни слова.

После «Времени» начался какой-то концерт. Валерка в коротком халате уселась в проходной комнате перед телевизором, привычно подтянув одно колено к груди, молотила зубами жвачку, пускала пузыри и отбивала ладонями по стулу и пяткой по полу бешеный ритм.

— Одерни, заголилась! — сказала мать, пробегая через комнату.

— А чего? — Валерка задрала халат и оглядела узкие трусики.— Индия. Красивые.

— Эх, бесстыжая,— мать укоризненно покачала головой.— И в школе так же?

— Ага.

Через минуту мать снова заглянула в комнату.

— Да сделай ты тише!

Валерка никак не отреагировала.

Мать снова распахнула дверь:

— Я к кому обращаюсь? К стене?! — вошла к телевизору, приглушила звук.

Валерка дождалась, пока она выйдет; не вставая, дотянулась до телевизора и снова врубила на полную громкость.

— Нет, я так больше не могу! Она специально! Алексей!.. — мать побежала жаловаться отцу.

Николаев решительно вошел в комнату. Валерка скосила глаза, настороженно следя за ним. Отец направился было к телевизору, потом вдруг взял стул — и сел рядом с дочерью, скрестив руки на груди.

— Это какой ансамбль? — спросил он.

— Группа,— поправила Валерка.

— Что за группа?

— «Ария».

На экране уже далеко не юные мужики с растрепанными волосьями скакали по сцене.

Николаев усмехнулся:

— Нравится?

— Угу! — утвердительно кивнула Валерка, не отрываясь от экрана.

Николаев начал раздражаться, засопел, ерзая на стуле.

— Дебильство какое-то! — наконец не выдержал он.— Я не пойму — тебе это действительно нравится или придуриваешься?

— Мне нравится все, что не нравится вам,— спокойно ответила Валерка.— А что вас злит — так это я вообще ташусь!

— Что за выражение! — сорвался Николаев.

— Ха-а! — Валерка аж подскочила от удовольствия.— Я ташусь!

— Валерия!

Дрянная девчонка, кривляясь и пританцовывая, направилась в свою комнату, громко распевая на мотив классического рока:

В детском саде малыши

Накурились анаши —

Тащимся! Тащимся!

Тащимся! Тащимся!

Николаев бросился за ней, но Валерка юркнула к себе и подперла дверь креслом.

Историчка с пучком седых волос на затылке рассказывала о наступлении Антанты, водя указкой по стрелам на карте. Валерка, развалившись, сидела за последним столом. Ее соседка Лена, милая, курносая, с высокой кружевной стойкой на блузе, внимательно слушала — она шла на золотую медаль и до дурноты, до головных болей и бессонницы боялась грядущих экзаменов.

— Слышь, Авария,— прошептал с соседнего ряда Киселев,— правда, «Проходной двор» в МАДИ выступает?

Валерка кивнула.

— Во сколько?

— В семь.

— Ты пойдешь?

— Если черепа из дома выпустят.

Историчка глянула на них, но сделать замечание не решилась.

— Валер,— чуть слышно прошептала Лена, не поворачивая головы,— она на тебя смотрит...

— Ну и что? — громко спросила Валерка. Лена испуганно сжалась.

— Необыкновенно хочется мороженого,— сказал Кирилл, сосед Киселева.— К чему бы это вдруг?

— К смерти,— откликнулся с другого ряда Пухлый.

— А правда, сейчас бы граммчиков двести...

— Полкило.

— Кто больше?

— Во сколько перерыв в стекляшке? — спросила Валерка.

— В час.
Валерка глянула на часы и встала.
— Вера Николаевна! — прервала она историчку. — Можно вопрос?
— Вопросы в конце урока.
— Нет, серьезный вопрос: вы одобряете политику партии?
— В каком смысле? — напряглась историчка.
— Ну вот вам нравится то, что происходит? Ну, гласность, правду в газетах пишут...
— Что значит — нравится, не нравится, — строго сказала историчка. — Это курс партии.
— Да нет, я не о том. Вот вам лично все это нравится?
— А я себя не отделяю от партии.
— Интересная постановка вопроса, — поднялся Кирилл, как всегда, рисуясь, как бы нехотя, через силу роняя слова, дирижируя себе сложенными щепотью пальцами. — То есть, вы признаете, что не имеете собственного мнения о происходящих в стране событиях? То есть, являетесь слепым исполнителем чужой воли?
— Хватит демагогию разводить! — прикрикнула историчка. — Нахватались вершков и беретесь судить...
— При чем тут демагогия? — возмутился Кирилл. — Я логически развиваю вашу мысль...
— Я помню, вы нас на «Малую землю» водили в театр, — сказала Валерка. — В четвертом классе. И заставляли наизусть учить.
— А я до сих пор помню. Почитать? — радостно предложил Пухлый.
— «Гениальное, эпохальное, историческое произведение!» — подхватил Киселев.
— Тогда все учили, не только вы, — беспомощно сказала историчка.
— Дело не в этом, — сказал Кирилл. — Вчера вы говорили одно, завтра будете утверждать другое. Так почему мы сегодня должны вам верить?
— Вотум недоверия! Кто за?
Класс зашумел, тут и там поднялись руки.
— Выйдите из класса! — велела историчка.
— За что? — изумилась Валерка. — Мы что, молча должны слушать?
— Это не метод ведения дискуссии! — сказал Кирилл.
— А я с вами тут не дискутирую! — сорвалась на крик историчка. — Я урок веду! А вы мне мешаете! Выйдите отсюда!
— Ну-у, — Кирилл картинно развел руками. — Тогда извините, — он с видом оскорбленной добродетели направился к двери.
Следом потянулись остальные. За столами осталось всего человек восемь. Историчка, нервно теребя отворот платья, смотрела на уходящих.
— Кто еще? — жалко крикнула она. — Идите, идите! Я никого не держу!
В коридоре Валерка деловито выгребла из кармана мелочь:
— Давай, у кого сколько?

Гробить второй вечер подряд Валерка не собиралась. Она долго ждала, не свалит ли отец на дежурство, но черепа плотно засели на кухне.

Валерка нарядилась в комнате — густые черные тени до висков и яркие пятна румян, натянула куртку и кожаные браслеты и, придерживая цепь на шее, стала красться к двери.

— Ку-уда?! — окликнула ее мать.

— Гулять.

— Отгулялась! Садись есть!

— Не хочу.

— А то тебя спрашивают! Садись!

Валерка, насупившись, прошла на кухню и села, демонстративно брякнув цепью.

— Накрасилась, как пауаска! — мать поставила перед ней тарелку. Валерка отвернулась.

— Не сидела у воды без хлеба, — сказал дед.

— Ты сидел!

— Я сидел, — строго глянул сквозь очки дед. — И знаю, сколько кусок хлеба стоит!

— Сколько заказы твои стоят — знаешь.

— А ну цыц! — крикнула мать.

Валерка, презрительно скривившись, откинулась к стене и принялась напевать что-то забойное, отстукивая ритм.

Дед поправил очки, поднес карандаш к исписанному мелкими цифирками листочку.

— Значит, на холодильники запись с начала месяца... «Розенлев»!

— Куда нам еще один? — сказал Николаев.

— А сестре? — возразила мать. — Да и продать всегда можно. Сколько он?

— Девятьсот.

— Сестра уже год просит. Или новый себе поставим, а им этот... А со «стенкой» что слышно, пап?

— «Ольховка» была и «Спутник», — дед ткнул карандашом в другую строчку. — Там заведующая ветеранов в общую очередь рассовала. Совет будет разбираться, в исполком пойдем. А я у мебельного с мужчиной разговорился — ему стиральная машина нужна, а он может со «стенкой» помочь...

Валерка перестала стучать по столу и с интересом разглядывала цифры на листочке.

— Дед, а ты кроссы можешь достать?

— Кроссовки? Если только по случаю угадать, когда выкинут, — важно сказал дед. — Записи-то нет. Я поговорю с нашими, если кто купит...

— Дед, а ты правда в разведке служил? — перебила Валерка.

— Да. А что?

— А знаешь, дед, — Валерка хлопнула его по жидкому плечу. — Я бы с тобой в разведку не пошла. Продал бы!

— Я... я... — у того аж дыхание перехватило.

— Ты что несешь! — крикнул Николаев.

— ...Я всю войну...

— Хоть какое-то уважение ты можешь иметь?!

— ...Я своих на себе выносил.

— А что! — крикнула Валерка, вскакивая. — Куда ни глянь — стоят, орденами торгуют! Группа клевая придет — билетов не достать, герои раскупили, а потом по червонцу толкают!

— Я мои права заслужил! — дед замолотил кулаками по столу. — Я такое видел, что тебе не снилось!

— Что ты видел? Призвали — пошел! Сейчас война — наши бы пошли!

— За тебя, дрянь, воевал! Чтобы ты, дрянь, жила! И ты же мне...

— Уйди! Уйди с глаз долой! — мать выталкивала Валерку в коридор.

— Что я, сказать не могу? Да?! — заорала Валерка. — Слушай, дед! Хочешь серьезно? — переводя дыхание, сказала она. — Ты что думаешь — я дура! Не знаю ничего?..

— Уходи! — кричал дед.

— Что ты воевал — все воевали, — повысила голос Валерка, пытаясь быть услышанной. — А когда перед войной судили людей ни за что и расстреливали, мальчики с горящими глазами кричали: «Смерть бешеным собакам!..»

— Не слушаю!

— Так вот, дед, чтобы я тебя уважала, я должна знать, что это не ты кричал!

— Сопли подотри! Судья нашлась! Тогда порядок был! И работали! И войну потому выиграли! А сейчас — не дай бог...

— Да уйди ты! — кричала мать.

— Пишут, писатели! А они, — дед упер палец в Валерку, — читают!

— Пойми! — пытался перекричать деда Николаев. — Это вы сейчас все знаете, а тогда ведь не знал никто!

— Не знал?! — лихорадочно блестя глазами, крикнула Валерка. — Людей убивали — он не знал! Страну грабили — ты не знал! Некогда было — трояки на перекрестке «стрелял»?

Николаев рванулся было к ней и сдержался. Но тут взвилась мать:

— Что-о?! А ну, снимай все с себя! — она вцепилась в Валерку, пытаясь стащить с нее куртку. — Рубля не заработала! Тварь неблагодарная! Ничего твоего нет!

Валерка кинулась в комнату, выгребла из шкафа охапку тряпья и швырнула под ноги матери:

— На, подавись!

Мать, путаясь в джинсах, кофтах, лифчиках, бросилась на Валерку, но та уже распахнула дверь и вылетела из квартиры.

— Убирайся, тварь! Вон! — мать выбежала следом на лестницу и закричала в глухую темноту подъезда. — И не возвращайся! Под забором будешь ночевать!

Валерка быстро шагала по вечерней улице. Подъехал троллейбус, и она, не взглянув даже на номер, впрыгнула, прислонилась лбом к холодному стеклу, пытаясь успокоиться.

Несмотря на поздний час, троллейбус был полон. Усталые серые люди смотрели в разные стороны.

— Ваш билетик? — проталкивалась между пассажирами пожилая и тоже усталая контролерша. — Разрешите... Контроль. Приготовим билетики... Ваш билет? — повернулась она к Валерке, показывая прикрепленный к руке резинкой контролерский жетон.

Валерка не глядя сунула руку в карман и с ужасом вспомнила, что забыла проездной в школьной форме.

— В другой куртке... проездной...

— Три рубля штраф, — равнодушно сказала контролерша. — Или деньги тоже в другой куртке? На «штукатурку» хватает, а на талон пять копеек жалко! — обернулась она за поддержкой к пассажирам.

— Да что с ними говорить! В отделение ее отведи!

— В зоопарк! — подала голос тетка в больших затемненных очках.

— Как на улицу-то выходят? Сидели бы в подворотне!

Троллейбус загудел, как потревоженный улей, внезапно исчезла сонная пустота в глазах — пассажиры дружно объединились против Валерки. Она стояла, сжав кулаки.

— Нацепила металлолома — думает, дороже всех! — надрывалась тетка в очках.

— Ну, ты, очкастая! — крикнула Валерка. — Я тебя трогала?

— Хамье! На себя посмотри!

— Ну и заткни варежку!

Кто-то пробирался на заднюю площадку, чтобы помочь доставить Валерку в милицию и быть свидетелем. Контролерша цепко ухватила ее за локоть и потащила к выходу.

— Послушайте, вы! — поднялся с места молчавший до этого мужчина в кожаном плаще с «дипломатом» в руках. — Вот вам три рубля, — он протянул контролерше трояк, — и хватит здесь судилище устраивать!

— Чего это? — опешила контролерша.

— Денег много? На такси бы ездил! — перекинулся на него праведный гнев пассажиров.

— Правильно, она как раз трояк и стоит! — усмехнулась очкастая.

Валерка молча рванулась к ней, но мужчина в плаще перехватил и вытянул за собой в открывшиеся двери.

Троллейбус уехал, они остались вдвоем на пустой остановке.

— Вот так всюду! — в сердцах сказал мужчина. — У любого хоть мизерная, но власть! Хоть на пяточке, но король! Каждый лакей — диктатор! Швейцар — господь бог! — он зло усмехнулся. — И ведь что смешно — сегодня она кого-то унизит, завтра пойдет в поликлинику — там ее унизят, потом медсестра пойдет в кафе — там на нее официантка наорет, и так по кругу, до бесконечности...

Валерка стояла, опустив голову. Мужчина взглянул на нее.

— Ты куда ехала?

Валерка пожалала плечами.

— А где живешь?

Она неопределенно повела головой.

— Что, в свободном полете?

Валерка кивнула.

— А я здесь живу, — мужчина указал на соседний дом, кирпичную башню с большими окнами.

Они постояли молча, потом мужчина неуверенно предложил:

— Может, зайдешь?

Валерка безразлично пожалала плечами.

— Пойдем, — мужчина двинулся к дому. — Надо отметить маленькую победу в большой борьбе за человеческое достоинство.

— Ничо у вас хата!

— Стараюсь, — улыбнулся мужчина. Он включил стереосистему, взял наугад кассету со стеллажа, поставил какую-то джазовую инструментовку. — Располагайся, я сейчас, — и ушел в кухню.

Валерка вразвалку прошлась по огромной комнате. Хата была действительно крутая: темная, под старину, «стенка», глубокие велюровые кресла, африканские маски на стенах, видик на каталке с колесиками.

Из кухни послышался звон посуды, мягкий шлепок дверцы холодильника.

— Ты голодная? — крикнул хозяин.

— Нет.

В углу комнаты уходила вверх винтовая лестница. Валерка поднялась по ней, заглянула на второй этаж квартиры — там было темно — и скатилась по перилам.

— Кстати, как тебя зовут?

— Валера... — она разбежалась и заскользила в носках по лакированному паркету. Грохнулась и быстро вскочила, потирая ушибленный зад. — А вас?

— Андрей.

— А по отчеству? — Валерка разглядывала маски.

— Знаешь... — хозяин появился в комнате, неся вазочки с мороженым, украшенным ананасовыми компотными дольками, и тарелку с половинками персиков. — Давай попробуем обойтись без отчества.

— А сколько вам лет?

— Ну, скажем, тридцать восемь.

Валерка присвистнула.

— Как отцу... Это откуда? — указала она на маски.

Андрей оглянулся, доставая из бара рюмки и коньяк.

— В Тунисе работал...

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого
вождя.

Но ты слишком долго вдыхала тяжелый
туман

И верить не хочешь во что-нибудь, кроме
дождя.

продекламировал он. — Чье?

— Откуда я знаю, — Валерка, раскинув руки, рухнула в кресло.

— Правильно, — одобрительно сказал Андрей. — Зачем нам Гумилев на корабле современности!

— На одного из наших похож, — указала Валерка на самую страшную маску с выкаченными бельмами и квадратным ртом. — Копия!

Андрей с удовольствием захохотал. Он открыл бутылку, но Валерка тотчас отдернула свой хрустальный наперсток:

— Я не буду.

— Почему?

— А зачем?

— Действительно — зачем? — с серьезным видом задумался Андрей. — Бессмысленно. «Все пьяные поют одним голосом, и кажется, что одну и ту же песню». Или что-то в этом роде. Но, если ты не возражаешь, я все-таки немного выпью. Снимает стресс...

Валерка сидела, развалившись в кресле, подтянув колено к груди. Андрей с интересом следил за каждым ее движением и улыбался.

— Где она еще может быть? — мать швырнула трубку телефона. — Я так больше не могу... — она заплакала. — Меня на работе уважают... «Марина Михайловна, не хотите? Марина Михайловна, пожалуйста...» А прихожу домой — она смотрит, как... на убогую... Чуть тронь — «вы не то, вы не так!»..

— Наелись своей демократии? — злорадно сказал дед. — Долго еще плакать будете!

— Ты-то хоть помолчи, дед! — заорал Николаев. — Прешь со своими орденами, как на парад! Сорок лет прошло — все на долги живешь! — он с силой захлопнул дверь перед носом ошеломленного деда.

— Ну, что ты стоишь? — всхлипнула мать. — Сделай что-нибудь! Звони!

— Куда?!

— Не знаю! В милицию! Куда-нибудь! Куда эта дрянь могла пойти?

— Пора сваливать? — спросила Валерка. Она, опершись на подоконник, смотрела на улицу — там шел дождь, внизу, у подъезда, лоснились мокрые спины машин. — Вам, наверное, спать надо.

— Знаешь, давай попробуем на «ты», — сказал Андрей.

— Давайте, — пожалала плечами Валерка. Андрей обнял ее сзади, Валерка повернулась и с готовностью подставила губы.

Они долго целовались у окна. Потом Андрей осторожно взялся за пуговицу у нее на рубашке. Валерка перехватила его руку и освободилась.

— Я сама... А то несправедливо: любой готов раздеть, а одевать никто не хочет, — беспечно подошла к дивану, деловито спросила. — Это здесь будет? — упала на диван, попрыгала и решила. — Ничего, выдержит... Я сейчас, — и вразвалочку направилась в ванную.

В ванной она торопливо заперла дверь

и усталилась в зеркало круглыми испуганными глазами. Села на край ванны, затравленно оглянулась, будто ища, в какую щель забиться. Руки предательски дрожали. Она прикусила палец и сдвинула зубами, пока не выступила кровь.

Посидела еще, разглядывая чужие халаты, косметичку, разбросанные термобигуди, три пары вьетнамок на полу. Обреченно поднялась, сняла цепь, плеснула в лицо воды. Потом глубоко вдохнула и сжала зубы. Медленно подняла голову и надменно посмотрела в зеркало. С тем же каменным лицом, покручивая цепь на руке, вошла в комнату.

Диван был застелен, Андрей лежал под одеялом у стены.

— А вот и я! — торжественно объявила Валерка. Двумя пальцами подняла цепь над головой и с грохотом уронила ее на пол...

Андрей включил лампу над диваном, отогнул край одеяла.

— Постираешь, не треснешь, — не оборачиваясь, сказала Валерка. Она лежала с краю, подперев голову ладонью, другой рукой перебирала звенья цепи на полу, как четки.

— Ты... в первый раз? — растерянно спросил Андрей.

— А что?

— Честно говоря, несколько неожиданно.

— Просто решила расстаться с невинностью. Тут ты подвернулся... Ты что думаешь — это ты меня снял? Ха!.. Это я тебя подцепила.

— В мое время это происходило немножко иначе... Слушай, — с интересом спросил Андрей. — Вы все сейчас такие? Или ты одна в своем роде?

— Это твоя жена? — Валерка указала на фотографию женщины на журнальном столике.

— Да.

— А где она?

— В Риге, в командировке.

— Красивая... — задумчиво сказала Валерка. — Она сейчас тоже с кем-нибудь?

— Знаешь что, — Андрей положил фотографию лицом вниз, — я очень хорошо к ней отношусь, так что давай не будем о ней говорить.

— А дети у тебя есть?

— Сын.

— Сколько лет?

— Пятнадцать.

— Слу-ушай! — обрадовалась Валерка. — Давай, я с ним тоже... Представляешь — семейная любовница!

— Слу-ушай! — в тон ей ответил Андрей. — У тебя хоть что-нибудь святое есть?

— Не-а! — Валерка радостно помотала головой. Отыскала в складках одеяла трусики, закинула их на плечо и, шлепая босыми ногами, отправилась в ванную.

Лена в школьной юбке и накинутом сверху домашнем халате открыла дверь.

— Привет-ет.

— Черепа дома? — хмуро спросила Валерка. — Я пересажу у тебя до шести? — не дожидаясь ответа, протопала в кроссовках по богатому ковру.

Днем у Андрея была запись какой-то дурацкой передачи на телевидении, вечером лекция в университете. Болтаться по городу на ватных ногах не было сил, а стопроцентно застать дома в это время можно было только Ленку.

— Ты что, из дома ушла, да? — Лена испуганно смотрела на нее. — Твои ночью звонили. Мать мне потом два часа мораль толкала... Ирка звонили, Светке, всем девчонкам... Ты где была?

— У мужика, — коротко ответила Валерка. Она сосредоточенно смотрела в окно, щуря запавшие от бессонной ночи глаза, ожесточенно грызла заусенец на пальце.

— Ты что?.. — Лена, недоверчиво улыбаясь, заглянула ей в лицо. — Правда?

Валерка чуть заметно кивнула, думая о своем.

— И что? И?..

Валерка снова кивнула. Лена охнула и привалилась спиной к стене, со священным ужасом глядя на нее.

— Ты обалдела, да? А кто?

— Преподает в универе.

— А сколько лет?

— Тридцать восемь.

— Совсем обалдела!

— Ты понимаешь, — по-прежнему глядя в окно, быстро, сосредоточенно заговорила Валерка. — С детского сада твердили: нельзя! не смей! — сколько себя помню. Вот провели черту — досюда все, что хочешь, а дальше нельзя, там другая жизнь... А за чертой нет ни черта! Да и черты никакой нет. Фуфло все это!.. У тебя пожрать есть?

— Ага. Сейчас, — Лена помчалась на кухню. Включила плиту, поставила чайник, засуетилась вокруг стола. — Валер, а ты расскажешь? Ладно?.. Все-таки страшно, наверное, да?.. Я, наверное, не смогу. Как представлю... А очень больно? Да? Я боюсь — ужасно!.. А девчонка из восьмого говорила, что кошмарно больно... А вы где познакомились?.. А, Валер?.. Валера, — она заглянула в комнату.

Валерка спала в кресле, свернувшись, как шенок.

Николаев медленно ехал по Калининскому, поглядывая в обе стороны на тротуары. Разноголосе бубнил радиотелефон — сообщали об угонах.

Люди спешили с работы по магазинам, из магазинов — домой, к кухонным плитам, стиральным машинам и телевизорам. За мельканием множества рук, ног, детских колясок, хозяйственных сумок, «дипломатов», пакетов, авосек видны были сидящие на ступеньках, на турникетах, привалившиеся к стенам пестрые тусовки. Гуляли девочки в коротких юбках и ажурных черных чулках. Начиналась вечерняя центровая жизнь.

Сержант Синицын с разделительной полосы помахал Николаеву жезлом, переждал поток машин, подошел и облокотился на крышу «Москвича».

— Огня дай, — в зубах у него была зажата «беломорина».

Николаев утопил кнопку прикуривателя.

— На площади дипломат «чайника» боднул, — скучно сообщил Синицын.

— Знаю... Что-то рано они сегодня, — кивнул на дефилирующих по краю тротуара девиц.

— Пятница, — пояснил Синицын.

Девицы, заметив, что на них смотрят, обернулись. Синицын помахал им рукой в кожаной краге:

— Что, девочки, не клюет?

Девицы смерили его презрительным взглядом и отвернулись.

— Дешевка... — зло процедил Николаев.

— Ха... Они за ночь зарабатывают, как ты за месяц... Проташить бы раз рожей по асфальту... Не вернулась?

Николаев отрицательно покачал головой. По радиотелефону патрульная машина с соседнего бульвара запрашивала помощь.

— В розыск подал?

— Да нет...

— Вернется, куда денется, — успокоил Синицын.

Издавка, с бульвара, донесся автомобильный гудок, потом второй, третий, вскоре сигнажили уже несколько десятков машин.

— Поехали, — Николаев завел мотор. — Посмотрим...

На бульваре было столпотворение. Милиционеры тащили в свою машину упиравшихся хиппарей. Те, кого уже затолкнули, лезли обратно, остальные, человек тридцать, парни и девчонки в одинаковых, вытертых добела джинсах, с повязками на лбу, с длинными патлами или тонкими косичками, висли на руках у милиционеров, совали документы. Прохожие запрудили тротуар, со стороны бульвара кричали что-то пенсионеры с собаками всех мастей на поводках, собаки лаяли и рвали поводки, инвалид с орденскими планками размахивал тростью, пытаясь достать кого-нибудь из хиппарей. Движение остановилось: пробка метров на сто, автомобиль гудели, кое-кто из водителей помогал взмокшим, озлобленным милиционерам.

Породистый мраморный дог вдруг вырвал поводок из рук хозяйки и бросился на длинного тощего хиппаря с гитарой за плечом. Тот покатился по асфальту, давя гитару. Николаев перехватил поводок, оттащил собаку, поднял парня и повел к патрульной машине. Синицын, выкрутив руку, волок бело-волосую растрепанную девчонку. Около машины стояла компания «квадратных» ребят и внимательно наблюдала за происходящим.

Завыла сирена, толпа зрителей расступилась, подъехали еще два желтых «УАЗа», милиционеры бросились на помощь своим.

Первая машина, набитая хиппарями, тронулась было с места, но кто-то из длинноволосых лег у нее на пути, тут же остальные стали ложиться рядом, сцепившись локтями. Милиционеры принялись растаскивать цепочку.

— Эй, помочь? — окликнула их «квадратная» компания.

Николаев с трудом оторвал от цепочки крайнего хиппаря, тот подогнул ноги, Николаев встряхнул его, пытаясь поставить, но парень висел у него на руках, как мешок. Николаев бросил его на асфальт, не помня себя от ярости, ударил ладонью по лицу. Как по команде, «квадратные» сорвались с места и принялись лупить, пинать тяжелыми ботинками лежавших. Хиппари не сопротивлялись, только прикрывались руками. Синицын отталкивал «квадратных», те с чугунными лицами лезли в гущу.

Подъехал автобус с курсантами, часть курсантов присоединилась к милиционерам, другие быстро, профессионально оттеснили толпу и оцепили место происшествия. «Квадратные» оказались за оцеплением и растворились в толпе.

Хиппарей увезли. Рванулся по бульвару поток машин.

— С чего началось? — спросил Николаев пробегавшего мимо милиционера.

— Разберемся, — буркнул тот, вытирая красное, потное лицо.

Раскаленный Николаев ввалился в «Москвич», Синицын сел рядом, вытащил пачку «Беломора».

— Дай, — Николаев жадно затянулся и зашуровал ключом в замке зажигания. — Нет, ты видел? В глаза смотрит и смеется!.. Давить надо было! Одного задавишь — остальные не полезут, — он завел наконец мотор, ударил по кнопке прикуривателя и погрозил пудовым кулаком вслед автобусу. — Я тебе посмеюсь, гнида волосатая!

Валерка с трудом разобралась в расписании, разыскала в километровых коридорах гуманитарного корпуса нужную аудиторию и уселась в верхнем ряду. Она, как могла, упорядочила свои желтые лохмы и спрятала в карман цепь, но все равно выглядела среди жеманных филфаковских девиц очень странно. Девы иронически поглядывали на нее и перешептывались. Валерка отвечала надменным взглядом.

Андрей с порога заметил ее и чуть заметно заговорщически улыбнулся. Он стоял за кафедрой в расстегнутом пиджаке, небрежно облокотившись одной рукой.

— ...И вот собирались они в своей башне из слоновой кости, в своем фарфоровом павильоне. Над миром. Над мором. Над голодом и нищетой. Круг избранных. Хранители священного огня. Морковный чай — и свечи в канделябрах. А вокруг — тьма, непонятная, окровавленная, бушующая Россия. И каждую минуту могут постучать в дверь. Но пока...

Лекция была о поэтах-акмеистах. Половину имен, как и само слово «акмеизм», Валерка не знала, но внимательно слушала, стараясь не пропустить ни слова, настроенно, недоверчиво глядя на Андрея.

После лекции дождалась его у выхода из корпуса и двинулась параллельно по другой стороне аллеи. Он улыбался, искоса поглядывая на нее, кивал знакомым студентам. Его догнали две рослые холеные девицы. Остановился, стал разговаривать, привычно кокетничая. Валерка постояла немного, потом пошла дальше. Андрей тотчас торопливо распрощался с девицами; в конце аллеи, оглянувшись, подбежал:

— Привет. Ты как меня нашла?

— Сам же сказал.

— А-а, да... Ну, как, понравилось?

— Ничего... Ты на кота похож. «Ваши незасеянные, но уже изрядно унавоженные души...» — передразнила Валерка, томно поводя плечами.

Андрей засмеялся.

— Домой не вернулась?

— Нет.

— Ты понимаешь, какая незадача... Утром жена приезжает. У нее потрясающая интуиция...

— А что, до утра не успеем? — перебила Валерка, деловито глянув на часы.

— Слушай! — в восторге сказал Андрей. —

Отчего ты такая бесстыжая?

Валерка пожалала плечами:

— Если тебе так больше нравится — можешь пригласить меня на чашечку кофе. Я немножко поломаюсь и соглашусь.

Николаев разбирался с аварией — на узкой улице отъезжавший от тротуара старый ижевский «Москвич» царпанул шедшую мимо «семерку». Царапина была пустяковая, но хозяин «семерки», двадцатилетний парень в модной куртке под цвет машины, чуть ли не с кулаками насадил на пожилого мужчину, водителя «Москвича». Тот подавленно молчал. Николаев, разложив бумаги и документы на капоте «семерки», составлял протокол.

— Спокойнее, товарищ водитель, — сказал Николаев. Ему был неприятен этот самоуверенный, пористый сопляк, получивший дорогую игрушку на фарцовые доходы или в подарок от папы, но, как ни крути, он был прав, а «Москвич» виноват, и Николаев быстро заполнял бланк протокола, торопясь развязаться с микроскопическим будничным происшествием. Сзади взвизгнули шины: под арку ближнего дома сворачивал желтый синий милицкий «рафик».

— Ну надо же!.. — парень, болезненно морщась, провел пальцем по царапине на своей «семерке». — Всю дверь красить!

— Я заплачу, — тихо сказал мужчина.

— А куда ты денешься! Заплатит он! Червонцем я твоим залеплю? Очередь на полгода!

— Распишитесь, — подвинул Николаев

протокол мужчине. — За правами в отдел разбора, с квитанцией.

Тот кивнул и пошел к своей машине.

— Ездить научись! — крикнул ему вслед парень. — Вот «чайник»!.. — обратился он к Николаеву.

— До свидания, — Николаев козырнул и направился к патрульному «Москвичу».

Под аркой дома, около «рафика», уже толпились люди. Пожилая женщина в синем халате под курткой, видимо, дворник или уборщица, всхлипывала, закрывая лицо одной рукой, другой держась за сердце:

— Я смотрю — дверь-то не закрыта... Я вошла... свет зажгла... Господи, что же это такое... Господи... дверь-то не закрыта, я и вошла... Прямо об нее споткнулась...

Николаев прислушался.

— Скольких их там?

— Пятеро.

— Свет-то зажгла... и с места не могу...

— Как же родителям, не представляю...

— И девочка с ними.

— Девочка прямо у входа...

Николаев почувствовал, что сердце проваливается в холодную пустоту. Он медленно прошел между людей, ему показалось, что все сочувственно замолкли.

— Товарищ старший лейтенант, нельзя, там группа работает... — сказал старшина.

— Сейчас... — Николаев вбежал в подъезд.

Внизу, в подвале, горел свет, по лестнице поднимался, придерживаясь рукой за стену, бледный мужчина — видимо, понятой.

Николаев сбегал по ступенькам и шагнул в открытую дверь подвала.

Вдоль стены сидели, расставив ноги, привалившись спинами к сырým трубам, подростки с полиэтиленовыми мешками на головах. Лица неясно просвечивали сквозь мутную пленку. Ближе к выходу лежал, повалившись на бок, еще один труп — судя по маленьким бугоркам грудей под свитером, девчонка, в кожаной куртке и джинсах. На грязном полу валялся пестрый баллон какой-то аэрозоли.

Среди неподвижных, окоченевших тел осторожно, чтобы не наступить, ходил со вспышкой фотограф, снимал в упор. Судмедэксперт и следователь вполголоса переговаривались, поодаль замер, глядя в стену, второй понятой.

Судмедэксперт подошел к телу девчонки, наклонился...

— В чем дело? — обернулся к Николаеву следователь.

Тот отступил к двери, вытягивая шею. Вот судмедэксперт стаскивает пакет с головы девчонки...

— Не мешайте, старлей, — сказал следователь.

Это была не Валерия. Абсолютно незнакомая некрасивая конопатая девчонка лет четырнадцати.

Николаев повернулся и, тяжело шагая по ступенькам, вышел на свет.

— Вообще бьет по нервам, — понимающе сказал старшина.

— Закурить есть? — хрипло спросил Николаев.

Старшина чиркнул зажигалкой.

— Насмотрелись мультиков.

— Что?

— Ну, это у них называется — «мультики смотреть». Цветные галлюцинации. Я все думаю — может, нарочно?

— Что?

— Ну, не снял... Ну, один же кто-то должен остаться, чтобы пакеты снять, когда надыхатся. А я вот думаю — может, он нарочно сбежал? Может, отомстить кому-то из них хотел...

Николаев сел в машину, завел мотор и откинулся на сиденье, докуривая, приходя в себя. Он видел много аварий, видел легковушки, скомканные, как лист бумаги, и сочащуюся из-под дверцы кровь, помогал собрать на расстеленный брезент то, что осталось от человека после лобового столкновения. Но когда врач стаскивал пакет с головы конопатой девчонки, он впервые понял, как люди падают в обморок. Когда пакет сполз, в ушах у девчонки качнулись дешевые металлические серьги. Кажется, у Валерки такие же.

Николаев выплюнул сигарету в окно и врубил скорость. До конца дежурства оставалось два часа.

Вечером, наскоро переодевшись, он прочесывал на своем «Жигуленке» улицы вокруг Калининского. Понимал, что невозможно в этом громадном муравейнике найти одного маленького человечка, и все же упрямо кружил по узким улицам, приглядываясь к тусовкам.

В большой компании на ступеньках старого дома ему показался знакомым один из ребят. Николаев вышел из машины, тронул его за плечо:

— Простите, вы Валеру Николаеву знаете?

Все сразу замолчали.

— Валерка Николаева?

— Это Авария, что ли?

— Вы ее давно видели? — оживился Николаев.

— А зачем она тебе?

— А я его уже видела, — вдруг сказала одна девица, указывая сигаретой на Николаева. — Только он в погонах был.

— А ты кто вообще? — спросил первый парень.

Николаев замешкался.

— Знакомый...

— А-а... Так идем к Серому или не идем к Серому? — отвернулся парень.

— Пойдем, правда...

— Да ну, к черту на рога тащиться, — капризно заныла девица.

— Пойдем, — ее под руки подняли со ступеньки.

— Я же по-человечески спрашиваю, — сдерживаясь, сказал Николаев.

Но компания уже поднялась и, обходя его, как нечто неодушевленное, столб или урну, направились к метро...

Николаев вывернул на проспект, тоскливо глянул на уходящие в перспективу людные тротуары, залитые густым желтым светом фонарей. И вдруг увидел Валерку — не увидел даже, а угадал ее в темной фигурке с краю компании «металлистов», подвалившей к подземному переходу. Затормозил, бросился было навстречу, но тут же остановился. Валерка подняла голову, тоже встала, рванулась бежать, но, заметив, что отец не двигается с места, замерла вполборота, напряженно следя за ним. Компания, оживленно переговариваясь, спустилась в переход.

Он сделал шаг вперед, дочь отступила, сохраняя дистанцию.

— Чего надо?

— Да не бойся, я поговорить только, — Николаев снова шагнул к ней, Валерка отскочила и стала по другую сторону перехода. — Правда, поговорить...

— Я и отсюда слышу.

Их разделял глубокий тусклый провал перехода.

— Это... Ты возвращайся сегодня, хватит... — сказал Николаев. — Из школы уже звонили... Собрание завтра...

— Я после собрания приду.

— Да не бойся, я мать не пушу. Сам пойду... Правда, возвращайся, хватит уже... Когда хочешь, хоть в двенадцать. Ничего не будет, я обещаю...

— Ты чего застряла? — крикнул снизу кто-то из компании.

— Сейчас!.. Ладно, посмотрим, — ворчливо ответила Валерка.

Николаев кивнул и пошел к машине.

Собрание было общим. Само собой получилось, что расселись стенка на стенку: родители слева, ученики справа, у окна. За учительским столом сидели директор школы, подтянутый мужчина лет сорока, и совсем молоденькая классная.

За последние пять лет Николаев впервые был на собрании. Он искоса разглядывал родителей: почти все старше его, солидные люди в выходных костюмах.

— Я в школе семнадцать лет, — говорил директор, — но такого, извините, не припомню. Просто театр военных действий. А я, как начальник штаба, каждый день получаю сводки: срыв урока, бойкот учителя, демонстрация последних мод сезона... Мы вынуждены были сменить классного руководителя. Нина Сергеевна, — он кивнул на классную, — в школе первый год, сразу после института, почти ровесница, то же поколение. Нет, оказывается, молодой классный руководитель их тоже не устраивает. Им вообще никакого не надо...

Нина Сергеевна заметно нервничала, беспомощно поглядывала то на учеников, то на директора.

— И, конечно, не могу обойти вниманием, не представить зачинщика всех беспоряд-

ков, так сказать, лидера оппозиции, — директор иронически-торжественно протянул руку. — Валерия Николаева, Советский Союз!

Киселев исполнил на губах туш. Пухлый поднял Валеркину руку. Она с достоинством раскланялась на три стороны.

— Кстати, есть родители?

— Я, — обреченно поднялся Николаев.

— Садитесь, — усмехнулся директор. —

Раньше супруга ваша ходила?

— Вот... теперь я...

— Вам, наверное, небезынтересно будет узнать...

— Алексей Николаевич, — подсказала классная, заглянув в журнал.

— ...Алексей Николаевич, что ваша дочь с начала полугодия пропустила без уважительных причин четырнадцать...

— Шестнадцать, — подсказала классная.

— ...уже шестнадцать учебных дней! Вы в курсе?

Николаев, красный, как рак, кивнул было, глядя в стол, потом отрицательно помотал головой.

— В Соединенных Штатах родители прогульщиков платят крупные штрафы. А недавно мужа и жену посадили в тюрьму за прогулы дочери. Неплохо бы перенять опыт, как вы думаете?

Николаев ерзал на стуле, ощущая на себе взгляды родителей. Неловко вытер пот со лба, глянул на дочь — Валерка, свободно откинувшись на спинку, невозмутимо, даже с интересом слушала директора.

— Но когда ее нет, по крайней мере, в классе спокойно. А во время своих нечастых визитов к нам она беспрерывно провоцирует конфликты. А учителя, между прочим, не роботы. И когда их методично, день за днем, доводят — они срываются... Поведение вашей дочери не просто вызывающее — хамское! Никаких авторитетов, никаких возрастных барьеров! Учительницу истории она недавно назвала «старой дурой»...

— А ее трогает мой хаер? — надменно спросила Валерка.

— Хаер — перевозку для непосвященных — это прическа. Твой хаер никого не трогает! Просто есть элементарные нормы человеческого общения! Если ты оскорбишь кого-то на улице, человек может вызвать милицию. Только учителя у нас беззащитны...

— А товарищ Николаев сам в милиции работает, — сказала классная.

Николаев даже зажмурился от жгучего стыда.

— Вот как?.. Так что давайте вместе решать, как нам жить дальше. Как нам всем мирно сосуществовать, не прибегая к крайним административным мерам, — закончил директор.

— Хватит нас пугать, — сказал Кирилл. — Мы давно предлагали собраться и все решить.

— Ты встань.

— Я встану, — Кирилл нехотя, вальяжно поднялся.

Мужчина с красными усталыми глазами, сидевший рядом с Николаевым, тревожно глянул на сына.

— Дело не в волосах, — продолжал Кирилл. — Не надо нас упрощать. И не надо путать следствия с причинами. Дело в том, что нас многое в школе не устраивает...

— Например?

— Например, некоторые учителя...

— И что ты предлагаешь?

— Я попросил бы меня не перебивать, — раздельно сказал Кирилл. — Я сам скажу все, что найду нужным. Мы предлагаем ввести в старших классах полное самоуправление учебным процессом...

— Какое самоуправление? — вскопчила вдруг классная. — Вы безжалостные! Безжалостные! Как вы можете управлять?!

— Это эмоции, — поморщился Кирилл. — Некоторые учителя начали преподавать еще в период культа личности, благополучно работали во времена Хрущева и Брежнева. Вы считаете, эти люди способны проводить перестройку в школе?

— Рабочие директоров выбирают, — крикнул Киселев, — а мы нормальных учителей выбрать не можем?!

Родители зашумели.

— Может, и родителей будете выбирать? — ехидно спросил отец Киселева.

— А неплохо бы, — буркнул тот.

Николаев оглянулся на мрачного Киселева-старшего и почувствовал некоторое облегчение — он был не одинок в родительском лагере.

— Выбирать! Додумались!

— Доучитесь сначала!

— Воспитателей в детском саду тоже выбирать будут?

— Общее собрание младшей группы!

— А почему кто-то, — повысил голос Кирилл, — вы или они, — он указал на учителей, — должен решать за нас, как нам жить, что нам делать, о чем нам думать?

— Да потому, что мы прожили больше! — крикнул Киселев-старший. — И видели больше, и опыт, слава богу, какой-то имеем...

— Видите ли, — раздельно сказал Кирилл, поднимая пальцы щепотью. — Дело в том...

— Извини, прерву, — поднялся сосед Николаева. — Я должен сказать, что я с этим демагогом дома не справляюсь, — кивнул он на сына. — У меня восемь операций в день, я газету прочитать не могу потом — строчки прыгают... Извините, — он виновато развел руками и сел.

— Я могу продолжать? — спросил Кирилл. — Спасибо... Так вот, дело в том, что ваш опыт относится к другому историческому периоду. Если бы мы жили двадцать лет назад — мы бы, безусловно, воспользовались вашими советами...

Родительская половина класса взорвалась, заговорили все разом. Николаев растерянно смотрел на дочь, на ее одноклассников, на иронически улыбающегося директора, на бушующих родителей...

Вдвоем с Валеркой они шли домой по тихой вечерней улице. От земли тянуло холодом, бурно начавшаяся весна вдруг замедлила ход, деревья до сих пор стояли без листвы. Колесо времен года будто бы замерло на критической точке, решая, куда дальше — к лету или назад, к снегам.

Дочь невозмутимо шагала рядом, сунув руки в карманы куртки. Николаев понимал, что надо как-то реагировать на услышанное сегодня в классе, ругаться, воспитывать, но боялся порвать тонкую ниточку, связавшую его с дочерью. Они вышли из класса, как два заговорщика — все должно было остаться тайной для матери.

— А что, историчка действительно дура? — на всякий случай спросил он.

— Да нет, — пожалла плечами Валерка. — Просто реликт брежневской эпохи.

— Вот как... — растерялся Николаев. — Все равно, зачем обзывать?.. А этот длинный — неглупый парень, — осторожно сказал он через несколько шагов.

— Кирилл? — Валерка сунула в рот жвачку. — Ничего... Говорит только много.

— А у тебя... это... — смутился Николаев, — мальчик в классе есть?

— А?.. Пухлый. Ну — сидел рядом.

— И что же у вас... любовь? — неловко улыбнулся Николаев.

— Чего-о?! Ну, придумал словечко!.. Так, тусуемся вместе...

Дома Валерка не ушла, как обычно, в свою комнату, задержалась на кухне, и на Николаева напал вдруг приступ красноречия. Он вспоминал смешные случаи из службы, нещадно привирая и додумывая на ходу, чтобы было смешнее.

— Стою, значит, на Планетной — там движение одностороннее. И вдруг — прямо глазам не поверил: «шестерка» пилит в обратную сторону, навстречу движению. Машины от нее шарахаются кто куда. Ну, я ее останавливаю — сидит размалеванная такая дамочка. Я говорю: «Здесь движение одностороннее». — «А? Спасибо», — врубила заднюю скорость и так же спокойно назад попилила...

Дед посмеивался, Валерка улыбалась, привалившись спиной к подоконнику.

Мать, не снимая плаща, вошла в кухню, постояла, глядя на них.

— Чего ты? — возбужденно обернулся Николаев. — Садись.

— Сейчас, — кивнула мать. Подошла к Валерке, негромко спросила:

— Где ты была три дня?

Николаев досадливо дернулся, выразительно глянул на нее: был ведь уговор не вспоминать.

— Тусовались с ребятами, — ответила Валерка. — А что?

— Интересно было?

— Нормально.

— Угу, — снова кивнула мать. Размахнулась и изо всех сил ударила ее по щеке. —

Дрянь! Дрянь! Дешевка! Шлюха подзаборная! — срываясь на визг, закричала она, обеими руками лупцуя Валерку по щекам. — Убью гадину!

Что поразило Николаева — Валерка стояла неподвижно, даже не закрывалась, только жмурилась от ударов.

— Ты что! Мать! Сдурела! — Николаев вскочил, схватил ее за руки, оттащил от дочери.

— Ты что думаешь!.. Где она... — рвалась мать к Валерке. — Стоит, паинька, улыбается! Думаешь, где она? Она с женатым мужиком в постели кувыркается!

Николаев взглянул на неподвижную Валерку, растерянно спросил:

— Это что... правда?..

Валерка потрогала горящую щеку и спокойно ответила:

— Правда.

— А ну, пойдём! — мать схватила ее и поволокла к двери. — К прокурору пойдём! Я ему устрою, кобелю!

— Не пойду!

— Пойдешь! Пойдешь, как миленькая! — мать ударила ее еще раз, потащила за собой чуть не волоком.

— Не пойду! — Валерка вырвалась и отскочила.

— Я сама пойду! К нему пойду! К жене!

— Стой! Мама! — Валерка вцепилась в мать. — Мам, пожалуйста, не ходи! Не надо, мам! Ну, хочешь, меня бей!

Мать оттолкнула ее, сгоряча замешкалась с замком.

— Мама! — отчаянно крикнула Валерка. — Если пойдешь, я... я жить не буду, так и знай! — она затравленно оглянулась, бросилась в ванную, вывернула бритву из отцовского станка и выбежала в коридор.

Мать уже открыла дверь.

— Мам! — Валерка задрала рукав, выпрямила вниз руку со сжатым кулаком. — Мам, посмотри!

Мать на мгновение обернулась, и Валерка, глядя ей в глаза, провела бритвой по венам. Мать охнула, схватилась за сердце и села у двери.

— Ты этого хочешь да? — дрожащими губами выговорила Валерка.

— Ты... с ума сошла... — Николаев обхватил ее руку выше локтя.

— Подожди! Обещай, что она никуда не пойдет!

— Конечно, конечно... — Николаев беспомощно огляделся: мать, закрыв глаза ладонью, сидела у открытой двери, дед ни жив ни мертв сжался в своем углу. — Дед, «скорую»! Да быстрее! Дверь закрой! И валидол! Стой, жгут какой-нибудь! Да что ж такое! С ума все посходили?..

(Окончание следует)

В районе перевала Ала-Бель среднесуточная температура — минус 8 °С. Переход от минусовой температуры к положительной начинается в начале июня. Переход от положительных температур к отрицательным — в начале августа. Зимой морозы достигают минус 40°. Число ненастных дней в году — 325. Наибольшая скорость ветра — 40 метров в секунду. Частые сходы снежных лавин. Высота снежного покрова — 5—6 метров.

Из справки Управления гидрометслужбы Киргизской ССР

ГАЗ-66 уткнулся в двухметровый снежный барьер, пересекающий узкую горную дорогу. Все. Отсюда будем подниматься пешком.

Впереди неясно проступают контуры Таласского хребта. До него километров десять. Столько же до домика, куда нам нужно добраться сегодня. Там ночуем, а утром — восхождение на Ала-Бель, к радиорелейной станции.

Но до этого еще далеко. Вваливаем на плечи тяжеленные рюкзаки. Идем, стараясь ступать след в след. Впереди проводник Улан

Я — замыкающий. На высокогорных станциях проработал уже двенадцать лет, но, несмотря на такой стаж, все-таки не могу понять, по каким ориентирам Улан находит путь, тем более, что время от времени мы попадаем в густой туман и сами себя не видим. Однако находит: последний поворот — и показывается «сигара» промежуточного домика. Дом стоит на дне ущелья и напоминает инопланетный космический корабль.

Отрываем и открываем дверь. Комфорт — постели, электропечь, свет. Готовим ужин. Я выхожу за водой и долго стою ошарашенный, хотя вроде бы уже должен был к этому привыкнуть.

решает все о высокогорных радиорелейных станциях.

Думаю, что читатели тоже знают о РРС немного, и есть смысл кое-что из нашего разговора пересказать и даже немного прибавить.

Ну, во-первых, зачем они нужны — эти станции? Если коротко, то для того, чтобы можно было даже в самых глухих местах смотреть телевизор, слушать радио и разговаривать по телефону. Оснащены они очень сложным оборудованием — телевизионными передатчиками, разной радиорелейной

Дыйканалиев, за ним — Володя Федосеев.

У Володи это будет первая вахта, но в горах он далеко не новичок: кандидат в мастера спорта по альпинизму. И вообще парень очень интересный — горнолыжник, дельтапланерист, увлекается философией, любит поэзию.

...Облаков нет, передо мной шестисотметровые стены Таласского хребта, красные от отблесков заходящего солнца. Розовый снег и загорающиеся над ущельем огромные звезды...

После горячего чая слипаются глаза. Но мы еще долго говорим с Володи. Его, новичка, конечно, инте-

аппаратурой, цифровыми системами связи... Представляете, дикие первозданные горы — и вся эта суперсовременная техника, работа которой, кстати, целиком зависит от вахтовиков — двух человек, оторванных на пару месяцев от остального мира.

Наша станция — на высоте 3700 метров. Ближайшее жилье — километрах в двух-

стах. Погода — я не зря дал сначала кусок из метеосводки. Бывает, в июне такая снежная метель закружит, что неделю со станции не высываешься, если, конечно, ничего не произойдет — лавины ЛЭП не повредят или ураган не оборвет линию... Тогда хочешь не хочешь, а вперед — ремонтным бригадам в такую погоду в горы не подняться.

Как стать вахтовиком? Прежде всего, конечно, нужна специальность — радиомеханик, электромеханик... Плюс к этому неплохо иметь пару дополнительных — радист, радиомонтажник, электромонтер... Мы с Володей инженеры (один — электрик, другой — физик), но, в принципе, работают на РРС и вы-

пускники политехникума связи. Плюс, разумеется, нужно уметь столярничать, слесарничать, готовить, печь хлеб, стирать и т. д.

Плюс — и очень большой — крепкое здоровье и альпинистская подготовка. Восхождение на Ала-Бель местами тянет на двойку Б (это и для опытных альпинистов маршрут не из самых легких).

Но, пожалуй, главное — психологическая совместимость. Работа, как бы много ее ни было, не может избавить от чувства, что ты полностью оторван от мира. Не хватает семьи, родных. Угнетает ограниченность пространства. Время начинает тянуться куда медленнее, чем внизу. Поневоле становишься раздражительным, нервным — и тут так много зависит от напарника.

...Утром — традиционный

чай из снега, и начинаем подъем на станцию. Ползем, ползем, ползем, кажется, никогда не кончится этот проклятый гребень. Справа и слева — обрывы пропастей. Время от времени в них обрушиваются невесты откуда взявшиеся лавины и камнепады.

Наконец, последний скальный взлет и... спокойный голос Коли Гавриленко, старшего смены, которую мы меняем:

— Привет, ребята!

На небольшом каменном плато — наша серебряная хижина. В ней аппаратная, комната отдыха, кухня, душ... Коля торопливо показывает, где лучше строить сауну (это уже похоже на задание), сажать рассаду поми-

по сути дела

ВАХТА НА АЛА-БЕЛЕ

доров, огурцов и лука и делать спорттренажеры...

Потом они уходят, а мы остаемся.

Начинается вахта.

Александр ТЮЛЕНЕВ
Киргизская ССР

Фото автора

камертон

ВЕРЕТЕНЦЕ КРУЖИТСЯ, ПОЕТ...

Много лет назад я записал на новенький магнитофон голос своей бабушки. Надо было видеть, как приободрилась, повеселела бабушка, как разгладились морщины, каким враз помолодевшим голосом спела она ста-

ринную песню. Наверно, была счастлива уже тем, что среди моих уроков, развлечений, забот и ей нашлось место. Внимание было дорого.

Увы, запись просуществовала лишь несколько дней; ее сменили другие мело-

дии. Я не тужил: бабушка-то рядом, надо будет — еще споет.

Бабушки давно нет на свете. Песню я забыл...

И когда узнал, что в Москве несколько лет интересно работает фольклорный ансамбль «Веретенце», затерялся на встречу: а вдруг споют, вдруг знают ту самую песню, бабушкину...

Москва, Люблино, Дом культуры имени III Интернационала, просторная комната на втором этаже; здесь и прядет свои раздольные напевы «Веретенце».

А они просты: «Да трава моя, травушка, трава моя шелковая. Да все трава в луг легла, шелковая, стеною. Обпивалася рососою, а в той траве колодезь, в колодезе водица, умывалась девица...»

Народное пение — грудное. Из груди, из сердечной глубины является на свет мелодия; не оттого ли так трогает она, будит дремавшие прежде в душе невысказанные, неназванные наши чувства!

Сыпанул по окнам дождик. И девчонки откликнулись: «На дворе дождь идет, а во поле туман. А мне, молодешеньке, все горе-печаль... Поехал мой миленький да в ин городок...»

Света Долгова переглядывается с Жанной Силкиной, Лена Подсезерцева — с Олей Туховской... А сколько самим девчонкам! Четырнадцать-то хоть есть!

Сижу, слушаю и думаю: фольклором у нас занимаются специалисты. Они ездят в экспедиции по старинным селам, записывают песни, частушки, былины, сказы... Дело благородное. Но где это все оседает! В каких запасниках! То, что звучит на концертах даже в самом лучшем исполнении, — все-таки эстрада. Причесанная, прибранная, подкрашенная аранжировками эстрадная народная песня воспринимается как часть официальной музыкальной культуры и уже потому вызывает определенные эмоции у молодого поколения.

Да и трудно поверить, что нормальный городской шалопай умозрительно полюбит то, чего он не знает.

«Собирается Иванушка на охоту, а не на охоту, а на легкую работу. Заигрался Иванушкин ворон конь... Да летели гуси-лебеди мимо терема. Ударилась сизым крылом об жерди...»

Что же должно произойти, чтобы такая вот «абстракция» стала вещью понятной и любимой!

...А произошло следующее. И было это самым важным в биографии «Веретенца».

Дом культуры принадлежит Московско-Курскому отделению железной дороги. Однажды летом, на каникулах, сели ребята в поезд и поехали, куда глаза глядят [в пределах своей железно-

дорожной территории). Значит, в Курскую область. В село Белицу.

Сельские жители видели-перевидели за свой век разных горожан: и «собираелей» икон, и шабашников, и веселых студентов-картошечников. И этим, из ансамбля, поначалу никакого внимания не оказали. Но потом почувствовали: что-то не так. Какие-то ребята попались... Уважительные. Ведро воды помогут донести, не ломают малину сквозь ограду, умеют разговор поддержать... Их полюбили и надарили разного нафталинового «антиквариата»: кто — сарафан, кто — шаль.

Из первой экспедиции «Веретенца» привезло песен двадцать. И все длинные, протяжные. Магнитофонной

Многим песням научили старушки Мария Ивановна Гетманова, Елена Ивановна Корячина, Марина Самойловна Гетманова. Но первой среди седых своих подруг была Татьяна Федоровна Бушмина.

Откуда брали они песни! Да из себя, из своей жизни, конечно! Открылись вдруг судьбы живых и уже ушедших людей, их беды и радости, великие труды и мудрое крестьянское терпение. И что-то увиделось сквозь заиндевевшее окно низкого старого дома, утонувшего в сугробах...

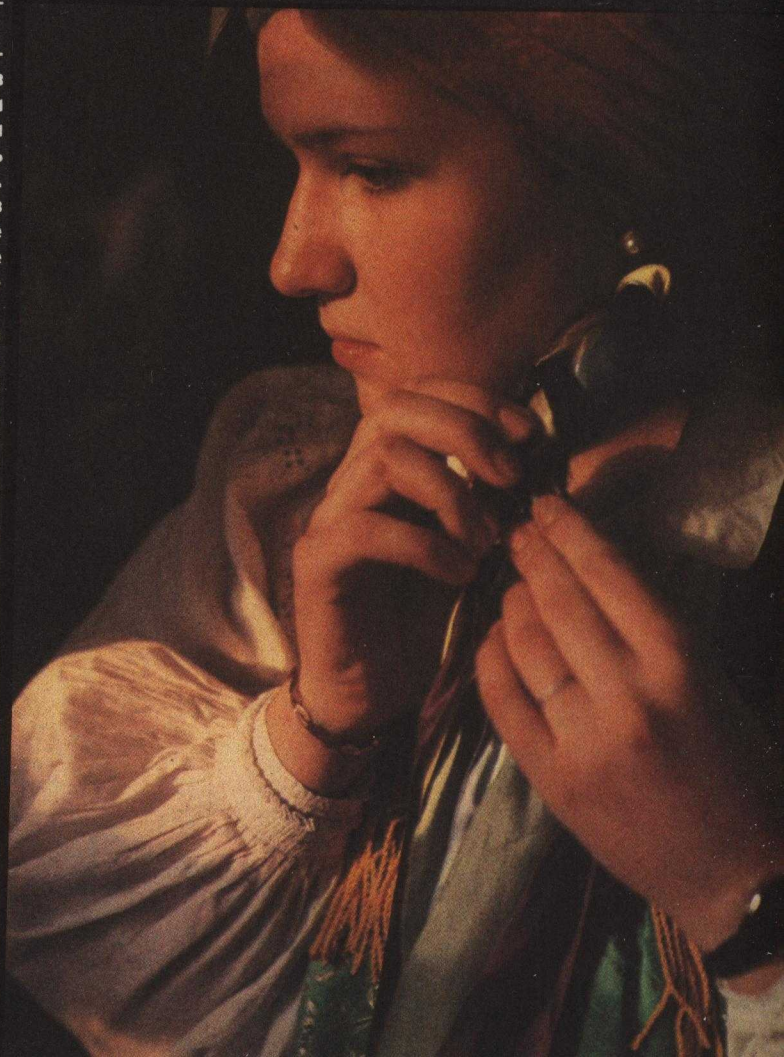
Поют подруги о Бушминой: «В Белице у околицы ячмень уродился, он пригодился. Татьяна его жала, в снопочки складывала...» Своего суженого, Гришу, Татья-

ленты не хватило, и записывать пришлось в тетрадки — так что руки даже немели.

С тех пор как каникулы — так в Белицу. Из Белицы — в другие села. Вскоре деревни даже спорить стали, кому и на сколько дней принимать голосистых «племянников». Филатово не отпускало в Плехово: вы у нас еще не все записали, мы вам такие небывальщины порасскажем...

Один раз зимние каникулы под самые морозы угодили. А в Белице ребят ждали: несколько часов дежурили, сменяясь, на сорокаградусной стуже, боялись пропустить машину с гостями. Татьяна Петровна Усова первой заметила подъезжающих и потому по праву продиктовала свои условия: семнадцать человек к себе в дом беру, не меньше!

Ту зимнюю поездку в Белицу им не забыть. То весел, то печален был рожок скотника Василия Капитоновича Лукьянчикова, озорными переборами звала в пляс гармонь Алексея Ивановича Гетманова, задушевно пела скрипка механизатора Алексея Андреевича Звягина.

на Федоровна повстречала в хороводе. За руки взялись, в песне и объяснились. Прожили с Гришей всего несколько дней — война началась, и муж ушел добровольцем. Почти все мужики и парни из села ушли на фронт.

— Мы тогда часто сходились в одной избе, письма от мужей читали да плакали,— вспоминала Татьяна Федоровна.— Через полгода на моего Гришу похоронка пришла. Как вынесла только! Глянь, по двадцать — двадцать пять лет нам, а вдовы уже. Сына Григорием назвала. Горе горем, а растить его, поднимать надо... На коровах сеяли, плуги на себе таскали. Пашем и плачем. Пятьдесят мужиков только с одной нашей улицы не вернулось... Нет, больше замуж не вышла, хотя и сватались ко мне не раз. Посмотрю на сына — вылитый отец. Какие уж тут сваты... А песня для меня — моя жизнь. Петь буду, пока жива, и плясать буду, пока ноги носят. Так-то, ребятки...

Одна из девочек подошла и неловко обняла Татьяну Федоровну...

...Может, это и субъективно, но я думаю, что восстановление у молодежи престижа сельской песни (кантри-мюзик, если кому понятнее так) впрямую связано со значительным моментом в жизни страны — возвышением фигуры сельского жителя, нашей надежды и опоры. Как говорится: будет хлеб — будет и песня. И никто не отнесется к ней тогда с пренебрежением: старушечьи, мол, припевки.

А то как получилось у «Веретенца» с опросом московских школьников: провалился опрос, народные песни школьники вспоминали с запинками, а кто и вовсе отмалчивался.

Зато после концертов...

«Веретенце» много ездит, выступает уже пять лет: в школах, клубах, на дворовых площадках и ВДНХ, в выставочно-концертном зале, что в бывшей Георгиевской церкви на улице Разина. Так вот, после концертов подходят к девушкам в кокошниках ребята в джинсе и заклепках: ну, вы молодцы, мы и не знали, какие красивые старые песни бывают, мы бы к вам записались, примете!

Отказа нет. Сегодня на спевки в ансамбль приходит почти восемьдесят человек от четырех до шестнадцати лет — две возрастные группы. Какая была радость, когда на спевку приехали... бабушки из Белицы. Попели, поплясали, пирогами угостили — вот что значит по «племянникам» соскучились.

...Не услышал я здесь песню моей бабушки. Но услышал много других строгих и мудрых песен. И ушел с надеждой: отыщется на российских просторах и та, заветная, необдуманно стертая мной с магнитофонной ленты.

Тогда и я все вспомню.

Александр ПОЛЯКОВ
г. Москва

с мира по нотке

«Неблагодарные дети»

Чилийских рок-музыкантов буржуазные журналисты окрестили «неблагодарными детьми Пиночета». Рок более любого другого музыкального течения мобилизует молодежь этой страны на борьбу с фашизмом. Одна из самых популярных чилийских рок-групп «Лос присьонерос» («Узники») распродала нелегально более 60 тысяч кассет со своими записями. Песня «Бросая камни», в которой поется о молодежи, стремившейся учиться, но оказавшейся среди безработных, разошлась в 30 тысячах записей. Участники группы — трое парней в возрасте 22, 20 и 19 лет: Хорхе Гонсалес, Клаудио Нареа и Мигель Тапиа — родились в квартале Сан-Мигель чилийской столицы, учились в одной школе. Широко известными стали слова их песни: «Мы — сила, мы — перемены, из чрева наших городов рождается материя нового мира».

Если в странах Запада многие рок-музыканты не поют на родном языке, предпочитая ему английский, то в Чили очень популярны концерты «собственноязычной» рок-музыки. «Лос присьонерос», например, собирают на своих выступлениях до 45 тысяч слушателей. Ансамбль «Пиночет бойз» — до 30 тысяч. Музыканты признают влияние на их творчество аргентинского рока, который многое сделал для разоблачения преступлений фашистовавшей военщины у себя в стране. И для чилийцев рок — орудие протеста.

В повседневной жизни — это студенты, рабочие и безработные. Они отдают себе отчет в том, насколько опасно творчество для них самих. Концерты часто срываются, зрителей разгоняет полиция, инструментами удаётся обзавестись весьма примитивными. И тем не менее песни звучат! Рок в Чили продолжает дело, начатое замечательным певцом-коммунистом Виктором Хара, замученным в застенках Пиночета.

Андрей ЧЕРЕПАНОВ

В мае редакция получила 349 писем с музыкальными вопросами, просьбами. Всем написавшим — большое спасибо. Постараемся учесть ваши пожелания.

О себе: родился в Салехарде (единственном в мире городе на Полярном круге) 5 декабря, вечером, под дивной красоты северным сиянием, как говорят родители.

ДОРОГА НА СТАРЫЙ НАДЫМ

...и выпущен в воздушный лабиринт
прах с погребальных лагерных костров,
и насыпь брошена,
как заскорузлый бинт,
и сходит с рельс безмолвная страна,
где ежеутренне забеливали кровь,
и наступает ржавая весна,
столбы глазами мертвых ищут кров.

Отпущен прах в воздушный лабиринт,
и только полоумная луна
обшаривает тени —
тьмы теней,
что до скончания века видят в ней
прожектора незбылемого зрак,
не бога ищут в небе, а барак.

Их ангелы замерзли на лету,
язык их не нарушит немоту,
что по ночам шевелится, как ров,
после последних залпов...

Не вечна
луна, как все, что под луной,
но времена,
где ежеутренне забеливали кровь!..
...И солнце надо льдом проклятых мест —
как голова, надетая на шест.

Глазами мертвых в небе ищут кров
столбы, что перекошены окрест,
застыла насыпь, бурая, как бинт,
отпущен прах в воздушный лабиринт,
где ежеутренне забеливали кровь,
и только перекладинами рук
столбы прижмут к груди Полярный круг,
и каменным от крови станет бинт.

Константин
Кравцов

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Конец июня, а уже весна...
Как раненая белая сова,
застыла тундра, и осенняя трава
в ее всевидящих глазах застекленела.

Конец июня, а уже весна...

Она — как коридор ночной больницы,
где лампой медсестра освещена,
но лампа спит над книжной страницей
и вовсе белой ночью не нужна.

Конец июня, а уже весна...

Как первых встреч ранимая игра,
все небо светится влюбленно и тоскливо,
но, как часы, глаза остановила
в своем весеннем небе медсестра.

К утру ручьев сердечные нарывы
безвременьем затягивает лед...

Луна или солнце там
над синькой тала?

Над вскрытой Обью
уток лупят в лет
и бьют в озерах среди свадебного бала.

ВЕСНА

«Подъем!» — орет дежурный,
и взорвало
тебя во мне, весь мир неуставной.

Сгребают снег к приходу генерала...
Что генерал
в сравнении с весной?
...Сегодня выйдя, чуть дыша, из храма льда,
нагая роща в озеро вошла,
и, не дыша, замороженная вода,
целуя, ее ноги обняла...

* * *

Необлака над головой — паров скопление.
Я все на свете с детства изучил,
и никогда по шучьему веленью
Емеля не катался на печи.

Жар-птица — атмосферное явление,
и — если набреду на озеро —
обманом зренья с переутомленья
сочту царевны Лебеди лицо.

Работал в основном над стихами, попутно — художником-оформителем, радиокорреспондентом, плотником, сторожем, служил в армии. Сейчас учусь в Литературном институте и с надеждой смотрю в непредсказуемое будущее.

ПОЛУСТАНОК

Все мы парни обыкновенные...
Строевая песня

Полустанок, парящий, как планер...
Облака, словно русские печи,
с пепелищ поднимаясь, плывут
над глухими под снегом полями,
и берез молчаливые речи
еще слушаю я наяву,
у окна худо-бедно пристроясь...
Береги, полустанок, меня!
Вот очнулся и тронулся поезд,
пустотою бутылок звеня...
Мы — не мы. Замечательный возраст —
18. Счастливо, родня!

ПЛАЧ СТАРОГО ХАНТА

Дети Нижнего Мира
ведут вездеходы по нашим могилам,
дети Нижнего Мира
бабой зовут золотою
нашу Священную Мать,
дети Нижнего Мира,
происходящие от обезьяны...

Ладно, я буду молчать...
Буду молчать, что уже мои внуки
не видят в медведе небесного гостя
и поклониться не могут рассвету.
Буран, замети мои кости,
буран, обглодай мои кости,
сняньем развесь мои кости
над тундрой, молчаньем одетой!

УТРО БРЕЙГЕЛЯ

Как от любви, светло от снега.
Друзья приснились — писем жду.
Их принесут пешком по небу —
по брейгелевскому холсту,
холсту с лыжнею самолета.
Блажен, кто в этот век живет,
слагая гимн Аэрофлоту —
ведь не случаён самолет.

Все вечно, если веришь в письма
под белой тающей чертой.
Слепцы, почти как альпинисты,
куда-то в небо чередой
из века в век бредут по свету,
как нить за нитью на клубок,
свой след мотая на планету,
где снег так чист и одинок.

Снег бредит Брейгелем под утро,
запорошив его звезду...
Снег — бог. Не видеть это трудно,
и, видя тех, кого я жду,
держась за плечи их, по тундре,
затем над тундрой иду.

* * *

Как зимою в лунку рыбаки,
смотрит под ноги простуженный фонарь.
Лунной терапией сорняки
лечат застоявшуюся хмарь.

Над оврагом крикает забор,
вспомнив о затрещинах грозы.
Смотрят на черемуху в упор
гаражей бубновые тузы.

Над невозмутимую ботвой
невидимкой колесит по сентябрю
из раскатанной избушки домовой,
изливая душу пустырю.

Но, обидев простака до потрохов,
как ханыги на вокзале, пустыри,
сдвинув на нос кепки лопухов,
спят, и не разбудишь, хоть умри!

Все кряхтит, все ерзает забор,
вспомнив о затрещинах грозы.
Звездным подаяньем жив собор.
Люди, верит он, несчастны, а не злы.

* * *

Мама,
не закрывай пианино,
ноты
не убирай!
Пусть теплится в вазе над ними рябина...
Музыка,
не умирай!

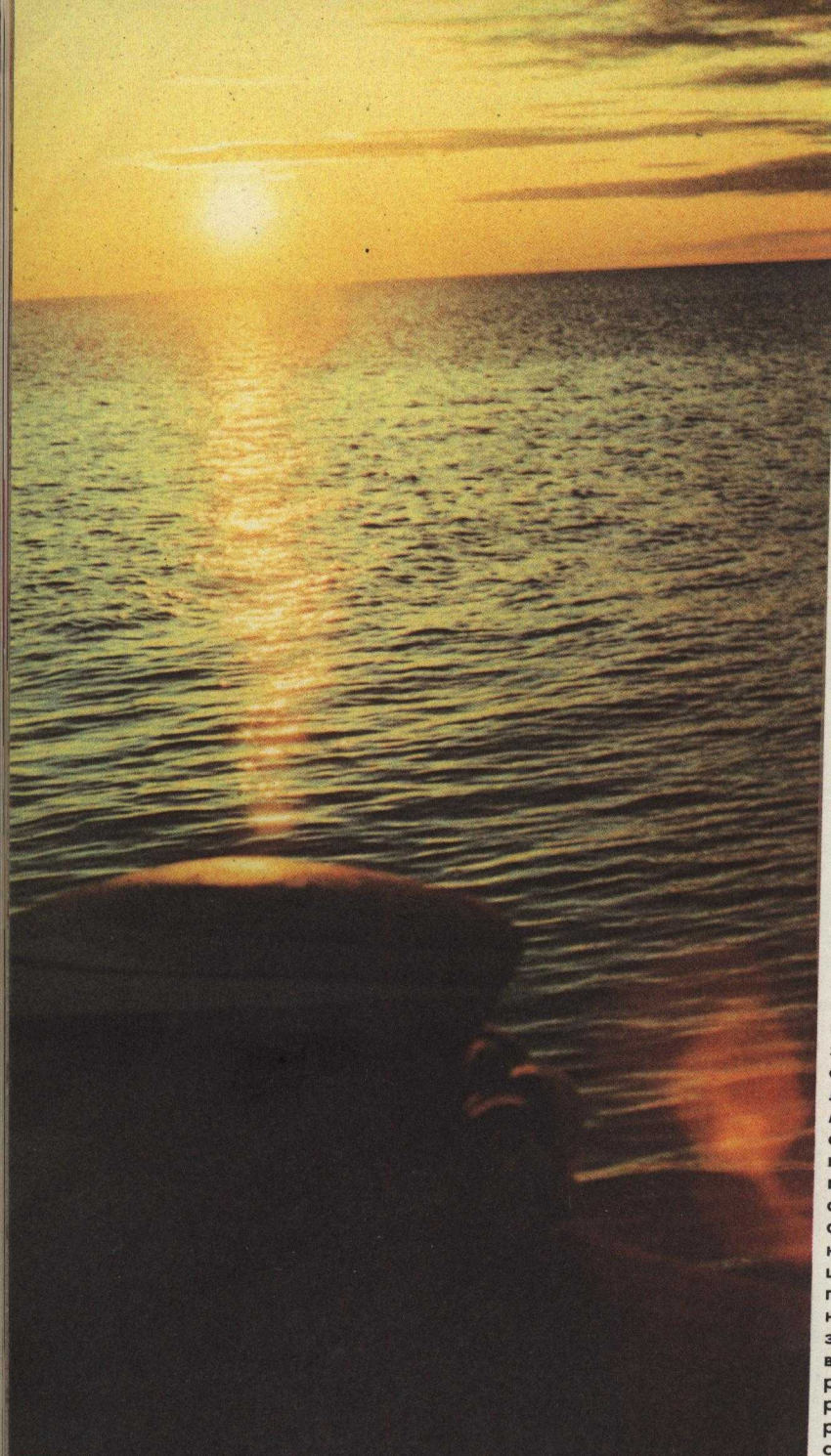
ОКНО НА ВЕТЕР

Меня вспоминают в доме
с окном на ветер,
меня вспоминают художники.

Фонарь во дворе
не спит над заснеженным теннисным кортом,
склоняясь над ним,
словно пьяница горький;
деревья под снегом стоят,
во сне улыбаясь, как дети;
звезды на крыши
ставят треножники...

Меня вспоминают в доме
с окном на ветер,
меня вспоминают художники...

Мы соберемся
и небо распишем,
и по всей планете
будут выставлены наши полотна
в окна,
распахнутые на ветер.

свой человек в Мировом океане —

ШВАРТОВКА В МАТАДИ

Прочитав какую-то книжку про моряков, наш капитан сердится: «Одного не могут понять писатели: ничего необыкновенного в нашей работе нет. Мы не космонавты и не летчики-испытатели. У нас обычное производство и, как на любом производстве, план: рейсовый, годовой, пятилетки...»

Характерное высказывание. Современные «морские волки» не склонны романтизировать свою профессию. И в самом деле, есть ли необычное в нашей работе? Где все эти опасности, вокруг которых закручивается действие у писателей? Ведь теперь не времена Колумба, который на хрупких суденышках (длина самого большого не превышала и тридцати метров) отправился в неизвестность на поиски западного пути в Индию и Китай. Его счастье, что между Европой и Китаем оказалась Америка.

Теперь не времена чайных клиперов, когда во время гонок этих чудо-парусников через два океана их капитаны постоянно балансировали на грани между разумным риском и смертельной опасностью. Теперь моряки плавают на прочных стальных судах, которые в сравнении с колумбовой «Санта-Марией» выглядят настоящими плавучими островами. Острова оснащены мощными двигателями, сложной автоматикой, различными навигационными системами, позволяющими в любую погоду с большой точностью определить координаты и за много миль узнать о приближающейся опасности. И никакой риск не предусмотрен. Предусмотрен план: плановый груз, плановая скорость. И вахтенный штурман современного судна, окруженный мигающими пультами, мерцающими экранами, совсем не похож на своего предшественника, который, завидев шквал, зычно орал в рупор: «Все наверх! Брамселя долой!» Теперешний вахтенный штурман скорее похож на дежурного оператора какого-то автоматического производства, а вахтенный механик в машине — на дежурного инженера при этом производстве. Ну, а капитан? Капитан, ясное дело, — директор.

А еще «морские волки» любят теперь говорить, что с современным судном ничего не может случиться, если выполняются все инструкции, устав и правила хорошей морской прак-

тики. Последнее означает, что моряки всегда должны немного перестраховываться и не лезть на рожон: обозначена на карте мель — обойди подалеже, расходишься со встречным судном — отверни побольше...

Все это так, но ведь строят эти плавучие острова люди и работают на них тоже не одни лишь автоматы. Люди ошибаются, и избежать этих ошибок никак не удастся. Не удается, как говорят в официальных бумагах, избежать влияния человеческого фактора. Даже если у нас на производстве все будет тип-топ, кто может поручиться, что не ошибется оператор производства встречного, которое сближается с нашим со скоростью около шестидесяти километров в час. И вот тут, когда до аварии останутся считанные секунды, штурману снова придется стать штурманом, а капитану — капитаном, и действовать так же решительно и смело, как их предшественникам на каравеллах и клиперах.

— Михаил Павлович, — говорю я, — насчет производства я с вами в общем-то согласен. Между прочим, как директор вы вполне: у вас и солидность, и в общении мягкость. Только как же быть со швартовкой в Матади?

Капитан улыбается и разводит руками:

— Бывает.

Мы поднимались вверх по реке Конго. В порту Матади, который расположен в ста милях от устья, нас ждал традиционный груз — бревна красного дерева. Декабрь — разгар дождливого сезона, поэтому скорость течения самой полноводной африканской реки достигла одиннадцати узлов. А в заливе Шаддон д'Антифер, что означает «Дьявольский котел», и того больше — тринадцати. Тринадцать узлов — это примерно двадцать четыре км/час. С трудом выгребая против течения, наш теплоход вполз в этот котел со скоростью пешехода.

Мрачные темно-красные скалы, стиснувшие реку, воронки водоворотов. Вздрагивая от напряжения, как будто мелкими шажками, теплоход одолевает опасное место. В какой-то момент показалось, что мы не впишемся в поворот. Нет, обошлось. Может быть, так и рассчитано у лоцмана: корма должна пройти всего в полусотне метров от нависшей скалы.

Сразу за поворотом, на левом

берегу реки, растянулся порт Матади. Течение здесь потише, но все-таки достигает шести узлов. Вот, кажется, наше место: за кормой старого, но внушительного «грека» и впереди такого же внушительного, но сверхсовременного «панамца». Какой маленький участок причала нам отпущен! Даже сомнение берет: хватит ли его? А если хватит, как к нему подойти на течи, без буксиров, не задев наших будущих соседей?

Проходим немного вперед. Мы уже рядом с «греком». Теперь надо отдать левый якорь, задержаться, а затем, дрейфуя по течению и подрабатывая машиной, осторожно подойти к причалу.

— Отдать левый якорь, — командует капитан.

— Отдать левый якорь! — повторяет в микрофон старший помощник.

— Отдать левый якорь! — рывкает динамик на баке.

Боцман отдает стопор брашпиля. Но что это? Не грохочет якорная цепь, не взметнулись над брашпилем облачко ржавчины.

— Не удается, — всхлипывает третий помощник, и многократно усиленное его всхлипывание раздается на мостике.

Течение несет теплоход назад мимо «грека», мимо нашего места у причала.

— Средний вперед! — гаркнул капитан и высочил на крыло мостика. — Руль десять вправо! На баке, как проходим «грека»?!

Теплоход замедлил движение назад, а его нос стал подаваться вправо. Вот-вот он навалит на черную корму греческого судна.

— До «грека» тридцать метров, — снова раздается всхлипывающий голосок третьего. — Двадцать, — и, наконец, радостно: — проходим чисто!

Теперь бак стремительно катился к причалу.

— Лево на борт! Полный вперед!

Теплоход задрожал, задержался на месте, движение бака резко замедлилось.

— Руль прямо!

Еще двигалась к причалу корма, но это было уже не стремительное, а плавное замедляющееся движение, которое сошло на нет в нескольких сантиметрах от бетонной стенки.

— Средний ход. На баке, подать два продольных, на корме шпринг.

Голос капитана звучит напря-

женно, даже жестко, совсем необычно для веселого, обходительного Михаила Павловича. Такому голосу нельзя не повиноваться!

— Стоп машина, — и уже совсем спокойно старпому: — продолжайте швартовку. На баке и корме завести еще по три конца...

Ничего не скажешь — лихо! А если бы теплоход ударился о причал? А если бы навалил на «грека»?

— Ну и швартовка, — крутит головой старпом. Он подмигивает мне и говорит восхищено: — Видал швартовочку? Как мы, а? Не хуже эсминца!

Старпом нашел точное сравнение. Не знаю, как современные корабли, но в былые времена так же лихо швартовались эскадренные миноносцы. Помните песню Розенбаума?

«Было время, я шел тридцать восемь узлов,
И свинцовый вал резал форштевень.

Как героев встречали моих моряков

Петроград, Лиепя и Ревель!»

Это о миноносце «Новик», гордости русского флота, самом быстроходном корабле времен первой мировой войны. Я представил себе, как «Новик» швартовался в Таллине, тогдашнем Ревеле. На полном ходу влетал он в гавань, клал руль на борт, затем давал полный назад — и заставлял у стенки! Примерно то же самое проделали и мы. Но не на вертком миноносце, а на неповоротливом грузовом судне; и не в спокойной гавани, а на шестизуловом течении.

И все же нельзя ли было выбрать менее рискованный вариант? Я спросил об этом у капитана.

— Выбрать? — Михаил Павлович улыбнулся. — Некогда было выбирать.

Вот такой ответ. А что за ним? Конечно, и профессиональное умение, и большой опыт, и еще одно качество. Не берусь судить: природное оно или в большой степени воспитанное. Это способность не спастись в критической ситуации, способность отреагировать мгновенно и точно. То самое, без которого не могли и не могут обойтись моряки как былых времен, так и нынешних.

Игорь МУФЕЛЬ,
начальник судовой
радиостанции

Фото Олега ПОПОВА

Скоро уже два года, как я жду звонка от абонента, у которого все хорошо. Которого не бросили и не собираются бросать, которого понимают родители, принимают в классе и в компании, не «подставляют», не читают его дневников. И среди корреспондентов моих никак не найдется человека, который не полагался бы на милость удачи и на волю случая, а строил бы свои отношения с окружающими людьми на прочном фундаменте реальных возможностей, без применения в качестве стройматериала радужных, но таких непрочных мечтаний... Желанного звонка или письма все нет и нет.

Есть, правда, весточка от Лики из Ленинграда. «Хочу поделиться своим счастьем! Выхожу замуж. Почти все мои друзья и родные отговаривают: Миша мой не ангел. Но я сделаю из него прекрасного человека. Моя любовь все преодолает». Что ответить Лике? Поздравить с грядущим замужеством? Или вложить в конверт копию письма Марата К. из Караганды? «Я был как слепой. Мне все о ней говорили. Я же верил, что моя любовь все победит. Но плетью обуха не перешибешь. Что уж есть в человеке, того не изживешь. Отец-одиночка Марат К.»

Представляю, как кое-кто из читателей пожмет плечами и положит журнал, а кто-то угнездится поудобнее в кресле: «Еще раз про любовь...» Нет, на сей раз не про любовь, а про совет. Тот самый, из всегдашнего свадебного пожелания: «Совет вам да любовь!»

В моем кабинете Сергей и Вика. Им по 20 лет, студенты. Решили проверить на совместимость в браке.

— Прости, Сергей, или я что-то путаю, или ты был в загсе с другой...

— Да, там я был с Любой! С Викой мы просто товарищи.

— Почему же с Любой-то не пришел?!

— Обидится еще. Подумает, я под нее копаю — сомневаюсь в ее любви, не доверяю.

— Зачем тогда тебе это нужно?

— Для общего развития. Присмотрюсь, на что вы обратите внимание в наших с Викой отношениях, и уж с Любовью разберусь сам.

— А ты, Вика?

— Да просто интересно. Может пригодиться на будущее.

С Сергеем мы познакомились два дня назад. Они с Любой подавали заявление о вступле-

нии в брак. Я продежурил в загсе весь рабочий день. Поговорил с каждой из 18 пар женихов и невест. Приглашал проверить на семейную совместимость. Предложением заинтересовались только две пары, но в условленное время они не пришли. Явился лишь Сергей, да и то, как вы уже догадались, тайком от невесты.

— Вы поймите, люди всё решили, а тут вы со своими вопрос-ответами. А вдруг что-нибудь плохое нагадаете? — утешает меня Вика.

— Я же не гадаю, а пытаюсь прогнозировать. Просчитываю вероятность возможного развода.

— Вот спасибо!

— Подожди! — обрывает Вика Сергей и обращается ко мне. — Андрей Антонович, если мне с Любой придется разводиться, то я бы лучше не женился.

— Это не единственный способ избежать развода. Есть старое сетование: «Знал бы, где упадешь, соломку бы подстелил». У предбрачного консультирования, которое я со своими коллегами пытаюсь наладить, две задачи: подсказать молодым «скользкие» места их взаимоотношений и научить обходить их, избегать кризисных ситуаций.

— Поехали! — вдохновился Сергей, а следом за ним и его подруга.

И мы «поехали» — набирать минусовые очки.

В получасовой общей беседе выяснились обстоятельства, которые чаще всего работают против согласия в браке: ранний возраст жениха и невесты; их различное социальное происхождение; воспитание одного из них или обоих в неполной семье; отсутствие братьев и сестер у

будущей жены и будущего мужа; стаж знакомства менее года (с редкими встречами); несогласие или противодействие родителей; склонность жениха или невесты к употреблению алкоголя; отрицательное отношение к друзьям брачного партнера и т. д.

Сергей набрал минус три. Виктория — минус шесть. Неплохо. Косвенные показатели благополучны. Ну, а непосредственные? Как собираются распределить обязанности в семье? Что каждый хочет взять на себя, что отдать «половине»?

На эти вопросы получить ответы в общей беседе практически невозможно. В период жениховства парень и девушка стараются произвести наилучшее впечатление и волей-неволей подыгрывают друг другу. Само по себе это очень неплохо — азбука притирки, первые уступки. Но чаще всего после свадьбы играм приходит конец, каждый становится «самим собой» — вместо притирки начинаются придирки. Но нам-то как раз и нужно спрогнозировать послесвадебную жизнь.

Усаживаю Сергея и Вика за тесты. Вместе обрабатываем результаты. Пара (теперь уже не каждый в отдельности, а пара — совпавшие ответы не учитываются, принимаются во внимание только расхождения) набрала 11 штрафных очков. У Вики, как оказалось, установка «Мой дом на зависть всем!». Отсюда — приоритет домашнего хозяйства даже перед воспитанием детей.

РАЗВОД ПЕРЕД СВАДЬБОЙ?

Отчет о работе редакционного телефона доверия

У Сергея девиз: «В моем доме тепло моей душе».

Для него на первом месте — хорошие взаимоотношения и доверие, а комфорт и уважительность — второстепенны. Такое расхождение — еще не антагонизм. Пара вполне жизнеспособна.

Следующий тест — на сходство характеров — выявил редкую гармонию. Никаких особых комплексов, затрудняющих общение. Ребята достаточно активны, в меру беспечны, отличаются целеустремленностью, определенностью желаний, готовностью к сотрудничеству. Минусовых баллов просто нет.

— Андрей Антонович, что же получается: мы могли бы быть счастливы в браке?

— При наличии любви — да. Конечно, в нашем случае многое «понарошку», но давайте проведем тестирование и по шкалам любви. Есть уже такие у психологов. В их основе — приведенные в систему «особинки» поведения, характерные для сред-

нестатистического любящего человека. Но в том-то и сложность, что любовь — самое, пожалуй, индивидуальное чувство, и оно плохо поддается усреднению: шкалы, с которыми сверяются ответы тестов, весьма условные. Они еще далеко не так точны, как, скажем, шкалы эмоциональности и агрессивности, но составить представление о чувствах двух людей все-таки можно.

Сергей с Викой засели за новый опросник. Он принес сразу 22 штрафных очка. Счастливые пары набирают, как правило, не больше семи, а конфликтные — от 25 до 29 баллов. Сверились со шкалами симпатии и уважения — 14. Это ближе к счастливой семье, чем к несчастливой.

Теперь сравним те отношения, о которых заявляют Вика и Сергей, с теми, что существуют неосознанно. Из нового теста выяснилось, что Вика приписывает Сергею лидерство в отношениях, а Сергей, не имея склонности быть ведущим, уступает его Вике. В совместной жизни запоздалое открытие того, что в паре нет лидера, недешево обходится. На свадьбе большинство тостов произносится за то, чтобы в семье не было споров по поводу, кто голова, кто шея. Но часто бывает так: право брать на себя семейную ответственность передается друг другу, и в результате — ни у жены, ни у мужа нет гарантий прочного тыла.

— Если я обнаружу у жены какое-то неприятное для меня качество, которого не видел до свадьбы, постараюсь ее перевоспитать!

— И обнаружишь через год, что вы «не сошлись характерами!» Дело в том, что далеко не все можно в человеке изменить. Можно повлиять на це-

ли, оценки, мнения. Но эмоционально-волевые качества — например, стремление быть лидером, темперамент — даются человеку с рождения и остаются практически неизменными. Здесь попытка перевоспитания — зерно конфликта.

— Я этого не знал...

— Я тоже не знала...

— Как и почти все, кто приходит в загс с заявлениями о браке, и практически все, кто приходит в суд разводиться.

По итогам тестирования Сергей и Вика набрали в сумме 35 штрафных очков. Это на пять—десять баллов больше, чем у счастливых пар, и на тридцать пять—сорок меньше, чем у «разводных». До счастливой пары у них не дотягивает «уровень любви», не хватает схождения во взглядах на значение психологического комфорта и престижа семьи, знания друг друга. Все это — зоны риска совместной жизни.

— Да нет, мы же не собираемся... Спасибо, Андрей Антонович. Было очень интересно. И — полезно. Столько времени, правда, у вас отняли...

— Я не в убытке. Во-первых, я «воспитал» себе двух перспективных счастливых абонентов. Обещайте, что через год после своих свадеб позвоните или напишете.

— Обещаем!

— Во-вторых, познакомил читателей «Паруса» с предбрачным консультированием.

Наша основная читательская аудитория — 14—19-летние молодые люди. В ближайшие пять—семь лет почти все они обзаведутся семьями. Уже сейчас каждый может обдумать, что ему дороже — досвадебное романтическое неведение, чреватое горьким прозрением, или взаимопонимание, цементирующее отношения супругов. И, наконец, в-третьих — рассчитываю, что «Развод перед свадьбой?» вызовет отклики читателей старшего возраста, тех, кто уже накопил опыт удачного или неудачного супружества.

**Андрей Антонович
МАКСИМОВ,**
психолог-консультант
«Паруса»

Напоминаем, что телефон доверия работает по понедельникам (кроме праздничных) с 17 до 20 часов. Номер: 20-41-30.

Я представляю это так:
— Сегодня над Торонто не будет солнца,— прохожий медленно обернулся к своему спутнику, но тот не ответил. Может быть, не расслышал, а может, не придал этой фразе никакого значения. Здесь он был впервые. Однообразные извилистые улочки самой окраины североамериканского города изрядно утомляли.

С востока доносился неясный гул. Он становился все явственнее, наполнялся смутной тяжестью, растекался, насыщая все вокруг. Люди чаще и чаще останавливались, всматриваясь в просветленное утреннее небо...

Словно гигантская воронка раскрылась над городом. Воздух напрягался и тяжело вибрировал, порываясь ринуться в невидимую распахнувшуюся пасть, но всякий раз медлил, нерешительно перебирая тона глухих сдвоенных звуков.

Под сапогами трещал обсохший гравий. Путники шагали к озеру. Самая кромка великого Онтарио слегка дымилась, а чуть поодаль, зачерпнув утреннего тумана, качались рыбацьи лодки. Воздух пропах свежими опилками, а в дрожащей прибрежной воде сверкала рыба чешуя.

— Видишь тучу над горизонтом? — вновь обратился провожатый к своему спутнику, а тот, вечный скиталец, возивший за собой повсюду целую грудку записных книжек и старый бинокль, путешественник волею судьбы и неугомонный фантазер, уже был поглощен надвигающейся неизвестностью. Его родина — самый северный берег канадской земли — тянула к себе, а всеильный случай гнал дальше — на юг, потому что он все еще испытывал временами необъяснимую тоску по свободе и радости отречения. Здесь, где краски утреннего движения Великих озер пленили и остывали где-то в груди ядовитой горечью неродной сердцу красоты, — здесь тоже жили люди, которые ни за что на свете не оставили бы этот берег. Он, привыкший именовать себя путешественником, знал притягательную силу берегов... «К этому берегу сейчас идет огромная стая, — думал он, не слушая скупых фраз своего сопровождающего. — Именно идет, а не летит... Медленно и трудно, долго идет... долго».

— Да. Сегодня над Торонто не будет солнца, — повторил

его спутник, — то летят великие странники...

Неясный гул сменился свистом стремительных крыльев. Солнце сверкало с востока мелкими, рассыпавшимися среди мелькающих птиц искрами, но после разлилось, размякло сероватым светом вокруг, спустилось в озерную воду, потерялось, исчезло.

— Откуда они? — спросил скиталец.

— О! Бесчисленны стаи великих странников. Они отовсюду. Правда, в Канаде не более десятка таких стай будет... Америка-то побогаче — там их вообще не счесть.

— Странствующие голуби?

— Они...

Воздух метался из стороны в сторону под вихрем миллионов маленьких крыльев; стая простиралась уже от горизонта до горизонта. Шум стоял такой, что приходилось кричать, чтобы расслышать друг друга.

— Куда они?

— Здесь не задержатся. В Мичиган летят — леса там богатые...

Голуби летели низко, плотным строем, с земли было хорошо видно, как часто они сбивались в полете и, потеряв ориентировку, задевали крыльями друг друга, сталкивались с нитями портовых канатов и падали в воду.

В городе царило всеобщее оживление. Люди высыпали на улицу и, вооружившись шестами и палками, старались сбить несущихся к мичиганским лесам птиц. Многие влезали на крыши, увеличивая тем самым успех своего предприятия в несколько раз.

— Чудовищное изобретение! — воскликнул странник. Но спутник его был спокоен и поэтому спокойно ответил:

— Стаи появляются не так уж часто, а голубей здесь охотно используют в пищу... Но самое интересное, — он снял с плеча охотничью винтовку, — начнется на месте посадки, в мичиганских дебрях...

И он вскинул ствол, и по лицу разбежались насмешливые морщинки... Озадаченный путешественник в замешательстве опустил бинокль, который давно уже не был нужен, но, забывшись, он все еще держал его на весу около груди... Подавшись вперед, он хотел что-то сказать, но не смог — даже выстрел был почти неразличим среди всеобщего гама. А через несколько мгновений чуть поодаль о землю ударились одна за другой несколько птиц...

ВЕЛИКИЕ

команда

Оли
Будиловой

— Так что же будет в Мичигане? — дождавшись относительного затишья, спросил он у своего спутника.

Тот опустил ружье и, уже отходя в сторону за бившимся на песке голубем, не спеша начал объяснять.

— Тут, не так далеко от Онтарио, было недавно нечто подобное: садятся они густо — на ветку в несколько «этажей», так что и выдержит-то не каждая... Так вот, еще задолго до того, как стая опустится на землю, по всей ближайшей округе специальная служба сообщает: где и когда ждать голубей. Фермеры сгоняют стада свиней в те леса на откорм голубиным мясом. А птицу и кострами травят, и палками бьют. Мясо тут же солят, бьет, что и так в лесу оставляют. Там уж — кто как успеет... Прибыльное дело. В этих местах многие только голубями и живут...

Не дослушав, путешественник поднял с земли одну птицу... Крылья целы... Просто ударились, видимо... На груди розовато-мягкое оперение, шея удивительно длинна и изящна для голубя, клюв тоже пропорционально удлинен... Крылья! Какие сильные крылья! Сдержанный зеленоватый отлив опять же длинного, ступенчатого хвоста удивительно гармонировал с оливковым отсветом узкой спины.

— Да, брат, тесно нам, однако, в одном жилище, — сказал он как будто бы себе и повторил фразу своего провожатого: — Великие странники...

Потом он прикрутил к лапке

СТРАННИКИ

голубя легкую проволоку в виде кольца, и, подбросив, выпустил его.

«Стая летела над городом четыре дня подряд,— записывал он позже в одной из своих потрепанных записных книжек,— да, это были великие странники. Я их понимаю. Мне тоже — на юг».

Через несколько лет в городе Цинциннати случилось уже успешнее стать редким событие. Вновь летели голуби. Их было совсем немного. На западе стояло над горизонтом огромное красное солнце. Они летели к закату.

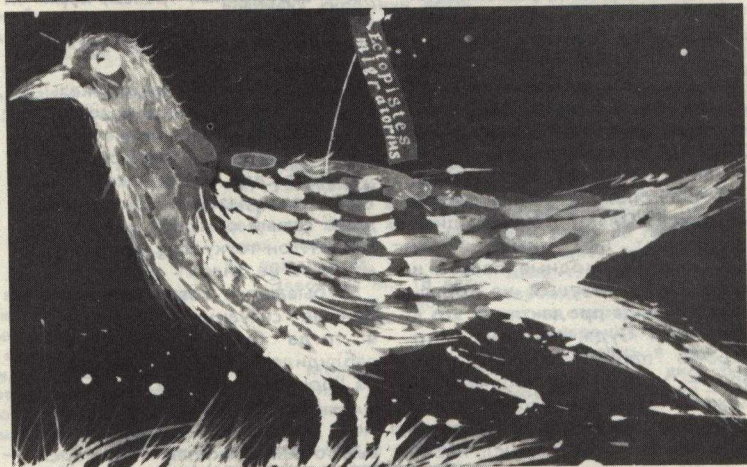
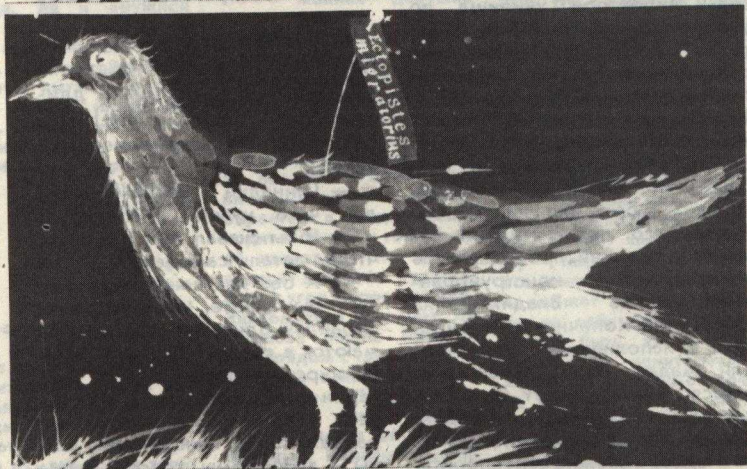
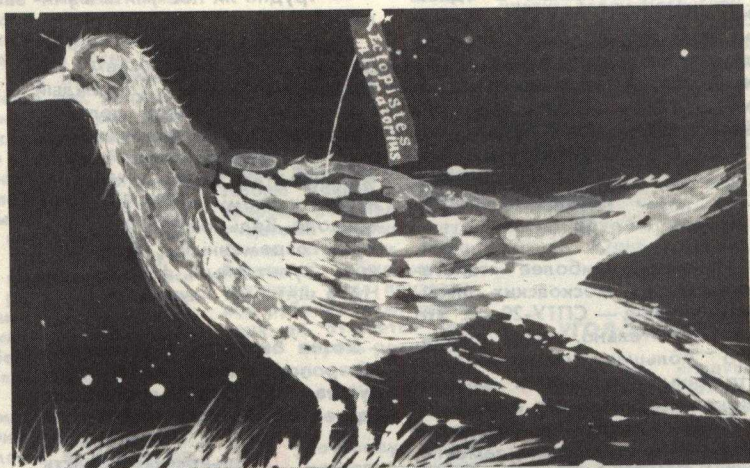
...По улице, мощеной древним булыжником, медленно шагал человек-скиталец и думал: «Судьба не дает нам ничего в вечную собственность, только люди этого не понимают и иронией судьбы теряют больше, чем обретают».

В городе смолкал дневной шум. Мартовский день обращался вечерней прохладой... Он нагнулся к мостовой... поднял странную птицу-подранка. О! Казалось, никогда он и не бывал ее облик — розовато-серая грудь, длинные крылья! То был великий странник, волею судьбы принесший нашему путешественнику обратно легкое проволочное кольцо.

Больше они не расставались, два вечных скитальца. Мир тесен... но тесен по-странному. Кому-то в тягость его теснота, а кто-то готов потесниться, заботясь не только о своей судьбе — о судьбе мира. Конечно, таких меньше.

Последний на земле странствующий голубь по кличке «Восьмое марта» умер в городе Цинциннати в сентябре 1914 года. И больше нет на земле таких голубей.

Ольга БУДИЛОВА

Рисунок Людмилы СЕЛИВОНЧИК

Мне 16 лет, я хорошо шью, выдумываю всевозможные варианты одежды. Недавно по Центральному телевидению смотрела передачу, в которой демонстрировали модели одежды, разработанные в одном из московских училищ. Придумывают эти модели и изготавливают их сами учащиеся. К сожалению, я не запомнила номера СПТУ. Может быть, вы знаете о нем что-нибудь!

Светлана Назарова,
п. Думиничин,
Калужская область

Пожалуй, наиболее «телегичное» из московских швейных училищ — СПТУ-20. И это не удивительно, если учесть, что большая часть модных столичных портных и кройщиков вышли из его стен.

— Но дело не только в этом, — сказала нам заместитель директора училища по учебно-производственной работе А. С. Короткова. — Хороших специалистов готовят и в аналогичных нашему СПТУ-43 и СПТУ-160. Я думаю, интерес телевизионщиков связан главным образом с действующим в училище молодежным конструкторским бюро, или, как мы называем его, дизайн-студией. Руководит студией преподаватель спецпроектирования и конструирования Диана Владимировна Смольская. Конечно, конкурировать в исполнении с Зайцевым или мадам Бурда наши учащиеся пока не могут, зато что касается фантазии в предлагаемых студийцами моделях, то здесь можно поспорить.

— Хорошо, когда идеи реализуются на практике.

— Мы тоже так считаем. Поэтому с прошлого года наша училищная фирма «Юниор» заключила договор с московским СПТУ-106 текстильщиков и магазином «Московские ткани», что расположен возле метро «Баррикадная». Текстильщики поставляют нам ткани, наши ребята шьют модные пальто и костюмы, а девушки из торгового училища продают все это в магазине. Судя по тому, что первую партию наших товаров — комплекты хлопчатобумажных юбок и блузонов — покупатели разобрали в течение двух часов, имеет смысл наращивать темпы. Решили подключить к этой работе учащихся

СПТУ-43 и СПТУ-160. Кроме того, при училище есть свое швейное ателье, где мы выполняем заказы населения. Насколько я знаю, недовольных пока не было.

— Трудно ли поступить в училище?

— Прежде всего хочу предупредить, что принимаем мы только москвичей. Каждый год — около трехсот человек. Отбор — по аттестатам. Так что, как видите, мало одного желания стать модным портным, нужно к этому готовиться еще в школе. Ведь «модный» — значит, современный, образованный, культурный. Не так ли? Ну, а шить мы научим.

Хотел бы стать диспетчером в аэропорту. Расскажите, пожалуйста, об этой профессии. Где ее можно получить!

Игорь С.,
Горьковская область

С руководителем Зонального центра единой системы управления воздушным движением Г. В. ГОРНИЦКИМ беседует журналист Н. ИНИН.

— Геннадий Владимирович, для чего нужны диспетчеры?

— Я бы сказал так: для того, чтобы летали самолеты.

— А без них не полетят?

— Вы знаете, сколько авиакораблей одновременно поднимаются в воздух? Сотни. И если их курсы пересекутся, то трагедии не избежать. Поэтому все воздушное пространство разделено на специальные зоны — аэродромы, трассы, коридоры. Ведут самолеты по этим зонам — от старта до посадки — диспетчеры.

— Ведут — это значит, указывают летчикам, что им делать?

— Нет, конечно, иначе в пилоты «принимали» бы прямо из детского сада. Но все же обойтись без указаний диспетчера даже самый опытный летчик не может: он-то курсов других самолетов не знает.

А бывают и вовсе неподвижные ситуации. Однажды — я тогда был диспетчером — заблудился ТУ-124, летевший из Горького в Минск...

— Как заблудился?

— Буквально. Попал в грозовые облака, экипаж попытался обойти грозу стороной, уклонился от трассы и потерял пред-

ставление, где сейчас самолет и куда нужно лететь. А горючим заправляют в расчете на протяженность трассы. Так что можете представить, что я чувствовал, глядя на засвеченный экран локатора. И все же удалось «выловить» этот борт, передать экипажу пеленг Минска и привести ТУ-124 в обход грозы в аэропорт...

— А кто может работать диспетчером управления воздушным движением?

— Каждый, кто абсолютно здоров, предельно собран, уме-

ет в любых условиях сохранять хладнокровие, у кого отличная память (запоминать нужно много — позывные, посадочные курсы, метеоинформацию, инструкции и правила полетов, летные характеристики различных типов самолетов, схемы различных маневров...), имеет хорошую дикцию, зрение и слух, знает английский. И, естественно, профессионально подготовлен к своей работе.

— Да, действительно, каждый... Но все же еще один вопрос: где учатся будущие диспетчеры?

— Сначала в Кировоградском летно-штурманском или Рижском летно-техническом училищах гражданской авиации. Через два года и десять месяцев выпускники становятся авиадиспетчерами третьего класса. Но на этом можно не останавливаться: в Ленинградской Академии гражданской авиации готовят инженеров по управлению воздушным движением. Там учиться нужно четыре года, а принимают в академию юношей от 17 до 25 лет, имеющих среднее образование.

скажите, про какие наши сегодняшние молодежные дела и проблемы стоило бы мне рассказать с кинокамерой в руках.

Юрий В-о,
г. Херсон

690 Идет по улице девушка. Высокая, стройная, симпатичная, одета что надо — даже вслед оборачиваются. И вот эта девушка уже с друзьями. Бар, дискотека, музыка, смех, остроты с претензией на тонкое остроумие, разговоры о всяческой чепухе: кто где что и почему достал, кто что с кем...

Это я. Другая девушка сидит вечером одна дома, читает хорошие книги, играет сама себе на гитаре, рисует нежной акварелью свои мечты о любви, музыку сочиняет. Это тоже я. Кто бы знал, как презираю ту, первую, и как мне нравится вторая. Так глупо все во мне перебрано! Я должна изображать общепринятую общительность, чтобы нравиться, чтобы не растерять знакомых, из боязни «гордого» одиночества. А как хочется с кем-нибудь тихо и откровенно поговорить о книгах, которые очень люблю, о музыке, о большой любви, в которую все-таки верю! Но это пропадает впустую. Не поймут. Потому что меня привыкли видеть другой и я — подстраиваюсь...

Лариса, 18 лет,
г. Курган

691 Представьте себе человека, висящего на третьем этаже с кинокамерой в руках.

Представили! В таком положении я находился не раз: около года уже снимаю короткометражные фильмы, в которых пытаюсь рассказывать о молодежи. Старшее поколение критикует эти мои попытки. Сверстники — узнают себя и смеются, хоть по содержанию мои фильмы достаточно острые. С удовольствием снимал бы положительные сюжеты, но вот странно: они почему-то получаются скучными — без зевоты не досмотреть. Про пошлость, жестокость, наркоманию, алкоголизм повторяться не хочется. Под-

692 Да, понимаю, что мои родители хотят своему чаду — мне — «всего самого-самого лучшего».

Лучше купить магнитофон — и пусть дома песни записывает, а не шатается неизвестно где, неизвестно с кем... И вот никаких «сомнительных компаний» — я одна. Конечно, не в полном смысле. Есть в школе «друзья по контрольным». И все. С предками конфликтую — надоели своими нравоучениями и назиданиями. Все меня раздражает. Даже Грантик [Грант — это моя овчарка]. К школе я давно уже безразлична, хоть и понимаю: знания необходимы. Мечтаю об институте международных отношений. Впрочем, это пустая мечта. Ведь я не отличница, да и «нужной руки» нет... В свободное время стараюсь побольше читать, слушаю «Джой» и «Европу», пытаюсь писать стихи. Рисую, играю на гитаре. Интересуюсь астрономией. Очень люблю кино. И еще — цирк.

Юля Родионова,
г. Воронеж

693 Хотел бы писать песни. Единственное препятствие:

нет подходящих стихов. Знаю, вам пишут и вас читают начинающие и еще не признанные поэты. Вот бы получить от них подходящие тексты! Жду писем от всех, кто сочиняет и думает. Одна только просьба: произведения типа «осень настала, холодно стало» не присылай!

Александр Чекрызов,
652642, Кемеровская область, г. Белово, ул. Комсомольская, д. 1, кв. 77

694 Вот у меня есть друзья. Маленькие [5, 8, 10, 12 лет], но самые верные.

Мне интересно с ними. Каждый день у нас «детский сад», как говорят соседи. В дверь стучат, не дотягиваясь до звонка, кто ботинком, кто кулачком, кто клюшкой. Приходят — и мы вместе играем. Со старшими — в шахматы, шашки. С младшими — рисуем стенные

газеты. Дел совместных не перечить (если только захотеть их увидеть). Сама я сейчас второкурсница технического вуза, хоть все учителя, да и просто знакомые, советовали выбрать пединститут. А я думаю, что любовь к детям от профессии никак не зависит. Правда!

Зоя К.,
г. Новосибирск

695 Скоро мне будет 20. Стыдно просить о помощи,

но другого пути из болота своего одиночества не вижу. Спокоен, уравновешен, работаю техником. Люблю хоккей, футбол, природу. Есть недостаток: с детства понижен слух. Результат: общение затруднено. Буду признателен рубрике, если благодаря ей ответится хоть один парень-ровесник...

В. Бондарев,
г. Ленинград

696 По-моему, современная девушка должна хорошо одеваться, заботиться о своей внешности, тщательно ухаживать за лицом, уметь производить впечатление на окружающих — ведь она девушка!

А у меня знакомая в свои 18 лет знает один лишь книги. Совершенно не разбирается в моде, долго ходит в одном и том же — ей наплевать! На любом вечере забьется куда-нибудь в угол и просидит там. Знакомиться не умеет. Да и разве парню приятно быть рядом с такой! О чем говорить с ней: о Гамлете, Чацком, Печорине! А что сама она о парнях знает! Снятся ей всякие принципы... Ненавижу «плай-девочек», скромниц, которые без мамино разрешения — ни в кино, ни на дискотеку. Конечно, надо стараться быть интересной собеседницей, но не такой же ценой! Я сама учусь вообще-то нормально. Читаю, когда есть время. Увлекаюсь музыкой, спортом. А что еще надо девушке! Кто хочет со мной поспорить — спорьте, пожалуйста.

Элеонора М., 18 лет,
г. Новосибирск

697 Моим отношениям со сверстниками вредит, наверное, моя повышенная антипатия к алчности, подлости и прочим «преlestям», которые, по-моему, разъедают наше по-

коление. Прикрываясь «периодом зстоя», мы позволяем себе делать друг другу гадости и никак не можем остановиться. Ругая и презируя старое поколение, мы почему-то упорно идем к повторениям тех же ошибок. Неужели же среди тысяч молодых ребят, девчонок не найдется такие, кому хотелось бы изменить, исправить заржавевший жизненный механизм; хотелось бы высказаться откровенно и по-человечески жить!

Найдутся. Напишут. Пора уже нам всем вместе возвращать настоящий, первоначальный смысл таким понятиям, как справедливость, честь, верность, дружба, любовь...

Юрий О., 18 лет,
г. Киев

УГОЛ ЗРЕНИЯ

698 А ты, «Парус», ничего, нормальный парень. Пере-

смотрела твои статьи и здорово заинтересовалась. Ну, а написать решила по поводу одного письма из рубрики «Ищу друга». Сначала мне было очень жаль эту Лену Б., [письмо 610, «Парус» № 1 за 1988 год], а потом вдруг подумалось: боже, насколько же это пустой и неинтересный человек! Вокруг себя она видит одну только скукоту (ее слово). Но разве по-настоящему — так! Если человеку все неинтересно, никто его не может понять, стоило бы на себя оглянуться — может быть, это ты сам скучная и неинтересная личность! В письме: хочу то да хочу это, а меня никак никто не поймет [подразумевается, — и ты, «Парус», наверное, не поймешь]. С родителями скандалы, цели в жизни нет... Читает противно! Мне кажется, такие письма не стоило бы печатать. Ну, откликнулся на него никто такого же типа, станут друг другу в письмах жаловаться на жизнь, на судьбу. Ничего другого из такой переписки не выйдет. Разве не так!

А мне, как и Лене, тоже 15, учусь в школе, свободное время провожу со сверстниками, люблю современную музыку и разбираюсь в ней. Читать люблю, дискотеки люблю. И вообще — оптимистка.

Ирина Ш.,
г. Киев

Рубрику ведет Тамара САХАЩИК

читатель почитывает, а писатель подсчитывает

ПРИСТРАСТНО

Полоски бумаги, заполненные колонками цифр, стали обычными в почте редакции. Это отрезанные от первой страницы «Паруса» анкеты — мнения о журнале, своего рода монологи читателей. Можно сложить все цифры и разделить на число анкет. Получится средний балл. Будет ли он объективным?

Наверное, и да, и нет. Да — потому что это все-таки мнение большинства. Нет — потому что никакого усредненного читателя не существует. Наши вкусы, опыт, взгляды на жизнь — различны. Отсюда различие, даже противоположность оценок.

А что, если попробовать посчитать по-другому: выяснить, сколько каких оценок выставлено каждому материалу в любой сотне анкет? Так... 38 «десяток» и 30 «девяток» из ста возможных набрали в 4-м номере «Паруса» «Исповеди-отповеди», 31 и, соответственно 20 — «С мира по нотке».

При такой системе под-

счета заметно, что низких оценок в анкетах совсем немного. Это настораживает: не слишком ли вы снисходительны к журналу?

80% читателей поставили от «семерки» до «десятки» материалу «При свете правды», 77 — высоко оценили рубрику «Трубка мира», 74 — «Музыкальный зонд», 70 — «Контрольную», 65 — разговор о школьных проблемах («Школьные годы — чудесные?»).

Более чем половине пришедших анкеты не понравился материал «Выходим на связь» и рассказ «Смотрины». Со связью все ясно — рекламу не стоило вставлять в анкету, она оценки не требует. А рассказ мне жалко.

Ищу читательские комментарии на полях анкет. «Как вы могли поместить такое после «Железных ангелов» Е. Кузьменок?! После бесстрашной Кармен какая-то пошлая Люня? «Единица» — и вам, и этой несчастной размазне...» Впрочем,

у тех, кому уже «за шестнадцать», оценки повыше. Пять-шесть «десяток» на сотню все-таки набирается. Да и «девяток» не меньше.

— Могла ли Кармен оказаться в ситуации Люни? — переспросила автор «Железных ангелов» Лена Кузьменок и ненадолго задумалась. — Со временем — да. На месте Ильюхи был бы, конечно же, совсем другой человек. Все остальное — возможно.

Читатели рассуждают о девушках, как о своих знакомых, обособив, оторвав их от рассказов. И оценки, оказывается, ставят не рассказам, а их героям. Что же, будем впредь учитывать возможность и такой «оценки по поведению».

Спасибо всем, кто заполнил и прислал нам анкеты. Пусть и дальше ваше мнение будет пристрастным. А значит — искренним.

Т. САХАЩИК,
литсотрудник
отдела писем

Парус

Главный редактор
Александр КЛАСКОВСКИЙ

Редакционная коллегия:

Владимир ВЕРХОВЕЦ, Тамара ГЛАВАК, Василий ГУРИН, Алексей ДУДАРЕВ, Борис ЖУРАВЛЕВ, Евгений КЛИМОВ, Валентин МАСЛЮКОВ (отв. секретарь), Ирина ПАВЛЮЧИК, Борис ПАСТЕРНАК (зам. главного редактора), Ефим ШУР

Художественный редактор Валерий РУЛЬКОВ

Технический редактор Валентина ЖГУНЦОВА

Корректор Любовь БАИЧ

Издательство «Полымя» Государственного комитета Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Сдано в набор 13.05.88. Подписано к печати 27.06.88. АТ 06251. Формат 70×108¹/₁₆. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 15,05. Уч.-изд. л. 8,0. Зак. 953. Тираж 400 000 экз. Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. Адрес: 220041, г. Минск, Ленинский проспект, 79.

Звоните:

20-41-30

20-24-00

20-31-27

Пишите:

220600, г. Минск,

ГСП, ул. Короля, 12

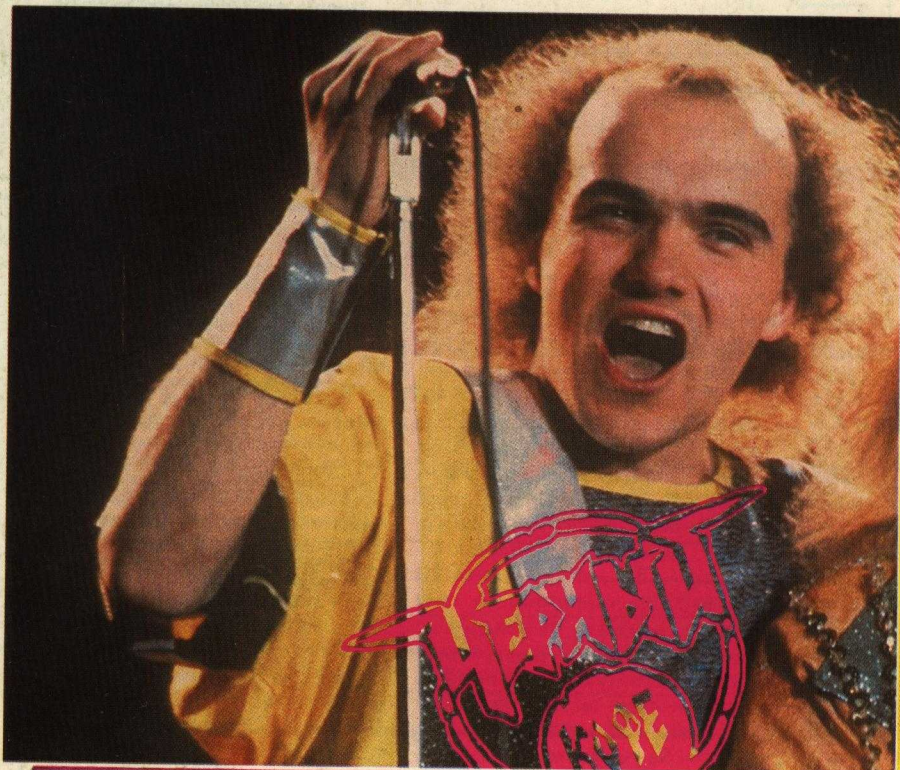
<div data-bbox="61 66 123 142" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">А</div> ДАТА <hr/> ВРЕМЯ <hr/> МОНО ☐ СТЕРЕО ☐		<div data-bbox="332 66 394 142" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">А</div> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/>	<p>Многие рок-группы попали в свет юпитеров только после долгих «подвальных» будней. Этой московской группе повезло: ее вовремя заметил и поддержал опытный Ованес Мелик-Пашаев.</p> <p>Музыку «Черного кофе» [автор большинства композиций — Дмитрий Варшавский] отличает, как ни парадоксально, мелодизм. Это еще раз доказывает, что «металл» «металлу» рознь. Взять хотя бы композиции «Листья» или «Владимирская Русь» — они полны самого настоящего лиризма! Может быть, именно потому эти песни пользуются популярностью у самой широкой аудитории, а не только у поклонников «хэви-метал».</p> <p>На концертах группа работает на износ, на пределе сил, но — ни одной фальшивой ноты, ни единой помарки. Особо хочется отметить Дмитрия Варшавского [для «металла» сильный вокал — половина успеха] и бас-гитариста Игоря Куприянова [он отлично владеет и голосом, и инструментом].</p> <p>Сейчас группа записывает на «Мелодии», после гиганта «Переступи порог», второй диск.</p>
<div data-bbox="61 447 123 523" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">Б</div> ДАТА <hr/> ВРЕМЯ <hr/> МОНО ☐ СТЕРЕО ☐		<div data-bbox="332 447 394 523" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">Б</div> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/>	

<div data-bbox="61 929 123 1005" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">А</div> ДАТА <hr/> ВРЕМЯ <hr/> МОНО ☐ СТЕРЕО ☐		<div data-bbox="332 929 394 1005" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">А</div> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/>	<p>Творческая биография группы «ДДТ» и ее лидера Юрия Шевчука началась в Уфе, где в 1982 году был записан первый магнитофонный альбом «Свинья на радуге». Всесоюзную популярность принес Шевчуку альбом «Периферия» [1984 г.]. После этого жить в Уфе Юрию стало невозможно: начались серьезные конфликты с местными чиновниками от культуры. Пришлось перебраться в Москву, где вместе с постоянным клавишником «ДДТ» Владимиром Сигаевым он записывает альбом «Время» [1985 г.]. Звучание, до этого тяготевшее к хард-року, смягчилось за счет использования грампластинки. Тексты же остались по-прежнему острыми.</p> <p>В 1987 году Шевчук переехал в Ленинград и с новым составом группы победно выступил на рок-фестивале, затмив самых именитых. В его песнях есть и трагедия («Церковь без крестов»), и сатира («Метро»), и лирика («Ленинград»), и философия («Революция»).</p> <p>В прошлом году «ДДТ» записала свой очередной альбом «Оттепель».</p> <p>Состав группы: Юрий Шевчук (вокал), Никита Зайцев (гитара), Андрей Васильев (гитара), Вадим Курылев (бас), Игорь Доценко (ударные).</p>
<div data-bbox="61 1309 123 1386" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">Б</div> ДАТА <hr/> ВРЕМЯ <hr/> МОНО ☐ СТЕРЕО ☐		<div data-bbox="332 1309 394 1386" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">Б</div> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/> <hr/>	

Вырезав эти вкладыши, вы сможете оформить футляры своих магнитофонных кассет.

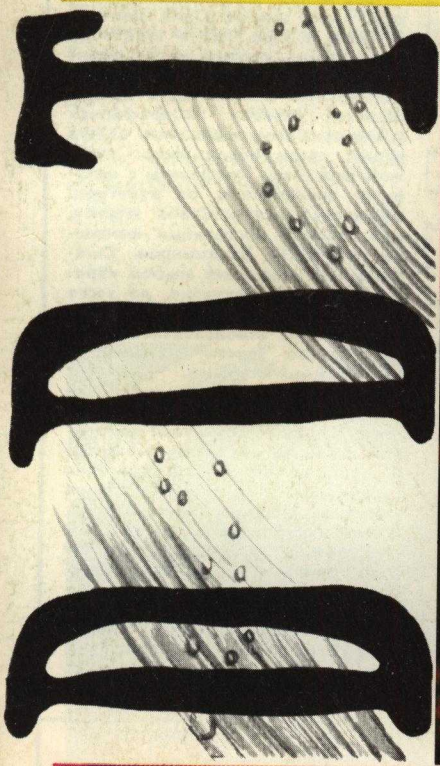
Текст подготовили Евгений ФЕДОРОВ и Александр СТАРЦЕВ

Фото Евгения МАТВЕЕВА

А

Б

Д Д Т

А

Б

